

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

Д О К У К А
И
Б А Л А Г У Р Ь Е

РУССКІЯ СКАЗКИ

МСМХІV

Изд. СИРИНЪ.

Пушкинская, 10.

АЛЕКСЪЙ РЕМИЗОВЪ

ДОКУКА И БАЛАГУРЬЕ

Типографія М. М. Стасюлевича,
СПБ. Вас. остр. 5 лин., д. 28.

Посвящаю
С. П. Ремизовой-Довтелло.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

НАРОДНЫЯ СКАЗКИ

РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ.

СУЖЕНАЯ.

Три года игралъ молодецъ съ дѣвицей, три осени. Много было поговорено тайныхъ словъ. Вотъ какъ Марья любила Ивана!

Кто у насъ теперь такъ любитъ!

Пришло время вѣнцы надѣвать. И выдали Марью за другого, за Ивана не дали.

Живо старики справили дѣло. Попался зять совѣтный, богатый, имъ и ладно. А ей не мѣдъ житье, почернѣла Марья, чернѣе осенней ночи, и лишь глаза горятъ, какъ свѣчи, надсадилась — холодомъ заморозилось сердце, не весела, не радостна пѣла она вечерами заунывныя пѣсни, тяжело было до смерти. Да стерпѣла и покорилась.

Три года прожила Марья съ немилымъ, три осени. Стала у ней глотка болѣть. И недолго она провалялась, померла на Кузьму-Демьяна. И похоронили Марью.

Эй, зима — морозы пришли, бѣлымъ снѣгомъ покрыли могилу. И лежала Марья подъ бѣлымъ снѣгомъ, не горѣли больше глаза, плотно были закрыты вѣки.

Вотъ ночью встала Марья изъ могилы, пошла къ своему мужу.

Заградилъся Ѳеодоръ крестомъ, мужъ ея немилый.

— Да будь она проклятая баба! — и не пустилъ жену въ домъ.

Пошла Марья къ отцу, къ матери пошла.

— На кого ты ротъ разинула? — сказалъ отецъ.

— Куда ты, бѣсъ, бѣгаешь? — сказала мать.

Испугался отецъ, испугалась мать, не пустили дочь въ избу.

Пошла Марья къ крестной матери.

— Ступай, грѣшная душа, куда знаешь, здѣсь тебѣ мѣста нѣту! — выпроводила крестная крестницу.

И осталась Марья одна — чужая на вольномъ свѣтѣ, лишь небомъ покрытая.

„Пойду-ка я къ моему старо-прежнему, — опомнилась Марья, — онъ меня приметъ!“

И пришла она подъ окно къ Ивану. Сидитъ Иванъ у окна, образъ пишетъ — Богородицу. Постучала она въ окно. Разбудилъ Иванъ работника — ночное время — вышли во дворъ съ топорами.

Работникъ, какъ увидалъ Марью, испугался, думалъ, съѣстъ его — да безъ оглядки бѣжать.

А она къ Ивану:

— Возьми меня, я тебя не трону.

Обрадовался Иванъ, подошелъ къ ней, ее обнялъ.

— Постой, — она говоритъ, — ты не прижимай меня крѣпко, мои косточки налегались!

И сама глядитъ — не наглядится, любитъся — не налюбуется. Вотъ какъ Марья любила Ивана!

Кто у насъ теперь такъ любитъ!

Иванъ взялъ Марью въ домъ, никому ее не показывалъ, наряжалъ, кормилъ ее и поилъ. И жили такъ до Рождества вмѣстѣ.

На Рождество пошли они въ церковь. Въ церкви всѣ смотрятъ на Марью, отецъ и мать и мужъ Ѳедоръ и крёстная.

— Это будто моя дочка!—говоритъ мать.

— Да таки наша!—говоритъ отецъ.

Переговаривались между собою отецъ и мать и мужъ и крёстная.

А какъ обѣдня кончилась, подошла Марья къ матери:

— Я ваша и есть, — сказала Марья, — помните, ночью къ вамъ приходила, вы меня не пустили, и пошла я къ старо-прежнему моему, онъ меня и взялъ.

И признали всѣ Марью и присудили ей: за стараго мужа, за Ѳедора не дали назадъ, а дали ее Ивану.

Эй весна, — снѣга растаяли, пошли зеленые всходы, и на Красную горку повѣнчали Ивана да Марью.

Тутъ моя сказка, тутъ моя повѣсть.

1910 г.

ЖЕЛАННАЯ.

Не хотѣла бабка, чтобы внукъ женился: жалко старухѣ разставаться съ любимымъ внукомъ. А онъ себѣ, знай, стоитъ на своемъ. И вотъ какъ вести къ вѣнцу, стала карга на вѣнчальномъ порогѣ и прокляла внука.

— Чтобъ тебя,—говорить,—чортъ взялъ, триста чертей, тридцать и три, проклятое!

И когда шли отъ вѣнца молодые, чортъ внука и схапалъ, только и видѣли.

Осталась молодуха одна безъ молодого, плачетъ. Тошно ей одной, тошно на свѣтѣ жить: постылъ ей бѣлый свѣтъ безъ милаго.

„Либо петлю на шею, либо мужа верни!“—одно у ней на умѣ, и посылаетъ она свекра мужа искать.

Жалко старику сына. Говорить старикъ своей хозяйкѣ:

— Спеки мнѣ лепешекъ на дорогу, пойду за сыномъ.

Испекла хозяйка лепешекъ, снарядила своего старика въ дорогу, пошелъ старикъ въ лѣсъ. И въ лѣсу тамъ шелъ, шелъ, набрелъ на избушку—въ

лѣсу тамъ, вошелъ въ избушку, положилъ лепешки на столъ, самъ за печку.

И слышитъ старикъ: идетъ... въ скрипку выскрипливается, въ балалайку выигрывается, идетъ... приходитъ въ избушку, садится на лавку...

— Жаль, — говоритъ, — мнѣ-ка батюшки, жаль мнѣ-ка матушки,—а самъ все въ скрипку выскрипливается; въ балалайку выигрывается, — жаль мнѣ молодой жены...

Хоть бы не жилъ я, разстался,
Хоть бы жилъ да потерялся!

Отецъ обрадовался, узналъ сына, выходитъ изъ-за печки.

— Ой,—говоритъ,—сынъ ты мой любезный, пойдёмъ домой со мною.

— Нѣтъ, отецъ, нельзя никакъ! — сынъ пошелъ изъ избы.

Отецъ вслѣдъ:

— Я отъ тебя не отстану, куда ты, туда и я.

И приходятъ они къ ямѣ,—тамъ въ лѣсу. Сынъ съ отцомъ прощается. Поклонился сынъ отцу до земли, да бухъ въ яму. Постоялъ старикъ, постоялъ, не смѣетъ лѣзть за сыномъ въ яму, и пошелъ, слезно заплакавъ, домой пошелъ.

У околицы встрѣчаетъ старика молодуха, горитъ вся:

— Ну что, видѣлъ?

— Видѣть-то, видѣлъ, — говоритъ старикъ, — да взять его никакъ невозможно, — и рассказалъ все, какъ было.

Какъ полотно, побѣлѣла молодуха.

— Я,—говорить,—завтра... я сама пойду. Куда онъ, туда и я. Я отъ него не отстану.

— Нѣтъ, невѣстка, отстанешь.

А она:

— Нѣтъ, не отстану.

А старуха бабка, слушавши, скалить свой зубъ черный—смѣется, вѣдьма: молъ, отстанешь!

Напекла молодуха лепешекъ, дождалась, какъ свѣтать станетъ, и чуть поднялось солнце, пошла въ лѣсъ, и вышла на дорогу, какъ наказаль старикъ, и тамъ набрела на ту избушку, — тамъ въ лѣсу. Вошла въ избушку, положила лепешки на столъ, а сама за печку.

И слышитъ молодуха: идетъ... въ скрипку выскрипливаетъ, въ балалайку выигрываетъ, идетъ... приходитъ въ избушку, садится на лавку...

— Жаль, — говоритъ, — мнѣ-ка батюшки, жаль мнѣ-ка матушки, — а самъ въ скрипку выскрипливаетъ, въ балалайку выигрываетъ, — жаль мнѣ молодой жены...

Хоть бы не жилъ я, разстался,
Хоть бы жилъ да потерялся!

Тутъ и вышла она изъ-за печки, кинулась къ мужу.

— Ну, — говоритъ, — мужъ мой возлюбленный, куда ты, туда и я. Я отъ тебя не отстану.

— Отстанешь,—говорить онъ ей,—бѣдная ты!

А она:

— Нѣтъ, не отстану.

И вышли они вмѣстѣ изъ избы въ лѣсъ и приходятъ къ той самой ямѣ, и сталъ онъ слезно прощаться:

— Прощай,—говорить,—Любава моя, тебѣ меня не видать больше.

А она:

— Куда ты, туда и я.

— Нѣтъ ужъ, ты за мной не ходи, сдѣлай милость.

— Нѣтъ, я пойду, ни за что не отстану.

Онъ бухъ въ яму и скрылся. А она постояла, постояла, да за нимъ вслѣдъ, туда же—въ яму.

— Все равно, —говорить, — гдѣ онъ, тамъ и я: одна жизнь!

И какъ упала она вслѣдъ за нимъ въ яму, смотреть: дорога тамъ, домъ, и онъ ужъ подходитъ къ дому.

Догнала она его, ухватилась:

— Я съ тобой!

— Ой,—говорить онъ,—погибли мы теперь оба, ты и я: свадьбу вѣдь играютъ, дочку за меня выдаютъ.

И они вмѣстѣ вошли въ домъ. А тамъ сидитъ старикъ, страсть и глядѣтъ такой страшный старикъ, а съ нимъ всѣ триста и тридцать и три — черти, свадьбу играютъ.

— Это кого-жъ ты привелъ?—сказалъ старикъ, главный.

— Это жена моя, Любава.

Она старику въ ноги. Старикъ ее бить: и ломалъ, и лягалъ, и щипалъ, и всякъ ее ломалъ, да какъ

наступить ножищей,—закричала она по худому, на глотку сталь.

— Несите ее,—старикъ задохнулся отъ злости,— его да ее, стащите обоихъ изъ дому вонъ, откуда ихъ взяли, чтобы и духу не пахло!

Ну и потащили. И притащили ихъ ночью къ дому, хряснули о крыльцо, инда хоромы затрещали.

Такъ вернула Любава себѣ мужа, Петра, желанная, милаго.

И стали они жить и быть и добра наживать, отъ лиха избывать.

1909 г.

ОБРЕЧЕННАЯ.

Быль одинъ человѣкъ торговый — купецъ богатый. Помнилъ онъ Бога, Богу молился, чтобы далъ Богъ всего хорошаго.

Ѣхалъ купецъ на ярмарку, задержался въ городѣ и только къ ночи на мѣсто поспѣлъ. Остановился купецъ на постояломъ дворѣ. А поздній былъ часъ, и чаю не выпилъ, помолился, легъ спать.

И вотъ слышитъ, будто подъ окномъ стучить кто-то, а онъ будто всталъ и къ окну, спрашиваетъ: „Что надо?“

„Въ сей часъ,—отвѣчаетъ ему со двора кто-то,— дитѣ родилось въ домѣ, и скажу тебѣ, что этому младенцу будетъ“.

„Что же ему будетъ?“

И опять со двора отвѣчаетъ ему тотъ же голосъ:

„До семнадцати лѣтъ вырастетъ этотъ младенецъ, а въ семнадцатый ангельскій день въ колодезь убьется на улицѣ“.

И больше ни слова. Спитъ купецъ, больше ничего не слышитъ.

На утро проснулся купецъ, вспомнился сонъ ему,

и заходитъ онъ къ хозяину. А хозяйка въ ту ночь дитѣ родила—дѣвицу. Жалко стало купцу дѣвченку, и задумалъ онъ спасти ее, сохранить отъ бѣды неминуемой, обреченную, и говорить отцу:

— Я всю ярмарку тутъ проторгую, возьмите-ка кумомъ меня.

Хозяинъ видитъ, купецъ богатый и человѣкъ очень хорошій, согласился, взялъ его кумомъ. Богатыя справили крестины. Не пожалѣлъ купецъ денегъ, всѣхъ наградилъ щедро—и куму и крестницу. Всѣмъ купецъ по душѣ пришелся.

Кончилась ярмарка, пришло время домой ѣхать, прощается крестный.

— Ежели,—говорить,—будетъ жить моя крестница, оставляю ей обновъ всякихъ и содержанія, а какъ семнадцать лѣтъ ей исполнится, на ангельскій семнадцатый день я самъ у васъ буду, ежели самъ живъ буду.

Растетъ крестница. Шестнадцать годовъ проходить. Выросла крестница и такая—хороша, была бы лучше, да некуда. Шестнадцать годовъ прошло и ни разу не побывалъ крестный у крестницы. Ждутъ крестнаго: два дня осталось до ангельскаго дня, ждутъ купца, глядятъ на дорогу, не ѣдетъ ли?

Помнилъ Бога купецъ, Богу молился, чтобы далъ Богъ всего хорошаго. Не забылъ онъ сна своего, не забылъ обѣщанія. Онъ спасетъ свою крестницу, сохранить ее отъ бѣды неминуемой, обреченную: онъ одинъ знаетъ судьбу ея, одинъ можетъ повернуть судьбу.

Ѣдетъ купецъ. Встрѣчаетъ его крестница.

— Здравствуй, крестный!—и глядитъ на него— и такъ хороша, была бы лучше, да некуда.

Купецъ ей гостинцу—платье привезъ, что всѣмъ людямъ на диво.

Начались именинные сборы. Говорить крестный кумѣ:

— Возьмите изъ колодца воды по надобью, чтобы на двое сутокъ воды хватило.

Взяла кума воды въ кадки, наполнила на двое сутокъ. Велѣлъ купецъ обить колодецъ кожей. Самъ и кожу купилъ, самъ и работу провѣрилъ, все-ли сдѣлано такъ: мягко и гладко.

Наступили именины крестницы, семнадцатый ангельскій день.

„Въ семнадцатый ангельскій день убьется въ колодецъ на улицѣ!“—держитъ купецъ въ памяти, никуда не отходитъ отъ крестницы, зорко слѣдитъ.

Весело было въ домѣ, — веселый пиръ задалъ купецъ, — пили, веселились гости. А крестница ничего не ѣстъ.

— Ничего не хочу, не надо мнѣ ничего! — все отказывается, вдругъ скучная стала.

И какъ ни потчевалъ крестный, ничѣмъ не развлекъ. Ей въ душу ничего не идетъ и не сидится на мѣстѣ: все на волю, все погулять просится. И обѣдъ не кончился, встала она изъ-за стола, да на улицу. И крестный за ней.

Идетъ она, словно ведетъ ее кто, скоро, легко идетъ, и прямо къ колодцу.

Догналъ ее крестный, взялъ за руку, крѣпко взялъ за руку.

„Въ семнадцатый ангельскій день убьется въ колодцѣ на улицѣ!“ — не заглушить ему вѣщихъ словъ, держать въ умѣ.

А она вырвалась изъ рукъ и упала, — на эту мягкую гладкую кожу упала... у колодца.

Схватился крестный, зоветъ крестницу:

— Маша! Машенька!

А Маша ужъ мертвая.

И отнесли ее въ домъ и похоронили — слезно плакали. Да слезами не поможешь! Ужъ такъ ей было на роду написано.

1912 г.

ЖАЛОСТНАЯ.

Жиль-быль старикъ со старухой и внучать двое: внукъ да внучка. Невѣстка въ городъ въ услуженіе пошла и пропала, а сына бревномъ задавило—такая напасть Божья: не разбойникъ, не воръ, поди-жь ты!

Избенка ветхая, темная, старикъ-то мѣшкомъ свѣтъ въ избу носилъ, ну, мѣшкомъ много-ль принесешь свѣта? Корова тоже была, втащутъ корову на баню — на банѣ трава росла — тутъ коровѣ и кормъ. Косы, чтобы траву выкосить, у стариковъ не было: какой-то шальной стащилъ косу. Такъ и жили.

Разъ послали старики внучку Нюшку на берегъ мочалу полоскать — вѣникъ. Ждать-подождать, не возвращается Нюшка, бабушка и стоскнулась, пошла искать дѣвченку. Приходитъ старуха на сходни, а Нюшка сидитъ, плачетъ.

— Что ты, дитятко, плачешь?

А дѣвченка пальцемъ на деревню кажетъ — за озеромъ деревня была, да какъ вззоетъ.

— Выйду,—говорить,—я въ эту деревеньку за-

мужъ, рожу паренька. Будетъ паренекъ на двѣнадцатомъ годку, поидетъ по молоденькому льду да и потонетъ.

Тутъ и бабушка начала плакать.

Хватился внученокъ бабушки да сестренки,—нѣтъ нигдѣ, ужъ и туда побѣжалъ и сюда сбѣгалъ, обѣжалъ дворъ,—нѣтъ нигдѣ. На сходни къ озеру сиганулъ мальченка, смотритъ, а бабушка съ Нюшкой и сидятъ, обѣ плачуть-разливаются; сестренка-то всѣмъ захлебнулась.

— Сестрица твоя чѣмъ задумала! — сквозь слезы говоритъ бабушка,—выйдетъ она замужъ въ ту вонъ деревеньку, родитъ паренька, и какъ будетъ паренекъ на двѣнадцатомъ годку, поидетъ по молоденькому льду да и потонетъ.

Внученокъ слушалъ, слушалъ да какъ зареветъ.

Столкнулся дѣдъ по внученкѣ, покликалъ Петьку,—нѣту.

„Э!—смекнулъ старикъ,—на озеро, знать, куроѣдъ побѣжалъ купаться!“—и пошелъ себѣ тихонько на озеро искать внученка Петьку.

А они всѣ трое тутъ-какъ-тутъ на сходняхъ, сидятъ рядкомъ,—бабушка, внучка и внученокъ, вопять.

— Что это вы, родимые, плачете?

А внучка ужъ закатилась, Нюшка, кулачки сжала.

— Ой ты, старикъ, — прошамкала старуха, — внучка-то у насъ, Нюшка, чѣмъ задумала: выйдетъ она замужъ въ ту вонъ деревеньку, родитъ паренька, и какъ будетъ паренекъ на двѣнадцатомъ годку, поидетъ по молоденькому льду и потонетъ.

Дѣдъ крѣпился, крѣпился, не выдержалъ да въ слёзы.

И плачутъ, сидятъ у озера, плачутъ—старикъ со старухой да внучатъ двое: внукъ и внучка.

И никто не утѣшитъ, ни стараго, ни малаго. Невѣстка-то въ городъ въ услуженіе пошла и пропала, а сына бревномъ задавило, — такая напасть Божья: не разбойникъ, не воръ, поди-жъ ты!

Эхъ, грѣхи наши тяжкіе!

1909 г.

ПОТЕРЯННАЯ.

1.

У одного купца росла дочь Домна. Строго ее держалъ отецъ: ни на улицу выйти, ни на гулянье куда, за порогъ безъ себя не пустить. Въ верхахъ сидѣла Домна. И кушанье ей туда подавали, готовое все. Такъ въ верхахъ и сидѣла Домна, только что изъ окна и глядитъ на свѣтъ Божій.

Богатый купецъ былъ, отецъ Домны: свой кабакъ, сорокъ цѣловальниковъ при кабацѣ держалъ. У купцова дома всегда народъ. А въ праздникъ соберутся парни, игру затѣютъ, веселятся.

Какъ-то играли парни, кто въ рюхи, кто мячикомъ.

Мячикъ въ окно въ верхи и заскочи къ Домнѣ. Домна окно закрыла. И какъ ни просили ее, не отдаетъ мячика.

Ну, а тутъ какой-то и выскочилъ—рукавицы съ когтями, сапоги съ когтями, да по стѣнѣ къ ней къ окну въ верхи и забрался. Домна окошко отворила и отдала ему мячикъ.

И съ той поры сталъ смѣльчакъ гостить къ купцовой дочкѣ.

2.

Сидить разъ дружокъ у Домны въ верхахъ, а отецъ и идетъ. Что ей дѣлать? Куда схоронить дружка? Взяла она да въ постель его къ подушкамъ и завернула.

Пришелъ отецъ, сѣлъ на кровать: то да сѣ, дочку спрашиваетъ.

Строгій былъ старикъ, строго держалъ дочь, а безъ Домны дѣла не начнетъ, все только съ ней и совѣту. Любилъ старикъ дочь: одна она у него была.

За разговорами старикъ и задремалъ, протянулся поудобнѣе, да и заснулъ на кровати. А тотъ, дружокъ-то, лежалъ-лежалъ подъ старикомъ и кончился: безъ воздуха трудно, задохнулся.

Что ей дѣлать? Отцу-то не смѣетъ сказать: не спустить старикъ — строгій былъ, строго держалъ дочь. Домна къ дворнику:

— Выручи,—говорить,—Максимъ, убери. Убьетъ батюшка.

А дворникъ, — былъ такой дворникъ у купца шантрѣпъ изъ городу, въ городѣ бурлачилъ, а вернулся въ деревню, въ дворники къ купцу поступилъ, — ему это плевое дѣло, онъ этого парня во дворъ спустилъ и убралъ куда-то.

И сталъ шантрѣпъ съ поры на пору къ купцовой дочкѣ похаживать, какъ дружокъ покойный.

3.

Осень пришла, ночи темныя.

Собрались купцовы цѣловальники, всѣ сорокъ

цѣловальниковъ въ кабакъ при праздникъ, и съ ними дворникъ: безъ него дѣло не обходится. Выпили пріятели, затавокали: кто про что,—извѣстно, хвастаютъ, вино-то куда хвастливо!

Дворникъ и говорить:

— Вы,—говорить,—что! Я вотъ, я,—говорить,—къ купцовой дочкѣ хожу!

— Что ты врешь,—галдятъ,—быть не можетъ!—крякаютъ.

— И очень просто, хожу!—ломается шантряпъ.

— А если ходишь, такъ приведи.

— Что-жъ, и приведу! — пуще ломается шантряпъ, да изъ кабака къ купцу въ домъ въ верхи. Поздній былъ часъ, спать улеглись по домамъ.

Разбудилъ дворникъ Домну. А ей, хоть плачь, итти надо.

И привелъ шантряпъ купцову дочку въ кабакъ, вывелъ на середку къ цѣловальникамъ, самъ куражится.

— Угощай,—говорить,—гостей, кланяйся!

Взяла Домна поднось, двѣ рюмки на поднось, бутылку вина, пошла обходить гостей, потчивать.

Пьютъ гости, подмигиваютъ: рожи красныя, пьяныя. Разъ что Домна за шантряпа пошла, имъ ли не взять ея!—всякъ о себѣ свое одно думаетъ, глазомъ примѣриваетъ. Пьютъ гости, подмигиваютъ.

А она глазъ не подыметъ, ходитъ съ подносомъ, кланяется.

И напились цѣловальники, свалились съ лавки подъ столъ, и дворникъ захрапѣлъ подъ столомъ. Всѣ заснули, всѣ сорокъ цѣловальниковъ.

Одна Домна, одна въ кабаѣ съ подносомъ
стоитъ.

„До утра дожждаться, всѣ узнаютъ, донесутъ батюшкѣ!“ — думаетъ себѣ Домна, а сердце такъ и ходитъ, такъ и рвется.

И взяла Домна отворила бочку съ виномъ, пропустила вино да и зажгла все вино, а сама домой, въ верхи, въ свою комнату.

По утру встаетъ старикъ, а къ нему посланный:

— Кабакъ сгорѣлъ, сорокъ цѣловальниковъ сгорѣло въ кабаѣ и дворникъ твой сгорѣлъ.

Старикъ къ Домнѣ: въ горѣ ли, въ радости — все къ ней, съ ней одной совѣтъ. Строгій былъ старикъ, строго держалъ дочь, а любилъ ее: одна она у него была.

— Что,—говоритъ,—дитятко, спишь, бѣда у насъ.

А на ней лица нѣтъ.

— Такъ мнѣ, батюшка, тяжело мнѣ было, такъ... не спала я, спать не могла...

— Кабакъ сгорѣлъ, сорокъ цѣловальниковъ сгорѣло въ кабаѣ... — говоритъ отецъ, самъ смотритъ на дочь и вдругъ понялъ старикъ, — всѣ, всѣ сгорѣли и дворникъ твой!

1911 г.

РОБКАЯ.

Жила-была одна дѣвица, умеръ у ней отецъ, умерла и мать. Осталась одна Оедосья, да безъ отца, безъ матери и спозналась съ работникомъ отцовскимъ.

Хорошій былъ работникъ-бурлакъ, крѣпко любилъ Оедосью, и Оедосья къ нему привязалась, и жить бы имъ да жить, да люди-то говорить стали,— не хорошо.

Оедосья и оробѣла.

Пошла Оедосья къ дядѣ, просить дядю и тетку.

— Возьмите,—говорить,—меня, примите къ себѣ.

А дядя и тетка говорятъ:

— Покинь свою дружбу, такъ мы тебя возьмемъ.

На все готова Оедосья: оробѣла дѣвка.

— Покину,—говорить,—покину, возьмите только.

И приняли старики племянницу и стала Оедосья жить въ дядиномъ домѣ: какъ дочь стала жить, а дружбы своей не покинула.

Пойдетъ на вечеринку, тамъ украдкой и свидится съ нимъ, гдѣ-нибудь въ сторонкѣ, украдкой, поговорить съ нимъ,—поговорятъ, потужать.

И опять въ люди вышло: узналъ дядя, узнала и тетка, стали старики поругивать Өедосью.

А тутъ этотъ работникъ-бурлакъ вдругъ и померъ.

— Слава Богу, — успокоился дядя, успокоилась тетка, — больше съ нимъ знаться не будешь! — и стали старики подумывать, какъ бы племянницу замужъ выдать, стали старики присматривать ей челоѡка.

А Өедосья прежде-то, какъ живъ онъ былъ, работникъ-то, все таилась, робкая, скрывала отъ людей, а ужъ тутъ, — куда робь! — ничего не таить, никого не боится, и все по немъ тоскуеть, все въ умъ его держить.

Пойдетъ на вечеринку, ни птъ не поеть, ни въ игры не играетъ, а какъ сядетъ, одна сидить молча, и ужъ сама себъ на могилу итти ладить, —къ нему на могилу. А вернется съ кладбища, спать ляжетъ, а въ умъ все одно, —о немъ тоскуеть.

И сталъ онъ приходитъ къ ней ночью.

Никто его не видитъ, ни дядя, ни тетка, одна она видитъ.

— Я умеръ, —сказалъ онъ ей, —да не въ зъ боль, иди за меня замужъ.

И съ той поры повеселъла Өедосья, веселая, не узнаешь ее, подѡвнечное платье себъ шить принялась.

И на вечеринкахъ не узнать ее.

Тоже и на вечеринки сталъ онъ приходитъ къ ней.

Люди его не видятъ, одна она его видитъ.

— Я за него замужъ пойду! —говорить Өедосья подругамъ, смъется.

— Что ты,— говорятъ,— его, вѣдь, въ живыхъ нѣту.

— Нѣту, какъ же! Онъ ожилъ!—смѣется Оедосья.

Сшила себѣ Оедосья подвѣчное платье, въ подвѣчномъ платьѣ невѣстой пришла на вечеринку. И онъ къ ней пришелъ на вечеринку.

Никто его не видитъ, одна она его видитъ.

И они сговорились: она съ вечеринки пойдетъ къ нему въ избу, гдѣ у отца онъ жилъ, а изъ избы вмѣстѣ пойдутъ въ церковь вѣнчаться.

— Я нынче замужъ пойду! — сказала подругамъ Оедосья, смѣется, и простилась, ушла домой.

Не слыхалъ ни дядя, ни тетка, какъ вернулась племянница въ домъ, крѣпко старики спали. А по утру хватились, племянницы-то и нѣтъ. Гдѣ, гдѣ? — не знаютъ.

Не знаютъ, гдѣ и взять, и платья ея подвѣчнаго нѣтъ.

А дѣвки говорятъ:

— Сказывала, замужъ пойдетъ.

Старики на кладбище, къ могилѣ.

„Сказывала, замужъ пойдетъ!“

А она на могилѣ, мертвая на его могилѣ лежитъ и платье ея подвѣчное на крестѣ развѣшено.

Такъ за покойнымъ дружкой и ушла, не сробѣла.

1911 г.

ОКЛЕВЕТАННАЯ.

1.

Жиль-быль одинъ чловѣкъ богатый и было у него двое дѣтей: сынъ да дочь. Пришло время отцу помирать, старикъ и наказываетъ сыну:

— Ни отъ Бога, ни отъ меня нѣтъ тебѣ благословенія, Михайла, взять жену изъ своей деревни, изъ своей не бери!

И померъ. И остался Михайла съ сестрою. Только съ Палагеей что и разговоръ у Михайлы, и въ гости никуда не ходитъ, все дома, все съ сестрою.

Совѣтно жилъ братъ съ сестрою.

Въ лавочку Михайла пойдетъ.

— Прощай,—скажетъ,—сестрица!

Изъ лавочки придетъ.

— Здорова, сестрица!

Такъ три года жилъ Михайла не женатый, завѣтъ отца помнилъ, никуда глазъ не казалъ, все дома, все съ сестрою.

Совѣтно жилъ братъ съ сестрою.

Разъ приходитъ изъ лавочки Михайла, говоритъ сестрѣ:

— Сестрица, буду я жениться, возьму жену изъ нашей деревни.

— Ахъ, братецъ, братецъ, тебѣ батюшка не велѣлъ!

— Ну, сестрица, ну, родимая, будь что хочешь, а жениться надо.

— Ну, какъ хочешь,—говоритъ Палагея,—играй свадьбу.

Михайла и женился.

На Варварѣ женился Михайла, наказъ отца нарушилъ, взялъ жену изъ своей деревни. И женатый, а безъ сестры не начнетъ Михайла никакого дѣла, все съ сестрою.

Совѣтно жилъ братъ съ сестрою.

Въ лавочку Михайла пойдетъ.

— Прощай,—скажетъ,—сестрица!

Изъ лавочки придетъ.

— Здорова, сестрица!

А женѣ зѣрно, Варварѣ завидно, ровно и не сестра ему Палагея.

Родила Варвара сына. Не отходитъ Палагея отъ Михайлова сына, все съ его ребенкомъ, ровно и мальчишка ея, не Варваринъ. А Михайлѣ любо, все онъ съ сестрою.

Совѣтно жилъ братъ съ сестрою.

Въ лавочку Михайла пойдетъ.

— Прощай,—скажетъ,—сестрица!

Изъ лавочки придетъ.

— Здорова, сестрица!

Не по сердцу это Варварѣ, стала ей постыла Палагея. Сестра да сестра! Только и есть на языкѣ,

что сестра! Да сестра она ему или жена? Такъ и смотреть Варвара, такъ все и смотреть, ровно ищетъ, подстерегаетъ брата съ сестрою. И ужъ не улыбнется, постарѣла Варвара. Ни слова тихаго, слова всѣ въ сердцахъ. Зѣрно, завидно, постыло Варварѣ. Что же ей сдѣлать, какъ брата отъ сестры отвадить? Какъ извести Палагею?

Взяла Варвара собаку его и убила,—вѣрный былъ песъ, дорожилъ имъ Михайла.

Пришелъ Михайла домой.

— Здорова, сестрица!

А жена на него:

— Да, здорова сестрица, поглядика-сь, что сестрица-то сдѣлала: гдѣ твой песъ? Нѣту собаки. Сестрица убила!

Досадно стало Михайлѣ—вѣрный былъ песъ! — да, любя, стерпѣлъ Михайла досаду,

— Ну, въ первой винѣ Богъ проститъ! — сказалъ Михайла, и ни словомъ не попрекнулъ сестру.

На другой день только что - вышелъ Михайла, взяла Варвара и убила его жеребца,—хорошій былъ конь, вѣрный, дорожилъ имъ Михайла.

Пришелъ Михайла домой.

— Здорова, сестрица!

А жена на него:

— Да, здорова сестрица, поглядика-сь, что сестрица-то сдѣлала: гдѣ твой жеребецъ? Нѣту коня. Сестрица убила!

Горько стало Михайлѣ—хорошій былъ конь, вѣрный!—да, любя, стерпѣлъ Михайла горечь.

— Ну, и въ другой винѣ Богъ простить!—сказалъ Михайла и ни словомъ не попрекнулъ сестру.

А сестра ничего не знаетъ, возится съ ребенкомъ, знаетъ Палагея, что бѣда въ домѣ: собаку кто-то убилъ, коня кто-то убилъ...

На третій день, какъ ушелъ со двора Михайла, Варвара къ зыбкѣ—и убила ребенка, да мертваго за дверь его, за дверью и положила.

Пришелъ Михайла домой.

— Здорова, сестрица!

А жена на него:

— Здорова! А гдѣ нашъ ребенокъ?

Михайла къ зыбкѣ:

— Гдѣ ребенокъ?

— Должно, у вашей сестрицы.

Недоброе почуялъ Михайла, да къ сестрѣ.

Сидитъ Палагея у окна, шьетъ, для мальчишки рубашенку шьетъ.

— Здравствуй, братецъ!

— Гдѣ сынъ-то?

Недоброе почуяла Палагея.

— У Варвары,—сказала Палагея,—давно взяла Варвара, тутъ его нѣтъ.

Михайла къ женѣ.

— Гдѣ ребенокъ?

А зыбка пустая, нѣтъ нигдѣ ребенка.

Сталъ Михайла искать. И Варвара ищетъ, рветъ все, все мечетъ на землю,—тоже ищетъ.

А ребенокъ за дверью—лежитъ мертвый.

— Вотъ!.. вотъ твоя сестрица что сдѣлала!

Михайла къ сестрѣ. Не смотрить. И смотреть, да ничего не видить.

— Убила ты собаку, убила ты коня, ты моего ребенка убила!—и раздѣль Михайла сестру до нага, скрутилъ, бросилъ на телѣгу, повезъ въ поле, а изъ поля въ лѣсъ и тамъ, въ лѣсу, пустилъ ее одну: иди, куда знаешь!

Иди, куда знаешь!

А куда? Куда ей итти? Влѣзла на сосну Палагея, сѣла на верхушку, сидить, какъ птица. Сердце у нея тяжелое, какъ камень тяжелый,—обида, на-
праслина, клевета камнемъ легла ей на сердце.

Ходили царскіе сыновья по лѣсу, охотились. На-
бредли царскіе сыновья на сосну, Палагею замѣтили.

Одинъ говоритъ:

— Птица!

Другой:

— Человѣкъ!

Третій:

— Чортъ!—и направилъ ружье выстрѣлить.

— Я не трону, я человѣкъ, я васъ не трону!—
кричитъ съ дерева Палагея: видить, ружья направи-
ли, стрѣляютъ хотятъ.

— Коли человѣкъ, такъ спускайся!—говорятъ ей
братья.

А какъ ей спуститься?

— Одежды у меня нѣтъ!—кричитъ Палагея.

Братья поскидали съ себя верхнее платье, положи-
ли подъ сосну, а сами въ сторонку. Палагея и спу-

стилась на землю, одѣлась. Тутъ братья къ ней вышли и взяли ее съ собой къ царю во дворецъ. И тамъ, во дворцѣ, схоронили, никому не показываютъ.

Старшій сынъ приходитъ къ отцу.

— Батюшка,—говорить,—я жениться буду.

— Что ты,—говорить царь,—до сихъ поръ у тебя и въ умѣ не было жениться, жениться вздумалъ! А гдѣ же,—говорить,—ты жену-то берешь?

— Она у меня изъ лѣсу,—говоритъ сынъ и выводитъ къ царю Палагею,—вотъ она, жена моя!

Посмотрѣлъ царь на Палагею,—полюбилась царю Палагея.

— Ну, Богъ васъ благословить!—благословилъ царь жениха и невѣсту.

Сыграли свадьбу. И стала жить Палагея у царя въ царскомъ дворцѣ, не Михайлова сестра, а царская невѣстка.

2.

Поѣхалъ царскій сынъ по городамъ отъ царя съ наказомъ. И безъ него родила ему Палагея сына. И такой вышелъ царевичъ,—всѣмъ на диво: по колѣна ноги въ золотѣ, по локотокъ руки въ серебрѣ, позади свѣтелъ мѣсяцъ, посреди красно солнце, въ каждомъ волоскѣ по скатной жемчужenkѣ.

Обрадовался царь, что внукъ такой вышелъ, и сейчасъ же письмо написалъ, посылаетъ своего царскаго работника снести письмо въ дальній городъ къ сыну.

Снарядился работникъ въ дорогу, понесъ царское письмо въ дальній городъ. И къ ночи дошелъ до

той самой деревни, откуда Палагея, и остановился въ самомъ богатомъ домѣ—у Михайлы.

Дозналась Варвара, что за письмо несетъ работникъ, все старое-то, прежнее все, постылое такъ ей въ голову и ударило, и въ голову, и въ сердце, и въ душу: вѣдь она ребенка своего убила, только чтобы брата отъ сестры отвадить, разлучить Михайлу съ Палагеей, извести Палагею, а вотъ Палагея и не сгинула, Палагея вотъ какая—царица!

Вытопила Варвара баню, царскаго работника въ баню отправила, а сама вынула изъ котомки царское письмо, разорвала письмо и написала другое, будто не царевича сына, а щенка родила Палагея:

„Кутенка твоя жена родила, Палагея!“

И опять положила письмо въ котомку.

Вернулся изъ бани царскій работникъ, угостила его Варвара, ночевать оставила. Переночеваль работникъ у Михайлы и на утро дальше въ дорогу пустился.

Долго ли, коротко ли, изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню дошелъ, наконецъ, работникъ до самаго дальняго города къ царскому сыну. передалъ царскому сыну отъ царя письмо:

„Кутенка твоя жена родила, Палагея!“

Потемнѣло въ глазахъ у царскаго сына—злая вѣсть потемнила глаза, хотѣлъ въ горячахъ порѣшить съ Палагеей, да раздумался, и написалъ отцу, чтобы до его возвращенія жену не трогать. И съ письмомъ отпустилъ домой царскаго работника.

А работникъ и на обратномъ пути къ Михайлѣ зашелъ.

И опять затопила Варвара баню, послала работника въ баню, а сама за котомку, вынула изъ котомки письмо царскаго сына, разорвала письмо, и свое написала:

„Духу чтобы ея не было до моего прихода!“

И положила письмо въ котомку.

Вернулся изъ бани царскій работникъ, угостился, переночевалъ ночь, да къ царю во дворецъ.

Прочиталъ царь письмо, не вѣритъ глазамъ.

— Что это,—говорить,—съ ума, вѣрно, спятилъ!

Да нечего дѣлать, тутъ ужъ не его воля—воля сына: велѣлъ царь прогнать изъ дворца Палагею—откуда взяли, туда и отправить. А внука царевича царь себѣ оставилъ.

И отвезли Палагею въ лѣсъ къ той самой соснѣ, гдѣ покинулъ ее братъ любимый Михайла: иди, куда знаешь!

Иди, куда знаешь!

А куда? Куда ей итти? Съ братомъ ее разлучили, съ мужемъ ее разлучили, и отняли сына. Чтò же ей дѣлать? Куда ей дѣваться? Какъ избыть обиду? Стоитъ подъ сосной Палагея, стоитъ, какъ стала. А сердце у ней тяжелое, какъ камень тяжелый,—обида, напраслина, клевета камнемъ легла ей на сердце.

А пойдетъ она далеко въ дальнія деревни, будетъ она жить тамъ у чужихъ чужая, наймется въ люди. Работницей простой свой вѣкъ проживетъ. Трудомъ она избудетъ обиду.

И пошла Палагея куда глаза глядятъ дальше отъ брата, еще дальше отъ мужа и сына.

Долго ли, коротко ли, изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, объѣхалъ царскій сынъ все царство, всѣ дѣла царскія исполнилъ и вернулся домой къ отцу. Вышелъ царь встрѣчать сына и внука вывелъ. А ребеночекъ такъ и сіяетъ...

— Какъ такъ!—удивился царскій сынъ,—мнѣ было письмо отъ васъ, что жена родила кутенка.

А царь ему выговариваетъ: зачѣмъ велѣлъ жену кончить—прогнать Палагею.

— Я... я велѣлъ кончить!—и заплакалъ, видитъ царскій сынъ, что обмануть: и его, и царя обманули.

Послалъ царь въ лѣсъ искать Палагею. Да гдѣ-жъ ее сыщешь,—не на соснѣ же ей свой горькій вѣкъ вѣковать.

3.

Три года прослужила Палагея въ работницахъ, много за три-то года по чужимъ людямъ ходила, много труда вынесла. И улеглась на сердцѣ обида: приняла она свою участь, и не роптала больше. Одно забыть не могла: сына своего вспоминала. Ребеночка жалко ей было, поглядѣть бы ей на него, хоть только глазкомъ взглянуть.

И затосковала Палагея, мѣста отъ тоски не находитъ, тоскливо ей, глаза ни на что не глядятъ: только бы увидѣть сына, хоть только глазкомъ взглянуть.

Нарядилась Палагея въ мужскую одежду и пошла изъ дальнихъ деревень мимо любимаго брата прямо къ царю во дворецъ въ царскіе работники наниматься.

Во дворцѣ никто не узналъ Палагею. Самъ царь не узналъ свою невѣстку. Принялъ царь Палагею ласково, и стала служить она у царя истопникомъ въ царскихъ покояхъ: печки топила.

Палагеѣ этого только и надо.

Подрось ея сынъ, ужъ по комнатамъ бѣгалъ. Примется Палагея печки топить, а онъ тутъ-какъ-тутъ, прибѣжитъ къ огоньку. А Палагея возьметъ его на руки, ласкаетъ дитѣ, сама плачетъ.

Замѣтилъ царь, разъ и спрашиваетъ:

— Что это ты, паренекъ, какъ возьмешь вну-ченка на руки, и всегда-то плачешь?

Палагея царю во всемъ и открылась. И о братѣ своемъ о любимомъ о Михайлѣ рассказала, и о невѣсткѣ своей Варварѣ, какъ оклеветала ее Варвара.

— Вотъ грѣхъ-то, надо это дѣло хорошенько развѣдать!

Велѣлъ царь Палагеѣ помалкивать, а самъ при-звалъ къ себѣ того работника царскаго, что письмо носилъ отъ царя къ царскому сыну, и сталъ у ра-ботника выпытывать, у кого онъ въ пути на ноч-легъ приставалъ и съ кѣмъ водилъ знакомство.

А какъ рассказалъ ему царскій работникъ о Вар-варѣ, тутъ у царя глаза и открылись. Отпустилъ царь работника, и задумалъ вывести дѣло на чи-стую воду: всенародно оправдать Палагею.

Слухъ о злой царской невѣсткѣ прошелъ по всѣмъ городамъ—и ближнимъ и дальнимъ, по всѣмъ деревнямъ и ближнимъ и дальнимъ,—по всему цар-ству.

Собралъ царь большой пирь. Много сошлось народа къ царю во дворець. Послалъ царь и за Михайломъ, и за Варварой. Пришелъ Михайла съ Варварой, тоже сѣли за царскій столъ.

А когда гости пили и ѣли, призывалъ царь своего царскаго истопника, и велѣлъ истопнику для потѣхи сказку сказывать о злой царской невѣсткѣ, да уговоръ положилъ: кто перебьетъ либо поддакнетъ, сто рублей съ того за помѣху.

И стала Палагея рассказывать, какъ жили-были братъ да сестра, какъ братъ женился и не взлюбила невѣстка сестру.

— Стало невѣсткѣ зѣрно, что братъ и сестра живутъ совѣтно.

— Да,—дакнула Михайлова жена, Варвара.

И сейчасъ же съ Варвары сто рублей за помѣху.

И опять стала Палагея рассказывать, какъ невѣстка убила у мужа собаку и на сестру сказала. Простилъ братъ сестру. А на другой день убила невѣстка у мужа коня и на сестру сказала. Простилъ братъ сестру. А на третій день убила невѣстка своего ребенка и на сестру сказала. Не простилъ братъ сестру, раздѣлъ ее до-нага, вывелъ въ поле, а изъ поля въ лѣсъ.

— Иди, куда знаешь!

— Да, такъ и было! — поддакнула Михайлова жена, Варвара.

И сейчасъ же съ Варвары сто рублей за помѣху.

И опять стала Палагея рассказывать, какъ встрѣ-

тили сестру охотники, какъ застрѣлить хотѣли, и потомъ какъ старшій женился на ней, и какъ уѣхалъ мужъ по дѣламъ въ дальній городъ, и безъ него родила жена ему сына. Послалъ свекоръ работника съ письмомъ къ сыну извѣстить о внукѣ, остановился работникъ по дорогѣ у той самой невѣстки, а невѣстка подмѣнила письмо, и на обратномъ пути остановился работникъ у невѣстки, и невѣстка опять подмѣнила письмо...

— Да, такъ оно и было!—поддакнула Михайлова жена, Варвара.

Встаетъ Михайла, лица нѣтъ, онъ сестру узналъ Палагею. Поднялся царскій сынъ, вспыхнулъ, узналъ жену Палагею.

Остановила Палагея брата, остановила Палагея мужа, подошла Палагея къ Варварѣ, и хотъ нѣтъ у ней добраго слова, но и обиды ужъ нѣтъ.

— Варвара!..—говорить Палагея.

А Варвара—все старое то, прежнее все такъ ей въ голову и ударило, и въ голову, и въ сердце, и въ душу,—сидитъ Варвара, крѣпко стиснула руки, не шевельнется.

Тутъ взяли Варвару, да на ворота, да на воротахъ и застрѣлили.

И стали жить и быть, добра наживать.

1911 г.

ОТЧАЯННАЯ.

Хороша была Маша, краше на селѣ ея не было, и безпрестанно къ ней сватались женихи хорошіе. Отецъ не отдавалъ, была она одна дочь, жалѣлъ все.

Уѣхалъ отецъ въ городъ на святкахъ, а Машу оставилъ одну дома. И задумала Маша подѣ Крещенье кудесить—о своемъ суженомъ-ряженомъ гадать.

Подѣ Крещенье въ ночь накрыла Маша столъ скатертью, поставила на уголокъ тарелку, положила ложку и другую тарелку съ ложкой на другой уголъ, положила себѣ въ тарелку кусочекъ и другой кусочекъ въ другую тарелку—суженаго чествовать. Не благословясь, вышла въ сѣни, не благословясь, заперла двери, вернулась, присѣла на уголокъ, подумала—вотъ ей судьба скажется!—стала и говорить:

— Суженый-ряженный, суженый мой, поди ужинать со мной!

Сказала и сѣла къ столу, закрыла глаза.

Сидитъ Маша, не шелохнется, и думать ни о чемъ не думаетъ, прислушивается, ждетъ.

Застучало въ сѣняхъ—сапоги стучать, она слышитъ, идетъ... въ домъ идетъ, въ домъ вошелъ, крикнулъ, прошелъ на середку. И видитъ она: пиджакъ на немъ, кафтанъ, алый кушакъ шелковый. Отвязалъ онъ кушакъ, да въ передній уголъ на спицу и повѣсилъ, шапку снялъ, тянется къ спицѣ.

Маша и перекрестилась, Маша открыла глаза.

На столѣ стоятъ два прибора, двѣ тарелки, а ужъ нигдѣ никого нѣтъ, только алый кушакъ виситъ на спицѣ.

Сняла Маша кушакъ со спицы, развернула, при мѣряла—алый шелковый, и въ сундукъ его спрятала.

Кто-то ночью приходилъ къ ней—суженый-ряженный, богосуженый ея приходилъ къ ней, и у кого-то алый кушакъ потерялся. А Маша помалкиваетъ: знай она, что онъ любимый ей, ея суженый, она бы подругамъ сказала, отцу бы сказала, а какъ она можетъ знать?

Вернулся отецъ. Стали попрежнему женихи въ домъ наѣзжать, попрежнему сватали Машу: хороша была Маша, краше на селѣ ея не было.

Ходитъ Маша сама не своя, задумалась.

„Чей кушакъ, и любимый ли онъ ей, ея суженый?“—задумалась Маша.

Ужъ не неволить отецъ, иди за любого. Уперлась и слышать не хочетъ, все думаетъ, все думаетъ Маша.

Ночью заснулъ отецъ, Маша не спитъ, думаетъ—нѣтъ ей мѣста отъ думъ, и покою нѣтъ!—ночью вынула Маша изъ сундука алый кушакъ, обмотала

вокругъ шеи, да въ передній уголъ, тамъ, гдѣ спица торчитъ... и порѣшила съ собой.

А приходилъ къ ней самый лѣшій, вотъ оно что!
Хороша была Маша, краше на селѣ ея не было.

1912 г.

ПОПЕРЕЧНАЯ.

1.

Былъ одинъ холостой парень и задумалъ жениться. А сватали на селѣ дѣвицу, онъ на ней и женился. И тиха и смирна, глазъ на мужа не подыметъ, будто ее и въ домѣ нѣтъ, вотъ какая попалась жена Сергѣю.

Пришло время обѣдать, зоветъ Сергѣй къ столу Настасью, а Настасья и голосу не подастъ.

„Ишь,—подумалъ,—стыдливая какая!“ — и самъ ужъ вывелъ ее, усадилъ за столъ.

На обѣдъ была каша. Ъстъ Сергѣй, да похваливаетъ, а Настасья и ложки въ руку не возьметъ, сидитъ, какъ сѣла.

„Ишь,—подумалъ Сергѣй,—молода-то какъ!“ — да самъ ей и ложку въ руку далъ, потчуетъ.

Ложку взять Настасья взяла, и опять на столъ положила, отвязала отъ креста уховѣртку, да уховѣрткой и ну хлебать кашу по крупинкѣ.

То же самое случилось и на другой день, не ѣстъ по-людски Настасья да и только.

„И чѣмъ это она наѣдается,—думалъ себѣ Сер-

гѣй,—безъ пищи человѣку невозможно; вѣдь, такъ и съ голоду помереть можетъ!“ — и еще больше принялся жену уговаривать бросить ухувѣртку и ѣсть сытно.

А Настасья ровно и не слышитъ, знай свое, ухувѣрткой своей управляется.

„Вѣрно, ночью тайкомъ наѣдается, когда люди спятъ, эка, еще неразумная!“ — и положилъ Сергѣй караулить жену ночью: быть того не можетъ, чтобы человѣкъ не ѣлъ ничего!

Легъ Сергѣй спать, легла и Настасья. Притворился Сергѣй, будто спитъ, захрапѣлъ, а самъ все примѣчаетъ.

Въ самую полночь поднялась Настасья, слѣзла тихонько съ кровати да изъ комнаты къ двери. Выждалъ Сергѣй, пока за дверь выйдетъ, да за ней слѣдомъ. А Настасья ужъ во дворъ, да за ворота, да на улицу. Сергѣй за ней слѣдомъ.

Шла Настасья, шла, повернула на кладбище, и тамъ прямо къ свѣжей могилѣ.

Сергѣй за крестъ, схоронился, ждетъ, что-то будетъ. И видитъ, еще идетъ, такъ мужикъ бородатый, прошмыгнулъ среди крестовъ и тоже къ могилѣ.

И ужъ вдвоемъ съ Настасьей принялись они за могилу.

Разрыли они могилу, гробъ вытащили, вынули изъ гроба покойника, раздѣли, и ну его ѣсть. И всего-то до чиста, до косточекъ объѣли, и, когда и самой малой жилки не осталось, гробъ, саванъ и кости снова зарыли въ могилу и разошлись: Настасья въ одну сторону, бородатый въ другую.

Тутъ Сергѣй изъ-за креста вышелъ да скорѣе домой. Задами обогналъ жену да въ домъ, да на кровать и опять притворился, будто спитъ, храпѣлъ. Вернулась и Настасья, легла тихонько, и сладко и крѣпко заснула.

А Сергѣй—какой ужъ сонъ!—Сергѣй едва утра дождался.

Пришло время обѣдать, зоветъ Сергѣй къ столу Настасью. Сѣли за столъ. На обѣдъ была каша. Настасья опять за свою уховѣртку, отвязала отъ креста уховѣртку, и ну хлебать по крупинкѣ.

Сергѣй ей ложку. Взяла она ложку, повертѣла, повертѣла, положила на столъ, и уховѣртку свою спрятала, такъ сидитъ. Сергѣй и не выдержалъ:

— Что-жъ ты, — говоритъ, — не ѣшь? Или мертвецъ тебѣ слаще?

А ужъ Настасья звѣрь звѣремъ, — и! куда все дѣвалось!—схватила Настасья со стола чашку, да въ лицо ему какъ плеснетъ.

— Ну, — говоритъ, — коли узналъ мою тайность, такъ будь же псомъ!

Тявкнулъ Сергѣй по-песью, и сталъ псомъ-дворнягой.

Настасья за палку, да его палкой за дверь, и прогнала изъ дому вонъ.

2.

Выскочилъ Сергѣй псомъ-дворнягой и побѣжалъ. Бѣжитъ, куда глаза глядятъ, полагаетъ, полагаетъ и опять бѣжать. Къ вечеру прибѣжалъ онъ въ городъ, въ мясную лавку и вскочилъ: проголодался больно.

Попался мясникъ добрый, накормилъ пса, а песъ и не уходитъ, визжитъ, остаться просится. Сжалился мясникъ, оставилъ.

Переночевалъ песъ ночь и за ночь ничего въ лавкѣ не сдѣлалъ.

„Экій песъ-то умница!“ — подумалъ мясникъ и рѣшилъ не гнать пса, при лавкѣ держать, лавку караулить.

Приходитъ на утро въ мясную булочникъ за говядиной, выбираетъ себѣ чего попригляднѣй, а песъ такъ и ластится. Приласкалъ его булочникъ, бросилъ хлѣба кусокъ, подхватилъ песъ хлѣбъ, съѣлъ да отъ мясника за булочникомъ и утекъ въ пекарню.

И сталъ песъ у булочника жить, лавку стеречь.

Приходитъ разъ въ пекарню за хлѣбомъ старуха. Накупила старуха всякихъ булокъ, отдаетъ деньги. Сталъ булочникъ считать, и попался одинъ какой-то гривеникъ негодящій, фальшивый, булочникъ и не беретъ. Старуха въ споръ: деньги правильныя.

И видитъ булочникъ, не переспорить ему старуху, и говоритъ:

— Да у меня,—говорить,—песъ и тотъ узнаетъ, что твой гривеникъ негодящій!—и сейчасъ же пса покликалъ, разложилъ деньги на столъ кучкой, показываетъ псу, выбирай, молъ, негодящую.

Посмотрѣлъ песъ на деньги, понюхалъ, да и выпихнулъ лапкой этотъ самый гривеникъ.

„Ну и песъ,—подумала старуха,—ой, что-то тутъ неладно!“

— Коли песъ, такъ и оставайся тутъ,—шепнула старуха,—а коли человѣкъ, за мной поди! — дико-

виннымъ показалось старухѣ, что песь, а узнаётъ деньги.

И убѣждалъ песь за старухой изъ пекарни.

Пришла старуха домой, да къ своей дочкѣ:

— Привела, — говоритъ, — я пса, да ужъ и не знаю, вѣрно ли, нѣтъ, что песь: узнаётъ деньги!

Посмотрѣла старухина дочка, посмотрѣла на пса, взяла воды наговорной, псу въ глаза и плеснула.

— Коли,—говоритъ,—ты песь, такъ и оставайся псомъ, а коли человѣкъ, обернись человѣкомъ!

Тявкнулъ песь, и сталъ опять Сергѣй Сергѣемъ.

Разсказалъ Сергѣй о женѣ, о Настасѣ, и какъ ночью на кладбищѣ Настасья покойника ѣла и съ ней бородатый, и какъ псомъ его обернула.

— Знаю Настасью,—сказала старухина дочка,—она у тебя колдунья, вмѣстѣ мы съ ней колдовству учились у одной старухи. Поперечная была Настасья, все наперекоръ, все по своему, все напротивъ, не слушалась старуху, ей старуха и положила наказанье: ходить ей ночами на кладбище питаться мертвечиной. А хочешь жену поучить, дамъ я тебѣ наговорный составъ, вернешься домой, плесни ей въ лицо, увидишь, что будетъ.

Поблагодарилъ Сергѣй старухину дочку, забралъ наговорную воду-составъ и пошелъ себѣ домой человѣкъ человѣкомъ.

3.

Шелъ Сергѣй по дорогѣ,—тутъ по дорогѣ когда-то бѣжалъ онъ псомъ, лаялъ,—долго шелъ Сергѣй по дорогѣ, а пришелъ домой, нѣтъ дома Настасьи.

Сѣлъ Сергѣй на крыльцо, сталъ поджидать. И когда Настасья вернулась, онъ ей, ни мало не медля, наговорнымъ составомъ въ лицо и плеснулъ.

Заржала Настасья и обернулась въ кобылу.

Тутъ Сергѣй запрягъ кобылу въ сани да въ лѣсъ, да въ лѣсу цѣлый возъ дровъ навалилъ, да и обратно, домой ѣхать, и всю-то дорогу до самаго дому стѣгомъ стегалъ кобылу. И не разъ, съ недѣлю такъ ѣздилъ Сергѣй въ лѣсъ за дровами и все стегалъ, всю изстегалъ кобылу.

А она,—что со скотины возьмешь!—она только смотреть, сказать ничего не можетъ, — скотина не скажетъ, только плачетъ.

И жалко стало Сергѣю, бросилъ онъ бить кобылу, пошелъ въ городъ къ той самой старухѣ просить у старухиной дочки наговорнаго составу обернуть кобылу въ человѣка. Старухина дочка дала наговорной воды, и вернулся Сергѣй домой не съ пустыми руками.

А она—извѣстно, скотина!—она только смотреть, сказать ничего не можетъ, — скотина не скажетъ, только плачетъ.

И облилъ Сергѣй кобылу наговорнымъ составомъ, и стала опять Настасья Настасьей. И ужъ съ той поры забыла всякую мертвечину, кроткая, все ѣла, какъ люди.

И стали они жить по хорошему, хорошо и согласо.

1912 г.

ЛИХАЯ.

Была у одного человѣка жена да такая, что не дай Богъ, напалъ на такую: все, бывало, ему на зло дѣлаетъ. Ну и не можетъ извести ее, а ужъ вотъ куда стало, хотъ руки на себя накладывай.

Ходилъ, ходилъ онъ день въ лѣсу, и надумалъ средство одно.

Вечеромъ приходитъ домой, сѣлъ, вьетъ веревку.

— Куда ты, Семень, веревку вьешь?—говорить жена.

— Эка ты, да я кладъ нашелъ.

— Большой кладъ?

— Большущій.

На утро отыскалъ Семень кошелку, уходитъ хочеть.

— Возьми меня,—просить жена.

— Нѣтъ ужъ, куда съ тобой.

— Нѣтъ, пойду!

— Ну, ступай ужъ, пойдёмъ.

Положилъ Семень веревку въ кошелку, кошелку за плечо, и пошли. И приходятъ они до той самой

ямы, гдѣ кладъ. Вынулъ Семень веревку, вяжетъ кругъ себя.

— Куда ты, Семень, веревку вяжешь?

— Да за деньгами-то надо спуститься.

— Куда тебѣ, я сама полѣзу.

Семень веревку съ себя снялъ, и давай крутить жену, окрутилъ жену, спустилъ ее въ яму.

А какъ спустилась она въ яму, слышитъ Семень: драка — такой пискъ пошелъ, такой верескъ поднялся и веревку трясеть, избави Господи! Часика два тамъ она воевала, Семень и потянулъ веревку. Тянетъ, потянетъ, а изъ ямы-то не жена, а словно бы чортъ съ рогами. Испугался Семень, скорѣе назадъ опускать веревку.

— Не спускай, сдѣлай милость, — проситъ чортъ, — что хочешь тебѣ сдѣлаю, на вѣкъ свой не забуду дружбу, избавь ты меня отъ лихой бабы. Тысячу лѣтъ я жилъ въ ямѣ тихо-смирно, не спускай, сдѣлай милость! — чортъ инда заплакалъ.

Семень чорта и вытащилъ.

— Иди за мной! — сказалъ чортъ съ рогами.

Пошелъ Семень за чортомъ: и страху-то натерпѣлся, только виду не показываетъ, и легко-то ему, что посадилъ-таки жену въ яму, — поори тамъ, кому въ лѣсу нужно!

И приходятъ они къ богатому пребогатому дому.

— Слушай, — сталъ чортъ, — я пойду въ домъ, заберусь на вышку, буду ночь ломотить — не дамъ покою, а ты колдуномъ найдись и проси денегъ много, иди на вышку, тамъ скажи тихо: Я пришелъ, ты вонъ пошелъ! Понимаешь?

— Понимаю.

Какъ сказалъ чортъ, такъ все и вышло.

Помѣшкалъ Семенъ у дома, потомъ постучался, его и пустили. А въ домѣ ужъ такой шумъ, хотъ образа выноси. Назвался Семенъ колдуномъ, полѣзъ на вышку.

— Я пришелъ, ты вонъ пошелъ! — сказалъ Семенъ тихонько.

И умирилось все, тихо стало, никакого шуму. Отвалили Семену денегъ кучу, забралъ Семенъ деньги, распростился и пошелъ себѣ, посвистываетъ. А у воротъ чортъ его поджидаетъ.

— Иди за мной! — сказалъ чортъ съ рогами.

И приходятъ они къ дому богаче того дома.

— Я, — говоритъ чортъ, — пойду въ домъ и все тамъ сдѣлаю — на шумлю, а ты опять колдуномъ найдись, понимаешь?

— Понимаю.

Какъ сказалъ чортъ, такъ все и вышло.

Зашумѣлъ чортъ, загремѣлъ, да такъ, того и гляди домъ разворотить. Семенъ — въ домъ, опять колдуномъ назвался. Посулили ему много денегъ. Влѣзъ онъ на вышку.

— Я пришелъ, ты вонъ пошелъ! — сказалъ Семенъ тихонько.

И успокоилось въ домѣ. Тутъ загребъ Семенъ деньги, да ужъ и не одну, а цѣлыхъ двѣ кучи, распростился и пошелъ себѣ, посвистываетъ. А у воротъ чортъ.

— Иди домой, — сказалъ чортъ, — наградили тебя, дурака, и чтобъ за мною больше ни-ни! — а самъ

злой, съ рогами, пальцемъ грозить, хвостъ сталъ дыбомъ волосатый.

Послушался чорта Семень, пошелъ домой. И сталъ Семень жить себѣ да поживать: денегъ куры не клюютъ, сытъ, пьянъ, носъ въ табакѣ. И задумалъ Семень жениться.

Вотъ сидитъ разъ Семень, ѣстъ соты-меды, пивомъ прихлебывается, о молодой женѣ раздумываетъ, какъ съ молодою женою жить будетъ. Хватъ, стучать. Отворяетъ Семень дверь,—а время ужъ къ ночи было,—какіе-то люди, кланяются.

— Насилу, — говорятъ, — мы тебя отыскали, Семень Ивановичъ, ну хоть что хочешь бери, а избавь ты насъ отъ бѣды: третью ночь покою не имѣемъ, чортъ засѣлъ въ домѣ.

Семень и руками и ногами.

— Спаси, — говорятъ, — на вѣкъ нашъ не забудемъ дружбу, сдѣлай милость!—да въ ноги Семену, плачутъ.

Ну Семень и пошелъ. И приходитъ онъ въ домъ, гдѣ засѣлъ чортъ, и сейчасъ же на вышку, да только это ротъ разинулъ, чортъ цапъ его за горло.

— Ты,—говоритъ,—зачѣмъ?

А Семень едва ужъ дышетъ, такъ чортъ ему горло стиснулъ.

— Смотри,—говоритъ Семень чорту,—девять бабъ пришло такихъ... которая одна тебя изъ ямы выгнала... а такихъ девять пришло.

Тутъ на что хвостъ у чорта крѣпокъ, да и тотъ задрожалъ, какъ листикъ.

Выпустилъ чортъ Семена.

— Уйду, — говоритъ, — живите, какъ знаете, съ глазь долой за тысячу верстъ уйду, только не допусти ты до меня этихъ лихихъ! — пятился чортъ, пятился къ балкамъ, да подъ стрѣху.

И съ той поры ни слуху, ни духу, ровно бы сквозь землю провалился.

1909 г.

БРАТНИНА.

1.

Хорошъ былъ молодецъ Катерининъ братъ, всѣ дѣвицы на него заглядывались. Задумалъ онъ жениться, но сколько ни смотрѣлъ невѣсть, лучше и краше сестры нигдѣ не нашель.

— Поди за меня замужъ!—говорить онъ сестрѣ Катеринѣ.

— Пойду, — говоритъ Катерина: ей никто такъ не милъ, ей никто такъ не любъ, какъ родной братъ.

Ну, и порѣшили жениться. Оставалось только свадьбу сыграть.

А ходила по деревнѣ бабушка-задворенка, старуха старая. Провѣдала старуха про брата съ сестрой и приходитъ въ ихъ домъ.

Подъ вѣнецъ наряженна сидитъ Катерина. Бабушка къ Катеринѣ.

— Разоставъ ты, — говоритъ, — дѣвушка, по всѣмъ четыремъ угламъ по веретѣшку.

Катерина послушала, поставила по четыремъ угламъ веретена, сама къ вѣнцу итти хочетъ.

- Ку-ку!—прошипѣло веретено первое.
- Гдѣ ты?—второе окликнуло.
- Братъ на сестрѣ женится!—сказало третье.
- Просѣла!—отозвалось глухо четвертое.

Катерина къ бабушкѣ. А старуха и говорить:

— Четыре ночи поспать тебѣ велятъ, а тогда и замужъ пойдешь.

Катерина послушала; четыре ночи одна она будетъ ждать, а потомъ и свадьба.

И наступила первая ночь, и слышитъ Катерина, какъ сквозь сонъ гдѣ-то далеко кличетъ:

— Ку-ку!—кто-то кличетъ.

На вторую ночь, только-что заснула она, и опять слышитъ, окликаетъ:

— Гдѣ ты?—окликаетъ кто-то.

На третью ночь въ глубокомъ снѣ, будто на ухо, сказалъ кто-то:

— Братъ на сестрѣ женится!—сказалъ кто-то.

А на четвертую ночь, не успѣла она глазъ закрыть, кто-то какъ крикнетъ:

— Просѣла!—крикнулъ кто-то.

И провалилась Катерина сквозь землю.

2.

Страшно было Катеринѣ въ потемкахъ, темъ тамъ осенняя. Потомъ стало свѣтать, совсѣмъ посвѣтлѣло. Шла Катерина лѣсомъ по сырому бору, долго шла безъ дороги. И видитъ Катерина, стоитъ въ лѣсу избушка, не простая: на турьихъ ножкахъ, на веретенной пяткѣ. Вошла Катерина въ избушку. А въ избушкѣ три горницы. Первая горница—скакухи да

жагалюхи, лягушки да ящерицы, вторая горница—ползаетъ-бродить слизень: одна голова о семи горлахъ, третья горница—сидить дѣвушка, вышиваетъ въ пяльцахъ.

Увидала дѣвушка Катерину.

— Чтò ты!—говорить,—куда зашла?—и рассказала Катеринѣ о избушкѣ: избушка Бабы-Яги, а вернется Баба-Яга, худу быть.

Разсказала Катерина, какъ провалилась сквозь землю, какъ попала она въ избушку.

— Какъ бы такъ отъ Яги схорониться!—просить Катерина.

А какъ схорониться? Жалко стало Алёнѣ Катерину. Положила Алёна пяльцы, порылась въ сундучкѣ у Бабы-Яги, достала тоненькую хворостинку, пощекотала Катерину подъ лѣлаки-горлышко, и обернула Катерину въ иголку, а иголку заколола себѣ въ воротъ и сѣла опять вышивать въ пяльцахъ.

А Баба-Яга ужъ ѣдетъ, помеломъ машеть.

— Фу-фу-фу! Русскимъ духомъ пахнетъ! Пообѣдала я на свадьбѣ, поужинаю дома!

А въ избушкѣ нѣтъ никого, все свои, не замѣтна Бабѣ-Ягѣ Катерина.

Пошарила Баба-Яга за печкой, заглянула подъ лавку—нѣтъ никого!—и завалилась спать. И спала Баба-Яга по ягиному безпросыпу до бѣлой зари. Бѣлой зарей поднялась Баба-Яга, разбудила Алёну, подняла всѣхъ скакухъ, всѣхъ жагалюхъ, сѣла на ступу да въ путь на вѣдьмину свадьбу.

Скрылась Баба-Яга, простылъ ея слѣдъ. Достала Алёна изъ сундучка ягиную хворостинку, вынула изъ

ворота иголку, поводила хворостинкой по иголкѣ, и стала изъ иголки Катерина.

Просить Катерина вывести ее на дорогу: вернется Баба-Яга, худу быть.

А Алёна и сама рада.

— Три года живу я у Яги въ избушкѣ,—говорила Алёна,—насмотрѣлась я у Яги чудесь всякихъ. Только уйти не могла, одной трудно, одной не уйти.

Трудно уйти отъ Бабы-Яги. Какъ тутъ уйдешь? Замѣтитъ слизень, сынъ Бабы-Яги, семигорлый, и такой крикъ подыметъ, подъ землей услышитъ Баба-Яга его голосъ. Какъ тутъ уйдешь?

Намѣсила Алёна сухомѣсу, замазала всѣ горла слизню, достала изъ сундучка волшебную щетку, кремень, огниво, взяла за руку Катерину.

— Пойдемъ, сестрица!

И пошли. Побѣжали сестры лѣсомъ по сырому бору, не оглянулись.

А слизень лизалъ да лизалъ себѣ горла, да одно горло и пролизалъ.

— Ой, маманя, — кричитъ семигорлый, — дѣвки ушли!

Баба-Яга свахой сидѣла на вѣдьминой свадьбѣ, Баба-Яга признала голосъ, насторожилась.

А слизень пролизалъ себѣ и второе горло.

— Ой, маманя, — кричитъ семигорлый, — дѣвки ушли!

И опять Баба-Яга слышитъ, будто сынъ кличетъ, только неясно, въ шуму невнятно.

А слизень пролизалъ себѣ послѣднее седьмое горло да какъ крикнетъ:

— Ой, маманя, дѣвки ушли!

Баба-Яга на ступу, Баба-Яга домой.

Пріѣхала Баба-Яга въ избушку, вошла въ свои горницы: цѣлы скакухи, цѣлы жагалюхи, цѣлъ слизень семигорлый, стоятъ пяльцы, а Алёны нѣтъ—какъ нѣтъ,—да опять въ ступу, взмахнула помеломъ, да въ погоню.

Бѣжали сестры. Бѣгутъ сестры лѣсомъ, все лѣсомъ, не передохнуть, не присядутъ. Бѣжали, бѣжали, оглянулись, а Баба-Яга тутъ и есть.

— А-а! Проклятыя, попали мнѣ теперь!

Тутъ бросили сестры волшебную щетку — и стала чаша.

Запуталась Баба-Яга въ чашѣ. И долго Баба-Яга пробиралась сквозь чашу, насилу-то выбралась и вѣтромъ пустилась въ погоню. И нагнала сестеръ.

— А-а! Проклятыя, попали мнѣ теперь!

Тутъ бросили сестры волшебный кремьень—и стала гора.

Крута гора, высока передъ Бабой-Ягой. Ужъ карабкалась Баба-Яга, карабкалась, насилу-то взобра-лась на гору и вихремъ помчалась въ погоню. И нагнала сестеръ.

— А-а! Проклятыя, попали мнѣ теперь!

Тутъ бросили сестры волшебное огниво—и закипѣла пламень-рѣка.

Кипить рѣка. Съ одного конца зайдетъ Баба-Яга—пышетъ огонь, съ другого конца зайдетъ—пышетъ огонь. И повернула Баба-Яга домой въ избушку.

Бѣжали сестры. Бѣгутъ сестры лѣсомъ, все лѣ-

сомъ, не передохнуть, не присядуть. Бѣжали, бѣжали и добѣжали до той дыры самой, въ которую Катерина провалилась. И вышли сестры на свѣтъ бѣлый.

3.

Вышли сестры на свѣтъ бѣлый. Опять на землѣ, опять онѣ на дорогѣ.

Призналась Алёна Катеринѣ, вѣдь, и она полюбила своего брата, и провалилась сквозь землю и попала къ Бабѣ-Ягѣ.

— Пойдемъ ко мнѣ,—зоветъ Катерина,—ты выйдешь за моего брата.

— А ты поди за моего, сестрица!

И онѣ пошли по дорогѣ, Алёна да Катерина, сестры.

Алёна вышла за Катеринина брата, Катерина вышла за Алёнина брата. И стали всѣ вмѣстѣ жить, добра наживать.

1911 г.

ПОДРУЖКИ.

1.

Жили-были двѣ подружки, одна другой подѣ стать, Анюшка и Варушка. Анюшка у матери жила, Варушка одна черезъ три версты отъ Анюшки: родители у Варушки померли.

Дня другъ безъ друга прожить не могли подружки: одинъ день Варушка у Анюшки сидитъ, угощаются, на другой день Анюшка къ Варушкѣ поидетъ, подружку почествовать. Такъ и гостились.

— Безъ тебя мнѣ, Анюшка, свѣтъ не милъ.

— Отъ тебя, Варушка, никуда не пойду.

Станутъ подружки прощаться, стоятъ-стоятъ, насилу разойдутся, А на завтра опять сошлись: либо Анюшка къ Варушкѣ, либо Варушка къ Анюшкѣ. Такъ и жили.

— Безъ тебя, Анюшка, я жизни рѣшусь.

— Отъ тебя, Варушка, никуда не пойду.

Стали сватать Анюшку. Уперлась—въ жизнь ни за кого не выйдетъ Анюшка, да мать настояла, старуха. И выдали замужъ Анюшку за Андрея. Похо-

рохорилась, пофыркала дѣвка, а потомъ и свыклась: попался ей мужъ хорошій, ладный.

2.

Уѣхалъ Андрей въ городъ. Осталась одна Анюшка. И задумала Анюшка подругу провѣдать: со свадьбы не видалась съ Варушкой, соскучилась безъ подруги.

Вышла Анюшка изъ дому, идетъ по дорогѣ, а встрѣчу ей дѣвка съ пирогомъ-и менинами.

— Куда пошла, Анюшка?

— Въ гости къ Варушкѣ.

— Не ходи ты къ Варушкѣ, не будетъ ладу.

— Ну, вотъ еще, не впервой гостимся.

И пошла Анюшка дальше, а встрѣчу ей баба съ полосканьемъ: на рѣчкѣ бѣлье полоскала, домой несеть.

— Куда ты, Анюшка?

— Въ гости къ Варушкѣ.

— А не ходить бы тебѣ къ Варушкѣ, будетъ худо.

— Что ты! Мнѣ ли отъ нея худо!

И пошла Анюшка дальше. Ъдетъ мужикъ съ сѣномъ.

— Куда ты, Анюшка?

— Въ гости къ Варушкѣ.

— Не ходи ты къ Варушкѣ, Варушка людей ѣстъ.

— Еще чего скажешь!

И пошла Анюшка дальше, дошла до Варушки. И видитъ Анюшка, у крыльца отъѣденная ножка

лежить ребячья, — глазамъ не вѣрить Анюшка. Вошла на крыльцо, а тутъ рука лежитъ, — не хочетъ вѣрить Анюшка. Въ сѣни зашла, а въ сѣняхъ тулова да головы человѣчьи. Хочешь, не хочешь — повѣришь.

— Иди, иди въ избу! — отворила дверь, кричитъ ей Варушка, — не ходи, не ходи! — машетъ руками.

И зоветъ и не зоветъ подругу.

Не въ толкъ, не въ умъ вошла Анюшка въ избу.

Сидитъ Варушка подъ окномъ, — когда-то тутъ сидели вмѣстѣ подруги.

— Садись и ты, Анюшка! — а сама такъ смотреть... неладно.

И, какъ прежде, сидѣли подъ окномъ подруги. Сколько вечеровъ тутъ прошло подъ окошкомъ, ягоды ѣли, попѣвали пѣсни! Теперь молча сидѣли.

— Я, Варушка, домой пойду, — спохватилась Анюшка, — не по старому ты, не по-прежнему что-то.

— Не ходи, Анюшка! — оставляетъ Варушка, а сама такъ смотреть... неладно.

И опять сидѣли подруги, какъ прежде. Сколько вечеровъ тутъ прошло подъ окошкомъ, ягоды ѣли, попѣвали пѣсни! Теперь молча сидѣли.

Поднялась Анюшка, хочетъ домой. Не хочетъ Варушка отпускать безъ ужина подругу.

— Поужинаешь, тогда и пойдешь! — собрала на столъ Варушка, принесла рыбникъ, — рыбникъ изъ перстовъ состряпанъ человѣчьихъ, угощаетъ пирогомъ подругу.

Анюшка рыбникъ не съѣла, за пазуху запихала.

И не замѣтила Варушка.

— Чтò, съѣла рыбникъ?

— А тамъ, у сердца,—показала Анюшка, будто все съѣла, и домой хочеть,—прощай, Варушка.

А Варушка молчитъ, такъ смотритъ...

— Отпусти меня, Варушка! — проситъ Анюшка: чуеть, не ладно.

Молчитъ Варушка, такъ смотритъ... неладно, а потомъ за руку какъ схватить Анюшку, за локоть и выше подъ мышку.

— Нѣтъ ужъ, пришла, такъ и будемъ вмѣстѣ! — и начала ее ѣсть, да всю, всю-то Анюшку и съѣла.

3.

Ночью изъ города вернулся Андрей, хватился — нѣтъ жены. Послалъ къ матери, нѣтъ ея и у матери.

— Къ Варушкѣ ушла, — говорятъ Андрею, — видѣли!

Всю ночь прождалъ Андрей, — не вернулась домой Анюшка. И чуть свѣтъ вышелъ Андрей и прямо къ Варушкѣ. Глядь, у крыльца отъѣденная ножка лежитъ ребячья, на крыльцѣ рука, въ сѣни вошелъ, а тамъ тулова да головы чловѣчьи. Андрей назадъ домой, созвалъ старшинъ, объявилъ.

Народу сошлось все село, всѣмъ селомъ пошли къ Варушкѣ, кто съ чѣмъ.

Окружилъ народъ избу, приколотили желѣзные рамы къ окнамъ, забили дверь. А Варушка по горницѣ скачетъ, ой, какъ скачетъ! Поскакала тамъ,

поскакала и затихла. Посмотрѣли въ окно, лежить, затихла. Тутъ натащили хворосту, принесли огня, подпалили хворостъ,—занялся огонь, да и сожгли избу.

1911 г.

КРАСНАЯ СОСЕНКА.

Жилъ-былъ богатый мужикъ, и было у мужика три дочери: умныя двѣ, а третья дурочка. Собрался отецъ въ городъ на ярмарку, старшія и говорятъ:

— Купи, — говорятъ, — тятя, намъ по калошамъ.

— А мнѣ купи сосенку!—дурочка просить.

Поѣхалъ отецъ въ городъ, побывалъ на ярмаркѣ, и вернулся домой съ покупками, привезъ, что велѣли: старшимъ умнымъ — калоши, младшей дурочкѣ—сосенку. Самъ смѣется:

— Куда ты, — говорить, — ее дѣнешь, печку топить?

А дурочка взяла сосенку, снесла сосенку на огородъ, тамъ и посадила. Днюетъ и ночуетъ дурочка около своего деревца. Сосенка растетъ, дурочка растеть.

Износили умныя сестры свои новыя калоши, повѣсили осьметки на огородѣ воробьевъ да сорокъ пугать, а у дурочки сосенка выросла высокая, стройная, не простая: постучишься — дверка раскроется, въ домикъ войдешь—сундуки стоятъ, въ сундукахъ

наряды—да такіе, какъ у царицы самой. Только про это никто не знаетъ, одна дурочка знаетъ.

А жилъ неподалеку отъ деревни князь. Отецъ у него померъ, и задумалъ князь жениться. Сколько странъ, сколько государствъ онъ объѣхалъ, а нигдѣ не могъ найти себѣ по сердцу. И сталъ князь собирать народъ со всѣхъ селъ и со всѣхъ деревень:

„Авось, — думаетъ, — найдется, придетъ ко мнѣ моя суженая!“

Выпросились у отца умныя сестры, разрядились итти на пиръ къ князю.

— И меня возьмите!—дурочка просится.

— Куда тебѣ, народъ пугать!—не взяли ее сестры, однѣ ушли.

Пошла дурочка на огородъ къ своей сосенкѣ, постучалась въ сосенку—раскрылась дверка и очутилась дурочка въ домикѣ. Убралась тамъ, одѣлась—узнать нельзя, царевна настоящая. А какъ вышла изъ домика и затворилась дверка, откуда ни возьмись тройка — заливаются, звенять колокольчики. Сѣла дурочка и поѣхала на пиръ къ князю.

Много красавицъ собралось у князя на пиру, на вечерѣ, и одна была всѣхъ краше—дурочка. Князь не отходилъ отъ нея, угощалъ ее, а вывѣдать не могъ, кто такая она. И никто не узналъ дурочку, сестры не признали сестру, а сама о себѣ она никому не открывала.

Вотъ и придумалъ князь: какъ итти дурочкѣ домой, велѣлъ онъ порогъ вишневымъ клеємъ вымазать, а самъ пошелъ до сѣней провожать. Ступила дурочка на порогъ, туфельку и оставила.

А на другой день пустились княжіе слуги по деревнямъ разузнавать, кто потерялъ туфельку у князя на вечерѣ. Заѣхали и на дурочкинъ дворъ. Спросили умныхъ сестеръ, дошла очередь спросить и дурочку — сидѣла дурочка на печкѣ рваная, сажей испачканная.

— Твоя туфелька?—смѣются ей княжіе слуги, и сестры смѣются и отецъ.

— Моя,—говорить дурочка, а сама съ печки да на огородъ.

Обрядилась дурочка у своей сосенки, убралась, какъ царевна, вернулась въ домъ. И всѣ диву дались: ужъ такая красавица—сосенка красная!

Тутъ пріѣхалъ самъ князь, свадьбу сыграли и стала дурочка княгинею, и стали они жить-поживать да добра наживать, князь молодой съ княгинею.

1910 г.

КУМУШКА.

Жила-была старушка Кондратьевна, смолоду была Кондратьевна примѣтлива да говорлива, а подѣ старость, хотѣ глазомѣ и ослабѣла, а еще зорче видѣла, и хотѣ одинѣ зубѣ торчитѣ, а и самѣ говорунѣ рѣчистый не переговоритѣ ея шамканья. И была у Кондратьевны кумушка, — съ одной ложки ѣли и пили, подружка. Старыя старухи на печи лежатѣ, старыя старухи охаютѣ, а подружки сойдутся вечерокѣ посидѣть, до пѣтуховѣ сидятѣ, да и вѣкъ бы сидѣть, разговаривать.

Подружка кумушка и померла.

И осталась на свѣтѣ жить одна Кондратьевна.

Богомольная была Кондратьевна, къ службамѣ очень любила ходить. Все примѣтитѣ Кондратьевна, все высмотритѣ: и кто какѣ стоитѣ, и кто зѣвнетѣ, и кто кашлянетѣ, и на комѣ что нарядѣ какой, — ничего не упуститѣ старуха. А поразсказать-то ужѣ и некому, нѣтъ больше кумушки, да и самой послушать нечего, не заговоритѣ больше кумушка.

Безѣ кумушки скучно Кондратьевнѣ, ляжетѣ ста-

руха на печку, время спать — не спится, и лежить такъ, тараканьи шкурки считаетъ.

Лежить такъ Кондратьевна, шкурки тараканьи считаетъ, не спится старухѣ, вспоминается кумушка. И слышитъ разъ Кондратьевна, среди ночи звонъ въ церкви гудить. Встала съ печки да въ церковь. А церковь—полна покойниковъ: въ саванахъ стоятъ покойники и всѣ одинаковые, не видно лица, не разберешь, кто Иванъ и кто Марья, кто нынче померъ, кто лѣтось. И какъ ни всматривается Кондратьевна, — всѣ одинаковые, стоятъ въ своихъ саванахъ.

А кумушка знакомая, подружка Кондратьевны, сняла съ себя саванъ и говоритъ:

— Нынче мы молимся, упокойники, а не вы, уходи, да чтобы не слышалъ никто, не сказывай!

Ушла домой Кондратьевна: не будетъ она мѣшать покойникамъ, еще чего добраго и съѣдятъ ее, всю-то схряпаютъ вмѣстѣ съ косточками. И цѣлый день крѣпко держала старуха свой полунощный зарокъ. Но когда среди ночи опять услышала звонъ, охота посмотрѣть покойниковъ отогнала всякіе страхи. Встала старуха съ печки да скорѣе въ церковь: кто Иванъ и кто Марья, кто нынче померъ, кто лѣтось,—все она высмотритъ, до всего дойдетъ. И опять ея кумушка, подружка знакомая, уходитъ ей велѣла.

Три ночи кряду ходила Кондратьевна въ церковь, три ночи прогоняла ее домой кумушка. На четвертую ночь Кондратьевна не услышала звону, на четвертую ночь у дверей сталъ покойникъ. Молча въ

саванѣ стоялъ у дверей покойникъ, пугалъ Кондратьевну. И на слѣдующую ночь опять у дверей стоялъ покойникъ, пугалъ Кондратьевну.

„Кто—Иванъ или Марья? Когда умершій—нынче или лѣтось? Зачѣмъ пришелъ? Чтò ему надо?“ — хочется старухѣ все разузнать, а какъ разузнаешь,— не говоритъ, помалкиваетъ покойникъ, только пугаетъ.

И домекнулась Кондратьевна. Еще засвѣтло покрыла она столъ скатертью, подъ столъ пѣтушка пустила, чтобы въ полночь спѣлъ пѣтушокъ,—мало ли что!—сама влѣзла на печку, легла ночи ждать.

Лежитъ Кондратьевна на печкѣ, шкурки тараканьи считаетъ, ждетъ ночи, ждетъ покойника.

И пришла ночь, сталъ ночью у дверей покойникъ. Увидѣла его Кондратьевна, да скорѣе съ печки, манить къ столу.

Усѣлся покойникъ за столъ и говорить:

— Съѣмъ я тебя! И зачѣмъ ты повадилась ходить къ намъ въ непоказанный часъ, терпѣнья нѣтъ моего!—да саванъ съ себя долой.

Тутъ Кондратьевна такъ и ахнула: кумушка, подружка ея знакомая, кумушка сидѣла за столомъ.

А скатерть и говорить:

— Трутъ меня и моютъ и полощутъ, все терплю, а ты малости такой перетерпѣть не могла! — говорить скатерть кумушкѣ.

И запѣлъ пѣтушокъ, и покойница отступилась.

ВОРОЖЕЯ.

Былъ такой царь заморскій, строгій, за правду стоялъ, порядокъ наводилъ,—нарядчикъ. Какіе были въ его государствѣ воры, жулики, озорники и безобразники,—либо перевелись, либо въ другія земли промышлять отошли. Царь былъ строгій и справедливый,—нарядчикъ.

Случилось, царь разболѣлся: и то прикладываютъ и другое,—изъ силъ выбились, а нѣтъ пользы, ничего не помогаетъ.

Вотъ царица царю и говоритъ:

— Есть,—говорить,—въ нашемъ государствѣ, въ заморскомъ, старушка одна, ворожея живетъ. Вотъ если позвать ее, такъ она ужъ скажетъ, какая у тебя болѣзнь.

Царь послушалъ царицу, далъ согласіе.

Пошли за старухой. Позвали старуху. И пришла къ царю старуха, ворожея самая.

— Здравствуй, дитятко, ваше царское величество!—говорить старуха, а сама и глянуть на царя боится: очень ужъ всѣ царя боялись.

Ласково поздоровался царь со старухой, выслалъ вонъ приближенныхъ своихъ царскихъ слугъ, остался одинъ со старухой.

— А что, — говорить, — бабушка, знаешь ты: смерть мнѣ или житье будетъ?

Старуха ни жива, ни мертва.

— Что-жъ, скажи, бабушка!

А старуха царю:

— Гдѣ ужъ мнѣ знать Господню тайность про это, — да въ ноги царю, — станешь, дитятко, воровать, коли нечего въ ротъ положить!

Жалко стало царю старуху.

— Коли не знаешь, бабушка, — сказалъ царь, — а спросятъ тебя, скажи: смерть будетъ царю. Отъ смерти-то, бабушка, никому не уйти, правда?

— Правда, дитятко, правда.

Простилась старуха, пошла отъ царя.

Тутъ ее, старую, и затормошили, — всѣ на старуху, всѣ хотятъ знать, что будетъ царю.

— Что будетъ царю: житье или смерть? — всѣ хотятъ знать.

— Утромъ помреть! — одно твердила старуха, что велѣлъ ей самъ царь говорить, и до утра, кто-бъ ни спросилъ, всѣмъ и каждому это одно, о смерти, — утромъ помреть!

И до утра всѣ повторяли за старухой про царя старухино царское слово:

— Утромъ помреть.

На утро царь и померъ.

И какъ узнали, что правда, царь померъ: сбылось, значить, слово, — и вознесли старуху, та такъ, что на вѣковѣчный хлѣбъ попала.

СЕРДЕЧНАЯ.

Много отъ слова бываетъ: словомъ можно, что хочешь, накликать, словомъ и бѣду прогоняють. Мудрымъ людямъ извѣстно, когда сказать надо, когда промолчать лучше.

Померъ мужъ у Лизаветы, осталась одна она, да шестеро ребятъ, съ шестерыми-то одной куда не легко, много горя натерпишься!

Ладно жила съ мужемъ Лизавета и затоскнула крѣпко. День въ заботахъ, на мѣстѣ не посидить, а ночь придетъ, не спится, мѣста отъ тоски не найдеть.

И сталъ онъ къ ней ночью ходить, колотиться въ дверь.

И разъ пришелъ и въ другой пришелъ.

Пришелъ онъ въ третій разъ и давай въ дверь колотиться.

— Отворяй,—вопить,—я иду ребятъ смотрѣть!—любилъ онъ дѣтей: ему жалко ребятъ.

Слышитъ Лизавета, испугалась,—волосы на головѣ стали,—поднялась, отворила дверь въ сѣни.

— Когда бросилъ, — говорить, — да покинулъ, тогда не жалѣлъ, а нынче нечего съ тобой дѣлать, не отворю!

А онъ стоитъ у дома подъ дверями, колотится, вопить.

До пѣтуховъ держалъ мертвецъ у дверей Лизавету въ сѣняхъ: отъ страха не могла она сойти съ мѣста, стояла въ холодныхъ сѣняхъ.

На утро рассказала Лизавета людямъ, что ходить, беспокоить ее покойникъ, и кто-бъ ни зашелъ ее провѣдать, — жалѣли Лизавету, сердечная, до нищихъ добра была, — прохожій ли, странникъ-калика, всякому рассказывала Лизавета, не таилась.

И всякій пожалѣлъ Лизавету. Всякій пожалѣлъ Лизавету, кому бы ни рассказала она.

И больше не сталъ мертвецъ ходить къ Лизаветѣ.

1912 г.

ОТГАДЧИЦА.

Жиль-быль старикъ со старухой, и плохо пришлось старикамъ, такъ обѣдняли, что не стало у нихъ и куска хлѣба. Чтò тутъ дѣлать? Вотъ старуха и надумала.

— Возьми,—говорить старику,—у сосѣда, сосѣдъ богатый, возьми,—говорить,—коровъ, загони ихъ въ свою пожню!

Старикъ согласный: что старуха, то и старикъ,—загналъ старикъ сосѣдскихъ коровъ на свою пожню. А тамъ хватились, у сосѣда, ищутъ коровъ, найти не могутъ.

Тутъ старуха выждала время, да къ сосѣду.

— Что,—говорить,—сосѣдъ, не могу ли я въ сей вечеръ твоихъ коровъ отворотить?

Обрадовался сосѣдъ.

— Ежели,—говорить,—бабушка, твоя сила будетъ, чѣмъ могу, тѣмъ и поблагодарю, только верни коровъ.

Карасьевна домой, за старика.

— Гони,—говорить,—старикъ, коровъ домой.

Старикъ согласный: что старуха, то и старикъ,— погналъ старикъ коровъ къ сосѣду. А сосѣдъ на радостяхъ Карасьевнѣ пудъ муки.

И сталъ старикъ со старухой жить да поживать, и все было хорошо, пока не съѣли пудъ сосѣдскій.

Кончилась мука, попали опять старики въ бѣдность, опять пришла нужда. И опять пришлось старикамъ за старое взяться: тоже и съ другимъ сосѣдомъ продѣлали, загнали коровъ, потомъ старуха коровъ вернула и получила новый пудъ.

Такъ хватовщиной и прокормились старики лѣто.

А слава о Карасьевнѣ, о колдовской ея силѣ такая пошла, самъ государь узналъ.

Пропалъ у государя о ту пору самоцвѣтный камень, и сколько его ни искали, найти нигдѣ не могутъ, какъ въ воду канулъ. И пришло государю на разумъ испытать Карасьевну: пускай отгадаетъ старуха, кто унесъ его камень.

Бдуть за Карасьевной два царскихъ лакея: Брюхъ и Хребетъ—они же и царскій камень украли, только все шито-крыто. Бдуть лакеи, ведутъ разговоры.

— Вотъ что, Брюхъ,—говорить Хребетъ Брюху,— ежели старуха и вправду отгадать можетъ, что мы у царя камень взяли, давай положимъ куриныя яйца въ сани, узнаетъ старуха, стало быть, вѣрно, колдунья.

— Что же, положимъ,—согласился Хребетъ.

Хотѣли лакеи испытать старухину силу. И сейчасъ же, какъ только въ село вѣхали, не заходя въ домъ, достали куриныхъ яицъ, да тихонько въ сани и сунули.

А Карасьевна, какъ увидѣла Хребта и Брюха, да узнала, что отъ самого государя лакеи, везти ее къ государю посланы, перепугалась на смерть.

— Не поѣду,—стоитъ старуха,—безъ старика не поѣду, онъ тоже знаетъ.

Имъ-то чего, со старикомъ ли, безъ старика, все едино, уложили котомки и въ путь.

Усѣлся старикъ въ сани, сѣла старуха, прощается съ домомъ—куда ужъ вернуться!

— Сѣсть,—говорить,—мнѣ было, какъ курицѣ на яйца.

А лакеи такъ другъ друга и подтолкнули.

— Эка, вѣдьма, заразъ узнала!—и всю-то дорогу помалкивали оба: чѣмъ ближе къ государю, тѣмъ страхъ больше.

И старикъ со старухой молчали: не вернуться имъ домой вовѣки!

Ночью пріѣхали старики ко дворцу. Отвели старикамъ комнату особую, велѣли спать. А Брюхъ съ Хребтомъ подъ дверями уши наострили.

Ворочался старикъ,—нѣтъ сна, какой ужъ сонъ!

— Ой, ворона,—не вытерпѣлъ, сказалъ старикъ старухѣ,—залетѣла въ высоки хоромы, что-то намъ будетъ?

— Что будетъ брюху, то и хребту! — горько сказала старуха, горько ей было старой: хоть и въ бѣдности жили, да не въ бѣдѣ, а тутъ крышка.

Какъ услышали Брюхъ съ Хребтомъ старухины слова, такъ тутъ у дверей и присѣли.

— Отдать надо, отгадала злодѣйка, отдать надо!—да ползкомъ, ползкомъ въ свою лакейскую каморку,

да скорѣй за сундукъ, вынули изъ сундука камень и съ камнемъ назадъ къ старикамъ, стучать къ старикамъ.

А старикъ со старухой со страху тычутся, дверь отыскать не могутъ, чуть живы отъ страху, насилу-то отворили.

Тутъ Брюхъ и Хребетъ старухѣ въ ноги:

— Не говори на насъ, бабушка, что онъ у насъ хранился!—и подаютъ старухѣ камень, да сто рублей денегъ.

Приняла Карасьевна камень и сто рублей денегъ и ужъ до самого утра такъ его въ рукахъ и держала, а старикъ стоялъ, ее застилъ: горѣлъ самоцвѣтный камень, игралъ, какъ Божьи огни—звѣзды.

На утро привели старуху къ государю.

— Что, старуха, — спрашиваетъ государь, — гадала?

— Гадала, батюшка, — говоритъ Карасьевна, — и отгадала, батюшка, гдѣ твой камень есть. Въ Москву унесенъ, черезъ недѣлю достану.

И цѣлую недѣлю жилъ старикъ со старухой во дворцѣ у государя, цѣлую недѣлю изъ комнаты никуда не отлучались, караулили старики камень: мало ли грѣхъ какой, не услѣдишь, стащутъ!

Черезъ недѣлю повели старуху къ государю, и отдала Карасьевна государю его самоцвѣтный камень.

Удивился государь такой колдовской силѣ.

— Ну, — говоритъ, — бабушка, за такую службу мало тебѣ и царской награды! Здѣсь ты желаешь жить или въ свою сторону назадъ ѣдешь?

А Карасьевна едва духъ переводить и пала въ
ноги государю:

— Батюшка, гдѣ меня взялъ, отвези назадъ.

И отправилъ государь старика и старуху домой
и наградилъ хлѣбомъ до самой ихъ смерти.

1912 г.

ДОГАДЛИВАЯ.

1.

Жилъ одинъ человѣкъ бѣдный, много терпѣлъ, а все неудача: не везло ему ни въ чемъ—да и только. И не то, чтобы тамъ о какихъ-нибудь богатствахъ, объ одномъ ужъ у него мысль: хоть какъ-нибудь да Богъ далъ бы день прожить. Былъ онъ семейный: жена, дѣти,—и жить бы ему съ семьей дружно, да жить нечѣмъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ нужда больше. И такъ ему плохо пришлось, что и кормиться нечѣмъ.

Вышелъ Прохоръ изъ дому, а куда итти—и самъ не знаетъ. А итти надо: безъ денегъ хоть и домой не возвращайся. А гдѣ достать денегъ,—такъ, съ вѣтру, и копѣйка не валится. И стало ему горько.

„Хоть бы чортъ денегъ мнѣ далъ, ужъ я бы ему и душу продалъ, чтобы только ребятъ кормить!“

И только это онъ о чортѣ подумалъ, чортъ и явился.

— А,—говоритъ,—здорово, Иванычъ!—а золотой у самого въ лапѣ такъ и играетъ,—хочешь?

Какъ тутъ быть: не откажешься — деньги налицо, только бери.

— Что-жъ, давай!—протянулъ руку Прохоръ за золотымъ.

А чортъ и говорить:

— Ишь, какой! Ты, Иванычъ, напередъ мнѣ дѣло одно сдѣлай, а потомъ и деньги твои будутъ. Палець безымянный надо... ну, крѣвку изъ пальца выпустимъ, такъ чуть-чуть, ты мнѣ условіе подпиши, Иванычъ, и готово.

— Ладно,—согласился Прохоръ.

И живо все это дѣло сдѣлали, изъ безымяннаго пальца кровь выпустили, подписалъ Прохоръ чорту условіе, а чортъ Прохору—денегъ, золотой.

— За душой приду, прощай!—только хвостомъ и вильнулъ чортъ.

2.

Съ золотымъ вернулся Прохоръ домой. И съ той поры не переводились деньги, разжился, началъ торговать, и пошла совсѣмъ другая жизнь. Забылъ бѣднякъ о всякой нуждѣ, легко было жить, и не замѣтилъ онъ, какъ старость подошла.

И чѣмъ ближе къ смерти, тѣмъ больше сталъ задумываться старикъ.

И то, что чорту кровью условіе подписалъ—душу ему, черному, продалъ, мучило старика, и еще то, что столько лѣтъ со старухой въ дружбѣ да въ любви живетъ и во всемъ въ душу и все съ ней въ совѣтѣ, а главнаго-то, откуда у него тогда зо-

лотой появился, не открылъ онъ старухѣ, ничего старуха о условіи его съ чортомъ знать не знаетъ.

Сидитъ такъ старикъ, голову повѣсилъ: чорта ему страшно—грѣхъ мучить, да и передъ старухой вину свою знаетъ, а сказать тяжело.

— Что ты, старикъ, все задумываешься?—спрашиваетъ старуха,—раньше-то намъ думать было о чемъ, когда жили мы бѣдно, а теперь что намъ думать!

А старикъ ей, молчалъ-молчалъ, да и говорить:

— Не знаешь ты, старуха, гдѣ я тогда золотой взялъ! Я чорту душу продалъ.

Сказалъ старикъ, а самъ пуще испугался: думалъ, что ужъ старуха такъ тутъ на мѣстѣ отъ страха и кончится.

А старухѣ и горя мало.

— Нашелъ, чѣмъ горевать! А пускай только придетъ чортъ: ужъ если брать твою душу, такъ и мою долженъ взять, а мою не возьметъ, такъ и твою не возьметъ.

3.

Легокъ чортъ на поминѣ, чортъ стучится:

— Отпирай, Иванычъ, я пришелъ!

А на старикѣ лица нѣтъ, двинуться не можетъ.

Пошла старуха, отперла дверь, впустила чорта.

— Здорово!—такъ хвостомъ и виляетъ,—я за душой, Иванычъ!

— Нѣтъ, ты и мою бери,—наступаетъ старуха,—столько лѣтъ вмѣстѣ жили, такъ не годится.

— А на кой мнѣ твоя, бабья, я за нимъ пришелъ! Да много-ль возьмешь за свою?—самъ такъ и юлитъ: ему, чорту, чѣмъ больше душъ, тѣмъ лучше.

— Денегъ я не возьму, а справь ты мнѣ три задачи: справишь—тебѣ обѣ души, не справишь—иди отъ насъ по добру, по здорову.

— Еще чего!—подскочилъ чортъ: чортъ все можетъ, ему на бабу стало обидно.

Ударили по рукамъ: справить чортъ три задачи—возьметъ душу старика да и бабью даромъ въ придачу, а не справить—ни одной не получить.

А старикъ ни живъ, ни мертвъ: страшно ему за себя, страшно и за старуху, какъ бы старуха передъ чортомъ не сплеховала.

Стала старуха посреди избы, да какъ чихнетъ:

— Нà,—говорить,—имай!

Чортъ ловить, ловилъ-ловилъ, не можетъ нигдѣ поймать.

— Ну, вотъ и не справилъ задачу, а еще чортъ!—подзадариваетъ старуха.

Бѣсится чортъ: чортъ все можетъ, ему на бабу обидно.

Выдернула старуха изъ-подъ повойника волосинку.

— Нà тебѣ, выпрями волосъ!

Чортъ за волосъ, крутилъ, вертѣлъ, и вертѣлъ, и межъ ладонями каталъ, выпрямить не можетъ, да и разорвалъ.

— А еще чортъ! Ничего-то ты не можешь,—знай себѣ, дразнить старуха.

Пуще бѣсится чортъ: чортъ все можетъ, ему на бабу страсть обидно.

— Вотъ у меня родимое пятно, — показываетъ чорту старуха, — седьмой десятокъ на тѣлѣ ношу, слижи, чтобы до-бѣла.

Чортъ лизать, лизалъ-лизалъ, стало языку больно, а пятнышко не сходить, только старухѣ локоть натеръ. И неумоготу ужъ старухѣ, терпѣла-терпѣла, да какъ дрыгнетъ ногой: у чорта изъ глазъ инда искры посыпались.

И отступился.

Отступился чортъ, да драла безъ оглядки, забылъ и про души.

1912 г.

ЦАРЬ СОЛОМОНЪ И ЦАРЬ ГОРОСКАТЪ.

ЦАРЬ СОЛОМОНЪ.

1.

У Давида царя былъ братъ слѣпецъ Семиклей. Семиклей былъ женатъ. И жили онѣ, двѣ царскія семьи, Давидъ царь со своею царицей да Семиклей со своею женой, вмѣстѣ въ одномъ дворцѣ. Передъ дворцомъ стояло дерево высоченное съ золотыми плодами, и на этомъ деревѣ жена Семиклея устроила себѣ ложе и тамъ принимала своего друга.

Подозрѣвалъ Семиклей жену и, какъ влѣзть ей на дерево, охватить, бывало, Семиклей охапкой дерево и не отходить, но жена свое дѣло знала и всегда пустить напередъ друга, а ужъ за нимъ и сама.

Сидѣлъ разъ Давидъ царь съ царицею у окошка, любовались на чудесное дерево съ золотыми плодами, а жена Семиклея не видитъ царя съ царицей и свое это дѣло затѣяла: посадила друга своего на дерево и сама за нимъ полѣзла.

Топчется Семиклей подъ деревомъ, охватилъ охапкой дерево, а поймать все равно никого не поймаешь—слѣпецъ.

Жалко стало Давиду царю брата слѣпца.

— Я Господу Богу помолюсь,—сказалъ Давидъ царь,—прозрѣеть братъ, ссѣчетъ голову у невѣрной жены.

— Не ссѣчетъ,—говорить царица,—спустится она на землю, три отвѣта дастъ, на слово три слова найдетъ ему, вывернется.

А царь Соломонъ во чревѣ царицы и говоритъ:

— Плѣха по плѣхѣ и клобукъ кроетъ!

Перепугалась царица.

Давидъ царь молился, просилъ за слѣпца у Господа Бога, чтобы вернулъ Господь зрѣніе брату.

И прозрѣлъ слѣпецъ, открылись глаза у царскаго брата: увидѣлъ Семиклей жену свою и друга ея на деревѣ, кричить:

— Спускайся! — машетъ кулаками: убьетъ онъ жену, не отдѣлаться такъ и другу.

Слѣзла съ дерева жена.

— Стой,—говорить,—подожди, что я тебѣ скажу, —да въ сторонку его и отвела,—глупый ты, неразумный, тридцать лѣтъ ты сидѣлъ безъ глазъ и сидѣть бы безглазому тебѣ до самой твоей смерти, а я согрѣшила надъ твоей головой, тебѣ Богъ и далъ глаза.

Ну, у Семиклея тутъ руки и опустились, а другъ тѣмъ временемъ слѣзъ съ дерева и улепетнулъ живъ, цѣлъ и невредимъ.

2.

Отлучился Давидъ царь по царскимъ дѣламъ, поѣхалъ Давидъ царь судить да рядить свои даль-

нія земли. Царица дома осталась и безъ царя принесла сына—царя Соломона.

Думаетъ себѣ царица:

„Какой это мнѣ сынъ будетъ? Если и во чревѣ моемъ говорилъ такое, а вырастетъ, и не такъ скажетъ: убьетъ онъ меня!“

И напалъ страхъ на царицу. Взяла она сына своего, царя Соломона, кузнецу царскому и снесла, а себѣ у кузнеца взяла кузнецова сына.

Вернулся Давидъ царь домой, ничего не знаетъ, а царица помалкиваетъ, да такъ кузнецова сына за своего и принялъ—за царя Соломона.

Дѣти растутъ: у царскаго кузнеца — царь Соломонъ, у Давида царя—царскаго кузнеца сынъ.

Пойдетъ Давидъ царь съ сыномъ на прогулку, полюбится мальченокъ какая мѣстность, и все одно у него:

— Эко, батюшка, — скажетъ, — мѣсто красивое, намъ бы тутъ кузницу ставить.

Извѣстно, кузнеченокъ!

Пойдетъ куда царскій кузнецъ съ царемъ Соломономъ, приглянется царю Соломону мѣсто красивое, и все-то у него по-своему, по-царскому:

— Батюшка, — скажетъ, — намъ бы здѣсь городъ ставить да людей селить.

3.

Стали слухи носиться, стали говорить Давиду царю о царскомъ кузнецѣ и о царѣ Соломонѣ, сталъ Давидъ царь догадываться, что дѣло нечисто. И

спрашивалъ царь царицу, — ничего не добился; спрашивалъ царь Семиклея брата, — не видѣлъ, Семиклей не знаетъ; спрашивалъ царь жену Семиклея и ея друга, — ничего не знаютъ. Помолился Давидъ царь Господу Богу да съ помощью Божіей рѣшилъ самъ все дѣло провѣрить: испытать царя Соломона.

Посылаетъ Давидъ царь за царскимъ кузнецомъ. Пришелъ царскій кузнецъ.

Давидъ царь говоритъ кузнецу:

— Приди ко мнѣ, кузнецъ, завтра не нагъ, не въ платьѣ и стань не вонъ, не въ избу.

Поклонился царскій кузнецъ Давиду царю, пошелъ къ себѣ въ кузницу.

Ужъ и такъ думалъ кузнецъ, и этакъ, а ничего не можетъ придумать. Позвалъ царя Соломона и рассказалъ ему, какую загнулъ задачу Давидъ царь.

Царь Соломонъ и говоритъ:

— Глупъ ты, кузнецъ, вотъ что! А ты надѣнь на себя неводъ, на ноги — лыжи и иди пятками къ сѣнничному порогу, а носками къ избному.

Кузнецъ такъ и сдѣлалъ.

— Ахъ, кузнецъ, кузнецъ, — сказалъ Давидъ царь, — не твои это замыслы. Это замыслы царскіе.

Черезъ нѣкоторое время опять посылаетъ Давидъ царь за царскимъ кузнецомъ. Пришелъ царскій кузнецъ.

Давидъ царь говоритъ кузнецу:

— Возьми, кузнецъ, у меня быка, да чтобы черезъ тридцать дней быкъ у тебя отелился.

Поклонился царскій кузнецъ Давиду царю, взялъ быка, повелъ быка къ себѣ въ кузницу.

Закручинился кузнецъ, ужъ и такъ думалъ, и этакъ, а ничего не можетъ придумать, — позвалъ царя Соломона и рассказалъ ему, какую загнулъ задачу Давидъ царь.

— Глупъ ты, кузнецъ, вотъ что! Быка мы съѣдимъ, а придетъ пора, отелится быкъ.

Убилъ кузнецъ быка, сварилъ быка, и съѣли. Прошло тридцать дней, настала пора телиться быку.

Царь Соломонъ и говорить:

— Истопи нынче баню, кузнецъ, ложись на полкъ и реви, да что есть мочи реви, будто ты телишься.

Кузнецъ такъ и сдѣлалъ.

Кузнецъ истопилъ баню, легъ на полкъ и заоралъ.

А Давидъ царь знаетъ: тридцать дней прошло, надо отъ кузнеца отчетъ взять, — и послалъ царь своихъ царскихъ слугъ къ кузнецу о быкѣ навѣдаться.

Идутъ мимо бани царскіе слуги, а кузнецъ реветъ:

— Тошно мнѣ стало, тошно!—да такъ выводить, ну какъ по-настоящему.

Царскіе слуги въ баню: лежитъ кузнецъ на полкѣ, ореть, что есть мочи.

— Чего ты, кузнецъ, разорался?

— А приношусь, стало-быть,—стонеть кузнецъ.

— Что ты, дикій, когда это мужикъ приносился?

А кузнецъ и говорить:

— Мужикъ не приносится, такъ и быкъ не телится.

Вернулись царскіе слуги къ Давиду царю, рассказали о кузнецѣ.

— Не кузнеца это затѣи, — говоритъ Давидъ царь,—это затѣи царскія.

И дѣлаетъ Давидъ царь обѣдъ для ребятъ, созываетъ ребятъ со всего своего царства, чтобы изъ всѣхъ самому отличить царя Соломона.

А царь Соломонъ научилъ ребятъ:

— Скажетъ Давидъ царь: „Который царь Соломонъ, пускай напередъ садится!“ такъ вы бросайтесь всѣ разомъ и, хоть разорвитесь, кричите: „Всѣ цари, всѣ Соломоны!“

Такъ ребята и сдѣлали.

Вышелъ къ нимъ Давидъ царь.

— Который,—говоритъ,—царь Соломонъ, пускай напередъ садится!

— Всѣ цари, всѣ Соломоны! — какъ загалдятъ ребята, да разомъ за столъ и сѣли.

Такъ Давидъ царь и не узналъ, который царь Соломонъ, одно узналъ Давидъ царь, что сынъ—не его сынъ, и надо искать своего сына—царя Соломона.

4.

Дѣти растутъ: у царскаго кузнеца — царь Соломонъ, у Давида царя—царскаго кузнеца сынъ.

Собиралъ царь Соломонъ ребятъ себѣ по возрасту, затѣвалъ всякія игры, судилъ да рядилъ ребятъ. И шла слава о царѣ Соломонѣ, о его премудрыхъ судахъ, и ужъ большіе, старики приходили въ царскую кузницу совѣтъ и судъ просить у царя Соломона.

Шла разъ старуха изъ рынка, мѣру муки купила, несла муку. Несетъ старуха муку, молитву шепчетъ, и вдругъ потянулъ вѣтеръ, выхватилъ у старухи муку, и унесло муку вѣтромъ.

Пошла старуха къ Давиду царю на вѣтеръ судъ просить: послѣднюю копѣйку истратила старуха на рынокъ, больше негдѣ ей взять, кто ей отдастъ муку?

Выслушалъ Давидъ царь старуху и говорить:

— Какъ я, бабушка, Божью милость могу обсудить?

А старуха не уходитъ: на послѣднюю, вѣдь, копѣйку купила муки, — ни муки, ни копѣекъ у ней нѣтъ больше. Не уходитъ старуха, мышиная такая старушенка, шепчетъ.

Тутъ царскіе слуги и говорятъ Давиду царю:

— Пошли, — говорятъ, — Давидъ царь, за царскимъ кузнецомъ, его мальченка это дѣло обсудить.

Велѣлъ Давидъ царь привести царскаго кузнеца, да чтобы кузнецъ и мальченку захватилъ. И пришелъ царскій кузнецъ, пришелъ и царь Соломонъ.

Разказалъ Давидъ царь царю Соломону о старухѣ, какъ унесло у ней вѣтромъ муку: просить старуха суда.

— Какъ же ты, Давидъ царь, — говоритъ царь Соломонъ, — не можешь разсудить это? Дай мнѣ твою клюку, твой скипетръ, царскую порфиру, и я сяду на твой престолъ, буду судить!

Посадилъ Давидъ царь на свой царскій престолъ царя Соломона судить старуху и вѣтеръ. И собралъ царь Соломонъ весь народъ, сколько ни было въ городъ, всѣхъ отъ мала до велика, и всю царскую

семью, царицу, царскаго брата Семиклея, жену его и друга ея.

— Кто изъ васъ нынче въ утренній часъ вѣтру молилъ?—спросилъ царь Соломонъ.

Какой-то тамъ и выскочилъ корабельщикъ.

— Я,—говорить,—молилъ попутной посѣбны.

И велѣлъ царь Соломонъ корабельщику отсыпать старухѣ мѣру муки. Отсыпалъ корабельщикъ муки старухѣ. Пошла старуха, понесла муку, Бога благодарила да царя Соломона за судъ премудрый.

И дивился народъ царю Соломону.

Тутъ царица призналась Давиду царю, что ея это сынъ царь Соломонъ, а сынъ—не ихъ сынъ, а царскаго кузнеца.

Давидъ царь простилъ царицу, царскому кузнецу кузню царскую въ вѣковѣчный даръ отдалъ, а на царя Соломона вѣнецъ надѣлъ: пусть царь Соломонъ судить и рядить все царство, всѣ народы, всю русскую землю.

1911 г.

ЦАРЬ ГОРОСКАТЪ.

1.

Хитрый, мудрый былъ царь Гороскатъ Первый—городамъ бывалецъ, землямъ проходецъ. Собралъ царь къ себѣ министровъ на думу.

— Хочу,—говорить,—непосѣяно поле пожать.

Ну, министры отвѣтить ничего не могутъ: не умѣютъ разгадать загадку.

— Не отгадаете, — говоритъ царь, — голова съ плечъ!

Стали министры просить царя обождать: можетъ статья, и смекнуть, надумаютъ чего, — жалко имъ головъ своихъ, все-таки какъ-никакъ, а человѣчи.

— Дай,—говорятъ,—намъ сроку на трое сутокъ.

Согласился царь, отпустилъ министровъ.

Вышли министры отъ царя изъ дворца царскаго, идутъ по улицѣ, не знай куда,—загадка на умѣ, а разгадки нѣтъ никакой. Кружили, кружили, съ улицы на улицу, пройдутъ поперечную, вернутся, идутъ по продольной и опять въ поперечную и все думаютъ, а придумать ничего не могутъ.

Прошелъ обѣденный часъ, проголодались министры.

„Эхъ, — думаютъ, — закусить бы теперь самое время!“

А ужъ такую даль зашли: ни трактира, ни двора постоялаго. И видятъ они, домъ стоитъ большой, широкой, двери худыя, разсыпались, не заложены. Вошли они въ этотъ домъ: слава Богу, есть чловѣчья душа!

Въ домѣ дѣвица полъ мыла, да скорѣе отъ министровъ на печку.

„Не дай, Господи, тупой глазъ и безуха окно!“ — оправилась дѣвица, пригладилась, вышла изъ-за печки, домыла полъ, вынесла на улицу грязную воду, вымыла руки.

— Мы что-то поѣсть хотимъ, — говорятъ министры.

— А чего вы хотите: плеваннаго или лизаннаго?

„Эка, хитрая дѣвка, — подумали министры, — чего загнула!“

И что лизанное и что плеванное, какъ тутъ разобратъ? Да и куда ужъ имъ разбирать: подводить, ѣсть очень хочется.

— Ну, ставъ намъ лизаннаго!

Поставила дѣвица ухи чистой и бѣлой рыбы. Поѣли министры всласть, помолились Богу, поблагодарили хозяйку, вышли изъ-за стола. И ужъ любопытно имъ знать: что лизанное, что плеванное.

— Понапрасно вы только хлѣбъ у царя ѣдите, — сказала хозяйка, — спросили бы вы у меня плеваннаго, я поставила бы вамъ ухи ершовой, вы бы ѣли да кости выплевывали, а вы просили у меня

лизанного, я и поставила вамъ ухи чистой, вы рыбу съѣли и тарелку облизали.

„Эка, вѣдь, дѣвка-то мудрая!“ — подумали министры.

Слово за слово, разговорились, да свою бѣду ей и рассказали о загадкѣ царской.

— Что такое,—говорятъ,—хочетъ царь непосѣяно поле пожать?

— А вы и этого не знаете? Ну, ступайте, скажите царю: „Вы будете начинать, а мы вамъ будемъ помогать!“

Весело пошли министры къ царю въ царскій дворецъ: сдобровали ихъ головы, не казнить ихъ царь, загадка разгадана.

— Ваше царское величество,—говорятъ министры царю,—вы будете начинать, а мы вамъ будемъ помогать.

— А кто вамъ это сказалъ?—спрашиваетъ царь.

Сказать неправду царю, не такой царь, чтобы неправду спустилъ, ну, во всемъ и признались, рассказали министры, какъ зашли они къ дѣвицѣ одной въ ея большой старый домъ, какъ угостила она ихъ лизаннымъ, не забыли и про плеванное.

— Ужъ больно хороша дѣвица, хитра и умна.

— На-те, несите этой дѣвицѣ золотникъ шелку, пусть она мнѣ соткетъ ширинку!—хотѣлъ царь испытать хитрость и мудрость хитрой дѣвицы.

Взяли министры царскіе шелкъ, пошли назадъ изъ дворца, и ужъ едва домъ разыскали: на радостяхъ-то, что голова цѣла, изъ головы всю память повышибло.

Встрѣтила министровъ дѣвица, а они ей золотникъ шелку,—принимай съ рукъ въ руки.

— Велить царь соткать ширинку!

Положила дѣвица шелкъ на столъ, подаетъ имъ краснаго дерева кусокъ, не великъ, не малъ кусокъ,—со швейную иголку.

— Идите, — говоритъ, — къ царю, отдайте ему дерево и скажите: будетъ ему ширинка, только пусть напередъ сдѣлаетъ мнѣ царь изъ этого дерева шпульку да бѣрдо.

Понесли министры дерево къ царю, принесли отвѣтъ. Принялъ царь дерево, повертѣлъ на ладони, подулъ, покачалъ головой.

— Нѣтъ, — говоритъ, — этого дѣла я доспѣть не могу, ступайте, сватайте мнѣ эту дѣвицу.

Знай царь, что въ царствѣ у него мастера самоварные — мастера и блоху подковать, не быть бы дѣвицѣ женою царя, досталъ бы царь самоварныхъ мастеровъ, перенялъ бы ихъ хитрости, изъ ничего сдѣлалъ бы шпульку и бѣрдо,—такой ужъ былъ царь, изъ царей царь первый.

А на нѣтъ и суда нѣтъ, пошли министры къ дѣвицѣ сватами. Пріѣхалъ и самъ царь, да въ Божью церковь. Скоро сыграли свадьбу, весело отпировали пиръ. И сталъ царь жить-поживать съ молодою царицей.

2.

Живетъ царь, поживаетъ съ молодою царицей. Не пожалуется царь на царицу—и хитра и мудра, одно горе: напередъ царя забѣгаетъ, нечего и думать царю

своимъ умомъ что сдѣлать, жена все сама dospѣетъ. А развѣ такъ царю можно? И задумалъ царь извести царицу, такую задачу задать ей, чтобы впредь не хотѣла быть хитрѣе царя.

Созвалъ царь своихъ министровъ, призвалъ царицу.

— Хочу,—говорить,—на три года въ иностранныя земли удалиться, всѣ ихъ хитрости заморскія произойти. Я возьму съ собой жеребца-иноходца, а у царицы оставлю въ домѣ кобылу,—можетъ ли царица такъ сдѣлать, чтобы кобыла родила жеребца, какъ подо мною? И еще оставлю я царицѣ порожній чемоданъ подъ двѣнадцатью замками, ключи съ собой беру,—можетъ ли царица накласть золота-серебра, и чтобы ни одинъ замокъ не повредить? И третье послѣднее дѣло: вотъ царица остается не беременна,—можетъ ли она родить такого сына, каковъ я есть, царь?

Молчать министры, не знаютъ, какой отвѣтъ дать царю, молчить и царица.

— Даю сроку три года, не исполнить царица, смертью казню!—сказалъ царь, сѣлъ на корабль и уѣхалъ въ иностранныя земли.

Засѣли министры во дворцѣ царскомъ, судятъ-рядятъ безъ царя царство.

Осталась царица одна, да долго не думая, соорудила корабль себѣ, взяла съ собою кобылу царскую, порожній чемоданъ, мѣшки съ серебромъ и золотомъ, сѣла на корабль и отплыла вслѣдъ за царемъ въ иностранныя земли. И тамъ, въ землѣ иностранной пристала она къ тому самому городу, гдѣ царь

остановился перенимать хитрости иностранныя. А чтобы непримѣтно было, подстригла она себѣ по-мужски волосы, обрядилась въ мужское платье, назвалась принцемъ и пошла по городу, у всѣхъ выспрашиваетъ:

— Гдѣ заѣзжій царь на квартирѣ стоитъ?

— Да вотъ супротивъ принцева дворца, — говорятъ прохожіе.

А царицѣ только того и надо: теперь она свое дѣло сдѣлаетъ, исполнить задачу царскую, — и сейчасъ же къ принцу иностранному, проситъ принца пустить ее на постой къ себѣ во дворецъ. Уважилъ принцъ ея просьбу, отвелъ ей комнату у себя во дворцѣ, — живи, сколько хочешь. Перевезла царица съ корабля порожній чемоданъ, мѣшки съ серебромъ и золотомъ, и кобылу. Кобылу поставила въ принцеву конюшню, чемоданъ и мѣшки подъ кровать спрятала и стала за царемъ слѣдить: куда царь, туда и она.

А у царя и въ мысляхъ нѣтъ, чтобы такое дѣлалось, да и узнать ему царицу невозможно: въ мужскомъ платьѣ принцемъ царица ходитъ. Да и некогда царю ни о чемъ такомъ думать: день деньской за работой, какъ простой человѣкъ, и самую черную работу исполняетъ, все узнать хочетъ, до всего дойти хочетъ и выучиться, — такой ужъ былъ царь, изъ царей царь первый.

Послѣ трудовъ дневныхъ пошелъ царь въ трактиръ посидѣть, и царица за нимъ. Въ трактирѣ въ карты играли. Выпилъ царь, закусилъ, смотритъ за игроками и захотѣлось ему самому поиграть: больно ужъ карты хороши.

А царица тутъ-какъ-тутъ, подсѣла къ царю.

— Что, — говоритъ, — даромъ карты мять, давай въ дураки.

— Давай.

— А напередъ залогъ надо положить, — говоритъ царица, — если я проиграюсь, съ меня сто рублей за дурака, ты проиграешь, съ тебя двѣнадцать твоихъ ключей за дурака, дашь мнѣ ключи на одну ночь.

— Ладно, — согласился царь, и началась игра.

И проигрался царь — остался въ дуракахъ. Дѣлать нечего: подавай ключи! Сбѣгалъ царь къ себѣ на квартиру, принесъ ключи, отдалъ царицѣ. Ну, посидѣли еще, чаю попили, распростились и по домамъ.

Царь завалился спать: чуть свѣтъ ему на работу — тамъ, въ иностранныхъ земляхъ, лынды лындать не полагается, живо по шапкѣ и разговаривать не станутъ. А царица скорѣе комнату свою на ключъ да къ чемодану, разомкнула порожній чемоданъ, опростала мѣшки съ серебромъ и золотомъ, и до полна наполненный чемоданъ опять заперла на всѣ ключи. И утромъ, какъ итти царю корабли строить, несетъ ему ключи назадъ.

— Ночь прошла, — говоритъ царица, — твои ключи.

Ходитъ царь по городу, а царица принцемъ не упускаетъ его изъ глазъ: куда царь, туда и она.

И опять вечеромъ зашелъ царь въ трактиръ посидѣть, и царица въ трактиръ. Въ трактирѣ шла игра. Захотѣлось и царю поиграть: больно ужъ карты хороши.

А царица тутъ-какъ-тутъ, подсѣла къ царю.

— Что, — говорить, — даромъ карты мять, давай въ дураки.

— Давай.

— А напередъ залогъ поставимъ, — говорить царица, — я проиграюсь, съ меня двѣсти рублей за дурака, ты проиграешь, съ тебя конь за дурака, дашь мнѣ своего жеребца-иноходца на одну ночь.

— Ладно, — согласился царь, и началась игра.

И опять проигрался царь — остался въ дуракахъ.

Пошелъ царь на свою квартиру, привелъ жеребца-иноходца, передалъ коня царицѣ, распростились и по домамъ.

Вернулась царица въ свой принцевъ дворецъ и сейчасъ же велѣла пустить царскаго жеребца въ конюшню къ своей кобылѣ. И до утра не выпускала жеребца изъ конюшни, а чуть свѣтъ отвели обратно къ царю.

— Ночь прошла, — сказала царица, — твой конь.

Чемоданъ и не отпертый, а туго набить 'золотомъ, кобыла и безъ жеребца, а ходить не проста. Два дѣла сдѣланы, двѣ царскія задачи исполнены, остается третье дѣло, послѣднее. Ну, да съ этимъ сладить проще всего.

Караулила царица царя. Принцемъ ходитъ царица за царемъ, шагу ему не ступить, все она видитъ.

И опять зашелъ царь въ трактиръ посидѣть, и царица въ трактиръ. Въ трактирѣ играли въ карты. Засмотрѣлся царь на игроковъ и самому захотѣлось поиграть: больно ужъ карты хороши.

А царица тутъ-какъ-тутъ, такъ и вертится.

— Что, — говоритъ, — даромъ карты мять, давай въ дураки.

— Давай.

— А напередъ положимъ залогъ, — говоритъ царица, — если ты проиграешься, съ тебя триста рублей, а я проиграюсь, съ меня ночь, всю ночь буду тебя угощать.

— Ладно, — согласился царь, и стали играть.

И проигралась царица — осталась въ дуракахъ.

— Ну, твое счастье, — сказала царица, — приходи ко мнѣ въ полночь, будетъ тебѣ угощенье.

Посидѣли пріятели въ трактирѣ, попили чаю, послушали машину и по домамъ.

Дома царица скорѣе сняла съ себя мужское платье, нарядилась въ женское, прихорошилась, убрала столъ винами, сластями всякими, пряниками, поджидаетъ гостя.

Полночь пробила, стучится царь. Отперла царица, впустила царя. Смотритъ царь, диву дается.

— А гдѣ же принцъ?

— А сейчасъ, — говоритъ царица, — за виномъ въ трактиръ побѣжалъ, — а сама ну угощать гостя: и виномъ его поить, и водочки подливаетъ.

А принца все нѣтъ и нѣтъ. И забылъ царь о принцѣ: крѣпко вино, сладка водочка, слаще всего хозяйка принцева.

Чуть свѣтъ разбудила царица царя: ужъ народъ на работу идетъ и ему время.

— Ночь прошла, — говоритъ царица, — твоя ночь.

Простился царь и ушелъ. А царица собралась

да на свой корабль, и съ чемоданомъ, и съ кобылою поплыла на корабльъ домой въ свою землю.

3.

Три года прошло. Обѣздитъ царь всѣ иностранныя земли, всего насмотрѣлся, всякому ремеслу выучился, всѣ хитрости заморскія произошелъ: будетъ ему съ чѣмъ показаться въ своей землѣ, есть чему своихъ научить. Обтѣшетъ онъ своихъ мужиковъ, повыбьетъ лѣнь изъ сенаторовъ, дурь да лѣнь за горы угонить, заведетъ порядки, и будетъ его земля не хуже иностранныхъ земель. Самъ не пожалѣетъ онъ силъ своихъ, самъ первый, какъ простой человѣкъ, за топоръ возьмется, только было-бъ землѣ хорошо, — такой ужъ былъ царь, изъ царей царь первый.

Снарядилъ царь корабль и въ путь въ свою землю. На корабельной пристани встрѣтили царя министры. Поздоровался царь съ министрами, да скорѣе къ себѣ во дворецъ, да прямо въ свою комнату.

Схватилъ царь чемоданъ, разомкнулъ, а въ чемоданѣ до полна золота-серебра наложено, и замки всѣ цѣлы. Взглянулъ царь въ окно, а тамъ, въ саду царская кобыла, подъ кобылою жеребенокъ, ну такой самый, какъ его царскій жеребецъ-иноходецъ.

Тутъ вошла къ царю царица и не одна, съ сыномъ на рукахъ. Взялъ царь къ себѣ на руки сына да къ зеркалу. А сынъ, какъ двѣ капли воды, весь въ царя.

— Какъ же это ты могла такъ сдѣлать? — говорить царь и кличетъ министровъ, чтобы всѣ знали: — хочу ее за это казнить!

А министры говорятъ:

— Нельзя безвинно человѣка казнить.

— Да какъ же такъ? Всѣхъ велю казнить! — стучить царь.

И заговорила царица:

— Ваше царское величество, ты въ иностранной землѣ въ трактиры ходилъ?

— Ходилъ.

— Игралъ съ принцемъ въ карты?

— Игралъ.

— Проигралъ двѣнадцать ключей въ одну ночь?

— Проигралъ.

— Ты мнѣ ключи проигралъ, ты мнѣ и коня проигралъ. А игралъ ты въ третій разъ?

— Игралъ.

— Выигралъ у принца ночь?

— Выигралъ.

— Ты, вѣдь, съ меня выигралъ ту ночь.

— Ну, царствуй со мной, — сказалъ царь, — съ тобой весь міръ покоришь.

И задалъ царь пиръ на весь честной міръ.

1911 г.

ВОРЫ.

ВОРЫ.

1.

Жиль-быль богатый мужикъ. У мужика былъ работникъ. Сысоемъ звали работника. Разъ караулилъ Сысой коней и видитъ, огонекъ въ полѣ. Замкнулъ Сысой коней въ цѣпи, пошелъ на огонекъ. Пришелъ къ огоньку, а тамъ сидятъ воры, пьютъ, гуляютъ.

Схватили Сысою воры, при себѣ оставили. А какъ прикончили все, всѣ запасы, потушили воры огонь да на деревню. И Сысою тоже велѣли.

Вотъ приходятъ они къ амбару Сысоева хозяина, отвалили отъ фундамента камень, посылаютъ Сысою:

— Полѣзай, — говорятъ, — ты, Сысой, принеси намъ, что есть тамъ.

Послушалъ Сысой, полѣзъ, вынесъ добро и хотѣлъ ужъ вылѣзть, а они говорятъ:

— Захвати, — говорятъ, — ты и на свой карманъ что.

Опять полѣзъ Сысой, а воры тѣмъ временемъ камень подвалили и ушли себѣ, — поминай какъ звали!

Что подѣлаешь? Взялъ Сысой корзину муки, да съ мукой и сталъ у двери.

По утру рано закладалъ хозяинъ лошадей и говоритъ женѣ:

— Сходи,—говорить,—жена, въ амбаръ за свиной, да поджарь.

Взяла баба ключи, пошла къ амбару. Отперла амбаръ, а Сысой тутъ-какъ-тутъ: хватъ муки ей въ глаза, а самъ бѣжать.

2.

Просидѣлъ Сысой день въ лѣсу, а какъ стемнѣло, вышелъ, и видитъ, огонекъ въ полѣ. Сысой на огонекъ. Пришелъ къ огоньку, а тамъ опять сидятъ воры, пьютъ, гуляютъ.

Схватили воры Сысою, при себѣ оставили. А какъ прикончили все, всѣ запасы, потушили огонь, да на деревню. И Сысою тоже велѣли.

Вотъ приходятъ они къ амбару сосѣда Сысоева хозяина, отвалили отъ фундамента камень, посылаютъ Сысою:

— Полѣзай,—говорятъ,—ты, Сысой, принеси намъ, что есть тамъ.

Послушалъ Сысой, полѣзъ. А въ амбарѣ-то покойникъ и много всего для похоронъ приготовлено. Все вынесъ Сысой и хотѣлъ ужъ вылѣзть, а они говорятъ:

— Захвати, — говорятъ, — ты и на свой карманъ что.

И не успѣлъ Сысой обернуться, подвалили воры

камень, и остался Сысой въ амбарѣ одинъ съ покойникомъ. Думалъ, думалъ, какъ быть, и надумалъ: взялъ Сысой покойника, обхватилъ его и сталъ съ нимъ въ дверяхъ.

На утро, чуть свѣтъ, идетъ хозяйка, да молитву читаетъ:

— Господи Іисусе...

А Сысой тутъ-какъ-тутъ: какъ на бабу покойника кинетъ.

— Впередъ не суйся!—да дралà въ лѣсъ.

Тутъ баба съ перепугу такъ подъ покойникомъ замертво и пала.

3.

Просидѣлъ Сысой день въ лѣсу, а какъ стемнѣло, вышелъ и видитъ, огонекъ въ полѣ. Сысой на огонекъ. Пришелъ къ огоньку, а тамъ сидятъ воры, пьютъ, гуляютъ.

А одинъ воръ былъ ушедши за дровами, кричитъ:

— Эй, ребята, вонъ тотъ самый нашъ!

Схватили воры Сысою, при себѣ оставили. Пьютъ-гуляютъ. А была у нихъ пустая бочка. Взяли они Сысою и забили въ эту самую бочку, а сами, какъ прикончили все, всѣ запасы, потушили огонь и ушли себѣ по добру, по здорову.

Ну и натерпѣлся Сысой страховъ, въ бочкѣ-то сидючи, — ни живъ, ни мертвъ, и голова отъ виннаго духа, что вареная картошка, того и гляди, рассыпется.

И приходитъ волкъ къ бочкѣ глодать кости, а

Сысой — со смёткой, давай ковырять въ бочкѣ дырку. Проковырялъ Сысой дырку—цапъ за хвостъ волка.

Волкъ съ перепугу къ березѣ. Трахъ бочку о березу—и разлетѣлась бочка на мелкіе куски.

Тутъ Сысой лежать и остался, да такъ до сей поры и лежитъ—не почешешься!

1908 г.

РАЗБОЙНИКИ.

1.

Жиль-быль человѣкъ тихій и работащій. Изба его стояла на пустомъ мѣстѣ, и кругомъ на много верстъ жилья никакого. У Никиты было два сына,— въ зыбкѣ и годовой, да дочь трехъ лѣтъ дѣвченка.

Какъ-то Никита, поужинавъ, какъ спать ложиться, говоритъ хозяйкѣ:

— Я завтра, Аграфена, помру, положи меня подъ образа и трое сутокъ кади.

Ночь проспалъ Никита хорошо, ни на что не жаловался, а къ утру, смотрятъ, чуть теплый — померъ.

Аграфена сейчасъ его подъ образа на лавку и кадить принялась. Двое сутокъ кадила, а на третью запомнела: и то сдѣлай, и другое,—съ ребятами и не то забудешь, да и подумать надо, нынче и птица думаетъ.

Ходитъ дѣвченка по избѣ, говоритъ матери:

— Маменька, отецъ-то ожилъ, сѣлъ.

— Что ты, глупая, сълъ! Померъ, вѣдь.

А сама въ горницу — тамъ сидитъ Никита на лавкѣ, зубы брусомъ точитъ. Схватила Аграфена дѣвченку, да скорѣе на печку, окрестилась.

Сидятъ на печкѣ, не пикнуть.

Наточилъ Никита зубы, всталъ съ лавки и прямо къ зыбкѣ. Ухватилъ ребенка, — съѣлъ. Поймалъ другого, — по полу ползалъ, — и того съѣлъ. Схватилъ изъ зыбки пеленки, — и пеленки съѣлъ. Сталъ печь грызть.

— Господи! — замолилась Аграфена угодникамъ: — принеси какого крещеннаго, спаси насъ!

И отворились тутъ двери, входитъ святой Егорій. Поднялъ святой Егорій копье, ударилъ копьемъ по головѣ мертвеца.

— Провались ты сквозь полъ, сквозь землю въ предвѣчную муку, окаянный!

Мертвецъ присѣлъ, — только зубомъ скрипнулъ — и провалился. А святой пастырь пошелъ изъ избы.

Аграфена-то думала, простой человѣкъ, и ну кликать. Не откликается. И напалъ на нее страхъ, думаетъ: придетъ Никита, съѣстъ!

Слѣзла Аграфена съ печки да съ дѣвченкой бѣжать. До розстаней добѣжала, передохнула. Пошли лѣсомъ.

2.

Долго шли они лѣсомъ и видятъ: идутъ навстрѣчу старичокъ и старушка, кланяются низко.

— Заходите, — говорятъ, — къ намъ пообѣдать.

Аграфена сначала на попятный: чего-то все страхъ беретъ. А потомъ согласилась,—голодь-то не тетка, согласишься, — да и старичокъ и старушка очень ужъ ласковые.

Привели ихъ старички въ домъ. Домъ на столбахъ стоитъ, высокій, преогромный. Посадили ихъ за столъ, щей налили, бѣлаго хлѣба принесли, говядину.

Смотрить Аграфена: человѣчьи руки и ноги вареныя въ мискѣ,—и не стала ѣсть. Думаетъ себѣ: попали къ разбойникамъ! Дѣвченка ѣсть, — очень проголодалась.

— Отдыхайте, — говорятъ, — съ дороги, съ пути, тутъ вамъ будетъ тепленько!—да горницу и заперли.

Уложила Аграфена дѣвченку, сама спать не можетъ, все слушаетъ. Разметалась дѣвченка, спитъ сладко.

Вотъ вечеръ сталъ. И понаѣхало народу—шумъ, громъ, хлопотня, говоръ, — сорокъ воровъ, сорокъ разбойниковъ, сорокъ подорожниковъ. Одинъ хвастаетъ, что убилъ столькохъ-то, другой хвастаетъ, что ограбилъ столькохъ-то,—всѣ хвастаютъ, всѣ дѣловъ надѣлали.

— Мы и никуда не ходили, не ѣздили, а двѣ тетерки къ намъ сами прилетѣли!—говорятъ старичокъ да старушка, смѣются, старые, хихикаютъ.

Тутъ разбойники повскакали: всѣмъ охота тетерокъ посмотреть.

А старичокъ со старушкой шастъ въ горницу. Нащупали дѣвченку, схватили и потащили дѣвченку въ кухню, люлюкаютъ, старые.

Топится въ кухнѣ печка и чугуны кипить. Въ чугуны и пихнули дѣвченку. Закричала дѣвченка по худому и недолго кричала, умертвилась. Вынесли ее старики на тарелкѣ,—сѣли ужинать. Пили, ѣли, похваливали. Наѣлись до сыта и спать улеглись.

Вотъ какъ спать улеглись, да захрапѣлъ весь домъ, поднялась Аграфена, схватилась за желѣзныя рамы, выломала рамы, спустилась на землю, и ужъ не помнить, какъ шла.

3.

На утро пришла Аграфена въ городъ, заявила будочнику. Будочникъ Аграфену на извозчика и въ самую главную часть, и тамъ сдалъ ее самому ихъ главному будочнику. Аграфена и этому все рассказала.

— Не врешь ли?—усумнился главный:—нынче велѣно строго: прямо безъ всякихъ разговоровъ подкатимъ бочку пороха подъ разбойный домъ, зажжемъ порохъ и разлетится домъ на пять частей огнемъ и пылью, и пеплу не останется.

Отпустилъ главный будочникъ Аграфену на всѣ четыре стороны съ миромъ. Снарядились будочники всѣ, сколько было изъ всѣхъ пяти частей, и поскакали по горячему слѣду на то мѣсто, гдѣ жили старичокъ со старухой.

Подступили они къ разбойному дому. Выкатили бочку. И ужъ спичку чиркнули, чтобы порохъ зажечь, да разбойники какъ посыпятъ изъ оконъ

золото. Да такъ дождемъ все кругомъ и засыпали.

И вернулись будочники къ себѣ въ городъ во всѣ свои пять частей, безъ разбойниковъ. И слѣдовъ разбойничьихъ никакихъ не осталось, да и гдѣ ихъ отыщешь подъ золотомъ!—чисто.

1909 г.

ЖУЛИКИ.

1.

Ходилъ воръ Васька по Петербургу. Было ему на роду написано и Богомъ указано воровать. Началь Васька сызмала и хорошо ему воровство далось, развернулся и пошелъ во всю: гдѣ лавку пошарить, гдѣ магазинъ почистить, и капиталами не брезговаль.

Ваську Немѣняева всѣ сыщики уважали.

Идетъ Васька по Миліонной, несутъ покойника, а за гробомъ человѣкъ десять молодцовъ, съ дубинами, бьютъ въ гробу покойника.

— Чтò такое, за чтò бьете?—остановилъ Васька.

— Долженъ много, за то его такъ и провожаютъ,—отвѣтили вору.

— Оставьте,—сказаль Васька,—не троньте покойника, я за все заплачу.

Обратилъ народъ вниманіе, бросили дубинки, пошли за Васькой.

И всѣхъ до одного расчиталь Васька, какъ слѣдуетъ,—вся публика осталась довольна.

Сидить Васька у себя на Фонтанкѣ, пьетъ вино бокаль за бокаломъ. Пьетъ Васька, попиваетъ и не замѣтилъ, какъ усидѣлъ четверть, — и хоть бы что, ни въ одномъ глазѣ: крѣпкій. Хозяйка докладъ дѣлаетъ: человекъ какой-то спрашиваетъ, видѣтъ вора хочеть.

Велѣлъ Васька пустить гостя.

А тотъ, какъ сталъ на порогъ, такъ и стоитъ, зяблый, щербатый такой, въ драномъ сѣромъ каф-танишкѣ, не садится.

— Нельзя ли, — говоритъ, — мнѣ ночевать, ноч-легу нѣту.

— Чей и откуда?—спрашиваетъ Васька.

— Мы деревенскій воръ Ванька, воровать въ деревнѣ нечего, въ Петербургъ пришли, гдѣ денегъ больше.

— А мы городской воръ Васька Немѣняевъ.

Ну, воръ на вора не доказчикъ, признались, выпили и стали другъ съ другомъ тайный совѣтъ держать: куда воровать итти.

— А что тебѣ тутъ знакомо?—спросилъ дере-венскій воръ Ванька пріятеля Ваську.

Васька и давай ему рассказывать: у такого-то купца денегъ много, а у этакого еще болѣ, въ одномъ мѣстѣ еще больше, а въ этомъ и счетъ потеряешь, перебралъ купцовъ со всѣхъ улицъ, и съ Сѣнной и съ Гостиного, и апраксинскихъ и александровскихъ.

- Не годится купца обижать,—говорить Ванька,—а лучше вотъ что: пойдемъ-ка въ царскій банкъ, возьмемъ денегъ, сколько надо.

Ладно. Поднялись воры спозаранку, наняли чухонскую телѣгу и поѣхали, пока что, съ похмѣлья поразмяться. Ъхали почтовымъ трактомъ, выбирали, гдѣ пристать лучше. За Озерками выпрягли воры лошадь, сами сѣли подъ елку, развели огонекъ, закусили и сидятъ себѣ, о воровскомъ дѣлѣ разсуждаютъ. И вдругъ, какъ зарычить надъ ними съ елки птица—попугай-птица. Васька—за лукъ: натягиваетъ тугой лукъ, полагаетъ калену стрѣлу, пускаетъ въ птицу. Не упала птица съ елки, обронила желѣзные ключи.

— Ключи намъ и нужны,—подхватилъ ключи Ванька,—а ты намъ вовсе не нужна, лети, куда знаешь!

Вечеромъ вернулись воры съ находкой на Фонтанку, поужинали и—на работу.

3.

Въ полночь приходятъ воры къ царскому банку: у калитки крѣпкой караулъ дежурить.

— Нельзя ли отворить калитку!—подступилъ къ караулу Ванька.

А стражи человѣкъ двадцать и на всякаго по ста рублей просятъ. Выдалъ Ванька деньги. Отворили калитку, впустили воровъ во дворъ, калитку опять заперли.

Ладно. Обошли воры кругъ царскаго банка, кинули шаръ на крышу — расправилась изъ шара резиновая лѣстница. Поднялись они по лѣстницѣ, взялъ Ванька мѣлъ-камень, обкружилъ дыру на крышѣ — и открылся ходъ.

— Ты поддержи бичевку, а я спущусь, — сказалъ Ванька пріятелю и полѣзъ въ банкъ.

И въ банкѣ Ванька недолго копошился, отперъ попугайнымъ ключемъ шкафъ, забралъ денегъ, сколько влѣзло, и опять на крышу. Мѣлъ на крышѣ стеръ — срослась по старому крыша чисто. И стали спускаться.

Спустились воры на земь, свернули лѣстницу въ шаръ, да къ калиткѣ. Пропустила ихъ стража. И пошли они себѣ на Фонтанку, дѣлить деньги.

Васька и говоритъ:

— Въ Петербургѣ я воръ первый и всѣ сыщики меня уважаютъ, только до этакого дѣла я своимъ умомъ не дошелъ бы.

— Пойдемъ завтра, царь банкъ пополнить, — сказалъ Ванька.

И опять снарядились воры на работу. Опять въ полночь приходятъ они къ царскому банку. А стража уже другая, ту царь смѣнилъ, хитрая, не сдается.

— Безъ того, — говорятъ, — мы васъ не пустимъ, по двѣсти рублей надо.

Выдалъ Ванька деньги. Отворили калитку, впустили воровъ во дворъ, калитку опять заперли.

Ладно. Обошли воры кругъ царскаго банка, кинули шаръ на крышу — расправилась изъ шара резиновая лѣстница. Поднялись они по лѣстницѣ,

омѣлилъ Ванька кругъ на крышѣ — и открылся ходъ.

— Вчера я, сегодня ты иди, — сказалъ Ванька и сталъ спускать пріятеля на бичевкѣ въ банкъ.

А ужъ тамъ догадались и приготовленъ былъ чанъ съ варомъ.

Ванька бичевку ослабилъ, Васька туда и попалъ въ этотъ варъ. И сидитъ по плечи въ вару, никакъ высвободиться не можетъ.

Видитъ Ванька, дѣло плохо, прикрѣпилъ бичевку, полѣзъ за Васькой. И такъ, и сякъ, и туда повернетъ, и сюда повернетъ, вертѣлъ, вертѣлъ, — не можетъ снять пріятеля. Взялъ да и снесъ ему голову. Да съ головою на крышу, мѣлъ стеръ, бросилъ лѣстницу на земь, спустился.

Отворила стража калитку, вышелъ Ванька на улицу и прямо на Фонтанку къ Васькиной хозяйкѣ.

Схихонулась Маруха:

— Гдѣ, — говоритъ, — мой воръ, Васька Немѣняевъ?

— Голова его тутъ, а его самого нѣту, поминай какъ звали! — отвѣтилъ Ванька.

Досталъ у Марухи Ванька банку съ вареньемъ, умялъ варенье, Васькину голову въ середку всунулъ, завязалъ банку, поставилъ банку въ уголокъ подъ образа для сохранности и сталъ ждать, что́ будетъ.

А въ царскомъ банкѣ о ту пору поднялась тревога: пошелъ царь банкъ провѣрять и видитъ, въ чану съ варомъ, около шкапа, тулово торчитъ при часахъ и цѣпочкѣ. Взяло царя раздумье:

„Что это за воръ — одно тулово при часахъ и цѣпочкѣ?“

И велить царь привести къ себѣ стараго вора — сидѣль въ петербургской темницѣ старый воръ Самоваровъ.

Привели Самоварова къ царю изъ темницы. Царь говоритъ Самоварову:

— Что, старый воръ, старинный, можешь ты знать, кто ограбилъ банкъ?

— Былъ воръ не простой, — отвѣтилъ старикъ, — былъ воръ деревенскій. Городской воръ глупый, онъ и въ варъ попалъ, — его тулово.

— А какъ бы деревенскаго вора найти? — спрашиваетъ царь.

— Деревенскій воръ въ Петербургѣ, — учитъ старый воръ Самоваровъ, — если онъ укралъ деньги, унесъ онъ и голову, унесъ голову, унесетъ и тулово, Вези ты чанъ на площадь, прикажи двѣнадцати генераламъ караулить тулово, ловить деревенскаго вора.

4.

Какъ сказалъ старый воръ, такъ царь и сдѣлалъ.

Повезли тулово на площадь, погнали двѣнадцать генераловъ караулъ держать, ловить деревенскаго вора.

Три дня стоитъ чанъ на Суворовской площади, — въ чану тулово при часахъ и цѣпочкѣ, кругъ чана генералы ходятъ, караулятъ тулово.

Три дня Ванька околачивается на Суворовской—подступиться нѣтъ возможности.

На четвертый день догадался Ванька: покупаетъ Ванька бочку вина и прямикомъ на площадь. Подѣхалъ онъ къ тулову да и сковырни бочку на землю, будто нечаянно.

Потекло вино, оретъ Ванька:

— Пособите, товарищи, поднять, добро пропадетъ!

Жаль добра,—генералы и давай подымать бочку, всѣмъ міромъ понадѣли, да съ Божьей помощью и взвалили ее на телѣгу. Крѣпко утомились.

Ванька отблагодарить хочетъ, цѣдитъ вина, потчуетъ генераловъ.

Сначала-то генералы отпирались, ну, а потомъ согласились, чтобы только подкрѣпиться и мужика не обидѣть. Выпили они по одной — зашумѣло въ головѣ, просятъ по другой. Ванька поднесъ по другой—загудѣло у нихъ въ головѣ, просятъ по третьей. А ужъ послѣ третьей на разные голоса запѣли, вотъ какъ!

Ванька сейчасъ бочку на землю, чанъ съ туловомъ на телѣгу, да и былъ таковъ.

А пріятель-то Васька сильно облипъ весь, въ вару-то стоя, обмочаилось его тулово, на чемъ только часы и цѣпочка держатся, и узнать нельзя,—одна труха.

Пріѣхалъ Ванька на Фонтанку, вытащилъ тулово, будто тушу, омѣлилъ у тулова шею, вынулъ изъ банки голову, приставилъ голову къ тулову.

И срослась голова по-старому.

Взялся Ванька за попугайные ключи, поднесъ къ Васькинымъ губамъ.

И ощерился Васька.

— Ну,—говорить,—чуть не захлебнулся, больно сладко.

Тутъ на радостяхъ Ванька пустился то да сё, и какъ Васька въ вару завязъ, и какъ на Суворовской площади три дня безъ головы своимъ туловомъ народъ пугалъ и какъ потомъ все срослось по-старому. За разговоромъ, за бесѣдою выпили.

Васька, знай, все облизывался.

За выпивкой задремали. И пошелъ храпъ на всю Фонтанку улицу.

А на площади, тѣмъ временемъ, поднялась тревога: поѣхалъ царь провѣрять караулы, смотреть, на площади лежатъ генералы влѣжку кругъ бочки, мертвецки пьяны,—нѣтъ ни чана, ни тулова.

Царь изъ себя вышелъ:

— Куда,—говорить,—дѣвалось тулово? На что,—говорить,—вы поставлены: бочку съ виномъ стеречь? Гдѣ тулово? Подать сюда тулово!

Повскакали генералы. А ноги-то ужъ не держать. Упали генералы царю въ ноги.

— Не вино насъ винить, винить насъ пьянство. Куда хочешь клади насъ, а тулово съ варомъ потеряно, увезено съ площади, неизвѣстно кѣмъ!

Велѣлъ царь казнить генераловъ строго. И опять потребовалъ къ себѣ изъ темницы стараго вора Самоварова.

Привели Самоварова изъ темницы къ царю, поставили передъ царемъ.

— Ну, старый,—спрашиваетъ царь,—разсуди наше дѣло, какъ словить вора: пріѣзжалъ воръ на площадь, увезъ чанъ съ туловомъ.

— А вотъ какъ,—учить старый воръ Самоваровъ,—обряди ты своего именного козла въ парчевую одежду, да пошли за караулъ твоихъ самыхъ вѣрныхъ тѣлохранителей и пускай они ведутъ козла на серебряной цѣпочкѣ по Петербургу: если воръ въ городѣ, обдеретъ онъ козла, какъ пить дать.

5.

Какъ сказалъ старый воръ, такъ царь и сдѣлалъ.

Обрядили въ парчу именного козла, повели козла царскіе тѣлохранители на серебряной цѣпочкѣ по Петербургу.

Ладно. Ведутъ козла по Невскому, а воръ Ванька навстрѣчу, кланяется:

— Пожалуйте,—говорить,—ко мнѣ на Фонтанку, жена у меня Маруха именинница, охота ей именного козла посмотрѣть въ день ангела, глупая баба, осчастливьте, сдѣлайте милость!

„Ужъ не это ли самъ воръ деревенскій?“—думаютъ себѣ тѣлохранители и повернули козла на Фонтанку, да съ козломъ къ Ванькѣ, будто въ гости.

А Ванька и говоритъ:

— Что это вы скотину-то понапрасну мучаете; поставьте-ка козла въ сарай, у насъ во дворѣ сарай теплый.

Упираются тѣлохранители: боятся козла изъ рукъ выпустить. Да раздумались:

„Что, въ самомъ дѣлѣ, скотину понапрасну мучить, козла не убудеть, а воръ отъ насъ не уйдетъ, скотъ надо миловать!“

И поставили тѣлохранители козла въ сарай, сарай на замокъ замкнули, ключъ главному на эполету повѣсили.

Тутъ давай Ванька угощать гостей: и подарки-то имъ подносить и виномъ-то ихъ поить и словами улещаетъ. А какъ размякли гости, оставилъ ихъ Ванька на Ваську — пускай зубоскалятъ, — а самъ будто въ квасную за папиросами.

И пока зубоскалилъ пріятель съ тѣлохранителями, прибѣжалъ Ванька къ сараю, отперъ попугайнымъ ключемъ теплый сарай, ободралъ козла до гола, придушилъ козла да на кухню. И подносить гостямъ на блюдѣ именную козлятину, вареньемъ обложена:

— Покушайте, любезные гости, козлятины, самая свѣжая!

Ѣдятъ гости именную козлятину, вареньемъ закусываютъ, похваляютъ, а сами себѣ думаютъ:

„Ну, ужъ теперь вору не уйти отъ насъ, онъ самый и есть воръ деревенскій, попался голубчикъ!“

Да на радостяхъ и приналегли на козлятину, да на радостяхъ и расхвастались: кто что, да кто какъ, и о всякихъ знакахъ отличія.

Ладно. Пришло время прощаться, расходиться пора, о козлѣ они и не спрашиваютъ, вышли вонъ

на улицу, да на Ванькиныхъ воротахъ мѣломъ и написали:

Мы тутъ были, козлятину ѣли.

А Ванька выждалъ немного, да за ними по ихъ слѣду, письмо ихъ стеръ на воротахъ, да гдѣ попало, въ мѣстахъ десяти ту же надпись и написалъ:

Мы тутъ были, козлятину ѣли.

А во дворцѣ, тѣмъ временемъ, поднялась тревога: явились къ царю тѣлохранители—козла нѣтъ.

Говорятъ тѣлохранители:

— Мы вора поймали!—и ну хвастать.

Царь сейчасъ въ коляску. Выѣхалъ царь на Фонтанку. Ѣдетъ царь по Фонтанкѣ, туда посмотреть, сюда посмотреть,—на одномъ домѣ надпись и на другомъ надпись и на третьемъ и на десятомъ и все одно и то же мѣломъ написано:

Мы тутъ были, козлятину ѣли.

Повернулъ царь коляску, махнулъ рукою:

— Козлятина,—говорить,—козлятина одна!

И пока тамъ новый караулъ снаряжали ловить деревенскаго вора, Ванька съ Васькой зря на Фонтанкѣ не торчали, глазъ не мозолили, а взяли чухонскую телѣгу, забрали золото, серебро и распростились съ Петербургомъ.

6.

Сталъ бѣлый, свѣтлый день, какъ пріѣхали воры къ морю. Лошадь и телѣгу воры продали, купили пароходъ, сѣли на пароходъ и поплыли тихо и смирно въ иностранныя земли.

Пріѣзжаютъ воры къ иностранному королю Молокиту. А у того иностраннаго короля Молокиты была дочь царевна Чайна-прекрасная. И влюбился Васька въ Чайну царевну. Посылаетъ Васька сватовъ къ королю.

Чайнѣ-прекрасной любѣ Васька, а иностранный король Молокита не хочетъ:

— Выстрой, — говоритъ, — русскую церковь въ трое сутокъ, тогда и бери Чайну, а не то голову долой.

А Васькѣ что: ему Ванька поможетъ, Ванька къ этому дѣлу привыченъ, Ванька—деревенскій.

И взялся Васька въ трое сутокъ русскую церковь строить. День Ванька строить—выше оконъ, другой строить — вывелъ къ потолку, на третьи сутки накрыли всю крышу.

— Принимайте, соборъ готовъ,—говоритъ Васька иностранному королю Молокиту.

И точно,—видитъ король, соборъ построень, отъ слова не отпирается, благословилъ Чайну-прекрасную.

И при освященіи собора Ваську съ царевной и повѣнчали.

Велѣлъ король Молокита нагрузить имъ двѣнадцать кораблей, и съ дарами отправилъ ихъ въ море.

И пали имъ попутные вѣтры — пріятная погода. Цѣлы и невредимы вернулись они въ Петербургъ. Цѣлую недѣлю выгружали корабли, да недѣлю пиръ пировали.

Послѣ пира сталъ воръ Ванька прощаться съ пріятелемъ, а прощаясь, раскрылъ ему свою тайность: онъ и есть тотъ самый покойникъ, котораго на Миліонной въ гробу дубинками били — воръ Ванька.

— Пожалѣлъ ты меня, Васька, выкупилъ, послужилъ и я тебѣ вѣрою, правдою и неизмѣною!— сказалъ воръ Ванька и пошелъ себѣ, ничего не взялъ, только попугайные ключи да мѣлъ камень, все оставилъ пріятелю.

И остался Васька Немѣняевъ съ своей молодой женой вдвоемъ безъ пріятеля, и стали жить по-хорошему при всей обличности и удовольствіи.

1909 г.

СОБАЧІЙ ХВОСТЪ.

1.

Была такая деревня не мала, не велика—четыре двора. Въ трехъ дворахъ жили мужики семейные съ женами да со скотомъ, а въ четвертомъ мужикъ одинъ—бобыль Зоть.

Была у бобыля Зота лошадь, корова и собака. И такъ себѣ бобыль—мужиченка ледащій, вида никакого, а чѣмъ-то вышелъ такимъ: уйдутъ семейные куда, а онъ къ ихъ женамъ да такъ всѣмъ угождаетъ—изодрались изъ-за него бабы—кривыя ходять.

Примѣтили мужики, стали на бобыля дуться.

— И какъ это ты живешь, горемыка!.. мы себѣ промышляемъ-трудимся, а ты палець-о-палець не стукнешь, а все живешь?

— А вы что на меня глядите: я говорить умѣю!

И вправду, не обидѣлъ Богъ бобыля словомъ: такого говоруна въ Москвѣ не сыскать,—скоть неразумный уши развѣситъ, какъ пойдетъ, бывало, Зоть языкомъ чесать.

Стакнулись мужики, убили у Зота кобылу.

И не на чемъ ужъ Зоту дровъ привезти.

— Какъ это ты живешь, — говорятъ, — у тебя и лошади нѣтъ?

— А вы что на меня глядите: я говорить умѣю!

Утромъ выйдетъ Зотъ на крыльцо, будто провѣтриться, а бабы ужъ по охапкѣ дровъ ему тащутъ. Такъ и топить.

Стакнулись мужики, убили у Зота корову.

А Зоту что корова?—Зоту, что звѣрю, былъ бы хвостъ цѣль — молока да масла, всего отъ бабъ будетъ.

— Какъ это ты живешь, горемыка, ни кобылы, ни коровы нѣтъ?

— А вы что на меня глядите: я говорить умѣю!

Стакнулись мужики, убили у Зота собаку.

Натка, поговори теперь! Безъ собаки въ дому, что безъ замка дверь—ворамъ ходъ: пожалуйте!

А Зоту хоть бы что,—мудрёная голова,—принялся за кожи. Высушилъ, выдѣлалъ кожи и сшилъ себѣ балахонъ поверхъ шерстью: передъ коровій, задъ кобылій, а хвостъ собачій.

Обрядился Зотъ, присѣлъ на лавку, посидѣлъ-подумалъ, и пошелъ себѣ въ городъ просить милостыню.

2.

Собачій хвостъ!—пошла про Зота слава. Начали-то ребятишки, подхватили большіе — таковъ ужъ человѣкъ: гдѣ ему сдачи не дай, тамъ онъ языкъ покажетъ.

Зоть на Собачій хвостъ откликался: не драться же лѣзть, коли въ животѣ пусто, и не на такое еще откликнешься!

Вотъ зашелъ Зоть въ домъ къ одному купцу,— богатый былъ купецъ Генераловъ: сахаромъ торговалъ. Купца-то дома не оказалось,— за покупками отлучился. А была у купца жена и сидѣль у нея о ту пору другъ въ гостяхъ.

Собачьяго хвоста они не стѣсняются, а Собачій хвостъ и самъ бывалъ въ такомъ, видалъ виды, ему это дѣло извѣстно.

И надо же такому случиться, нагрянулъ хозяинъ домой. Другъ хозяйкинъ испугался, мечется, какъ шпареная крыса.

— А я-то теперь куда?—знай, лопочеть.

— А ты иди въ погребъ,— не потерялась хозяйка.

Ужъ не только въ погребъ, онъ и въ трубу полѣзъ бы—въ горшокъ полѣзешь!

А Собачій хвостъ слушалъ, слушалъ да и говорить:

— Когда его въ погребъ, такъ и я въ погребъ.

— Что ты,— поднялась было хозяйка,— съ ума спятилъ: ты-то зачѣмъ?

— Не то я хозяину скажу,— уперся Собачій хвостъ.

Не время было бобы разводить. И спустила хозяйка обоихъ въ погребъ.

А купецъ-то Генераловъ не одинъ нагрянулъ, а съ товарищами,— все купцы, все важные да богатые. Набралось полонъ домъ гостей, стали пировать.

Ну хозяйка тутъ и вина имъ и закусокъ. Пошла хозяйка въ погребъ за виномъ, собрала для гостей кулекъ, да и сунула пріятелю-то своему бутылку, которая получше.

А у пріятеля губа не дура, налилъ себѣ стаканчикъ да и выпилъ, налилъ другой и другой выпилъ.

Собачій хвостъ терпѣлъ, терпѣлъ, инда слюна потекла.

— Какъ такъ?—цапъ пріятеля за полу.

— Что такое?

— А у насъ не такъ.

— А какъ?—а самъ, знай себѣ, выпиваетъ.

— Одинъ стаканчикъ выпьютъ, другой товарищу подаютъ. Нѣтъ, такъ я выйду, да хозяину скажу.

Оробѣлъ пріятель. И сталъ все исполнять, что Собачій хвостъ хочетъ: одинъ стаканчикъ выпьетъ, другой товарищу подаетъ.

Допили одну бутылку, хозяйка другую сунула, не хуже той. Распиваютъ и другую бутылку.

А въ домѣ разгулялись гости, развезло, стали пѣсни пѣть.

Услыхалъ Собачій хвостъ и туда же,—затянулъ въ погребъ свою пѣсню.

— Что ты, глупый,—унимаетъ пріятель,—зачѣмъ поешь?

— А мы что здѣсь, не вино пьемъ, что ли? Тамъ поютъ, а намъ и не пѣть?

— Перестань, не пой!—проситъ пріятель.

— А давай платье на платье мѣнять, такъ и перестану.

Оробѣлъ пріятель, готовъ все исполнить.

Смѣнили они платье на платье. Сидятъ. Приходитъ опять хозяйка въ погребъ. Зотъ — къ хозяйкѣ:

— Нельзя ли, — говорить, — меня отсюда выпустить?

— Что же можно, народъ захмелѣлъ, пройдешь, не замѣтятъ.

Хозяйка и выпустила Зота.

Вышелъ Зотъ на улицу, походилъ, поразмялся, да опять въ домъ къ купцу.

Все, какъ водится, образамъ помолился, поздравиль съ пиромъ, съ бесѣдою.

— Хорошъ вашъ пиръ, хороша бесѣда, только въ домѣ есть несчастье.

— Что такое? — вскочилъ хозяинъ. Полѣзли и гости, ну спрашивать.

— А вотъ въ домѣ у васъ завелась въ родѣ чорта — нежить. Эту нежить, если бы выжить, такъ сразу надо выжить, а сразу не выживешь, то ее вѣки не выжить.

— А кто это можетъ?

— Я.

— А много-ль возьмешь?

— Съ хозяина сто рублей, съ гостей кто сколько. И такъ я эту нежить выживу, что всѣ вы увидите, какъ она изъ дому выйдетъ.

Согласился хозяинъ.

А гости говорятъ:

— Если мы всѣ увидимъ собственными глазами твою нежить, мы тебѣ по сотнѣ дадимъ.

— Теперь нужно нежити дорогу дать, — говорить

Зоть,—чтобы ни рукою, ни ногою не задѣтъ ее, не то во-вѣки изъ дому не выживешь.

И сталъ Зоть ходить по дому да искать чорта. Ищетъ въ одной кладовой, ищетъ въ другой и всѣ кладовыя обыскалъ, найти ничего не могъ.

— Ну, хозяинъ, нежити въ домѣ найти не могу! У тебя еще какія-нибудь кладовыя есть?

Подумалъ, подумалъ хозяинъ:

— Больше нѣтъ кладовыхъ, развѣ погребъ? Въ погребъ не искали!—говорить хозяинъ.

— Что же ты мнѣ сразу-то о погребъ не сказалъ? Эта нежить болѣ въ погребахъ и проживаетъ.

И пошелъ Зоть въ погребъ и говоритъ пріятелю:

— Ты, пріятель, бѣги прямо въ свой домъ, никуда не заворачивай да поминай Собачій хвостъ вовѣки!

А самъ взялъ помело да сзади съ помеломъ.

Ну, пріятель-то какъ выскочить въ зотовомъ балахонѣ—другой пьяный съ перепуга пошатнулся да и упалъ, а который и въ разсудкѣ былъ, послѣдняго лишился.

И гналъ Зоть пріятеля до самаго его дому. И когда ужъ всякій слѣдъ пропалъ, вернулся Зоть опять къ купцу.

Купецъ за угощеніе.

— Угощеніе-то никуда не уйдетъ, — говоритъ Зоть,—наперво надо расчитаться.

— Молодецъ!—благодарить хозяинъ,—сулилъ я тебѣ сто рублей, а когда ты этого чорта выгналъ, получай двѣсти.

Гости тоже, ей Богу, по двѣсти дали, — такъ и отсчитали рублями.

Сгребъ Зоть деньги, купилъ себѣ тройку, нанялъ кучера, распростился и покатилъ домой въ деревню.

3.

Пріѣзжаетъ Зоть домой въ деревню, услышали сосѣди, пришли смотрѣть Зота.

— Какъ это ты, горемыка, скоро богатство нажилъ?

— А вѣдь я вамъ сказывалъ, что говоритъ умѣю! Вотъ у меня было три кожи: одна кобылья, другая коровья, третья собачья. Эти кожи я обдѣлалъ, сшилъ балахонъ поверхъ шерстью: передъ коровій, задъ кобылій, хвостъ собачій,—и понесъ балахонъ въ городъ. А нынче такую моду взяли — все такіе балахоны носятъ. За него я кучу денегъ сгребъ.

Сосѣди на усъ намотали и стали убивать свой скоть да изготовлять изъ шкуръ балахоны. И только всего по одной коровѣ и по одной лошади оставили себѣ. Нашили балахоновъ много, повезли возы въ городъ.

Пріѣхали они въ городъ да прямо на толкунъ, развѣсили рядами, стали торговать.

А народъ ходитъ, зѣваетъ:

— Что это у васъ, крещеные?

— Ослѣпли, что ли,—говорятъ мужики въ одинъ голосъ,—не видите? Одежда!

— Да вы съ ума сошли, какой дуракъ чучелой-то рядится?!

Идетъ нарядъ городскихъ съ обходомъ.

— Это у васъ что?

— Одежда.

— Да вы что? Холеру, что ли, разводите? Забрать ихъ въ участки!

И забрали мужиковъ въ участокъ, а шкуры отобрали. Мужики и такъ и сякъ, едва откупились, и въ трактиръ не зашли, прямо домой въ деревню.

Вернулись мужики въ деревню, да всѣмъ міромъ на Зота.

— Обманулъ ты насъ, окаянный, насказалъ, будто такіе балахоны покупають... окаянный!

— А вѣдь я вамъ сказывалъ, что говоритъ умѣю! Я одинъ балахонъ продалъ, — мода такая была, и балахонъ купили, а вы сразу возами ихъ навезли, ну и не стали брать.

Мужики совсѣмъ разорились, ушли мужики на заработки—въ работу нанялись.

А Зоть въ деревнѣ остался, Зоть живетъ бобылемъ, таскается изъ дома въ домъ, всѣмъ угождаетъ, веселъ,—таковскій хвостъ собачій.

1909 г.

БАРМА.

Жиль-быль старикъ со старухой. Старикъ сапоги точаль, старуха бѣлье мыла. Жили они хорошо, въ душу, а дѣтей у нихъ не было.

Затужили старики—какъ быть?—помирать пора. Думали, думали, да и надумали.

Взяли старики къ себѣ въ домъ мальчишку-подкидыша.

Подросталь мальченка шустрый да проворный, хоть куда. Всему міру на диво. И затѣйникъ гораздый: рожицу скорчитъ, словцо скажетъ—съ хохоту животы надорвутъ.

Мальченку Бармой звали.

Одна бѣда—на руку не чистъ: изъ-подъ носа стянетъ,—не успѣешь и облизнуться.

У старухи стало бѣлье пропадать, у старика ножички, пилочки,—постоянная нехватка.

Измаялись старики.

Били они мальченку, иаставляли и чего-чего только ни дѣлали: ничѣмъ не примешь.

Какъ-то сидѣли старики вечеромъ, пошабашали: старуха рубаху чинила, старикъ бороду поглаживаль,

а Барма свернулся на печкѣ, только посвистываетъ.

И входитъ къ нимъ молодецъ рѣжій такой, здоровенный. На ночлегъ просится.

Усадили старики гостя, стали гостя разспрашивать:

— Куда молодецъ путь держишь и по какой надобности?

— Къ царю воровать,—отвѣчалъ гость.

— Какъ такъ къ царю воровать?!

— Да такъ воровать.

Выронила старуха иглу съ перепугу, призадумался старикъ.

А гость только усъ покручиваетъ.

— Слушай, милый человѣкъ, — заговорилъ старикъ, — живетъ у насъ мальченка, Бармой прозывается, мочи намъ не стало, измаялись мы со старухою: какъ пиръ собирать, некуда Барму дѣвать. Тащить все изъ-подъ носу. Возьми ты его, ослобони насъ, вѣчно будемъ Бога молить!

— Отчего не взять, можно.

Разбудили Барму. Снарядили Барму. Забралъ Барма пилочки и ножички, да въ путь,—прощайте!

Идутъ они лѣсомъ. Молодецъ, что ни шагъ — семь верстъ отмахиваетъ. Да и Барма не даетъ маху, — тощенькій, юркенькій, только носомъ покручиваетъ.

Разсказывалъ молодецъ про свою науку и про всякія ловкости воровскія.

Такъ и шли.

Вотъ видятъ они, дерево стоитъ огромное, верхушкою прямо въ звѣзду.

— Хочешь, Барма,—говоритъ молодецъ,—я тебѣ свое искусство покажу, а послѣ ты мнѣ свое покажешь?

— Хочу, дяденька!

— Видишь дерево?

— Вижу, дяденька!

— А гнѣздо видишь?

— Вижу, дяденька!

— А птичку видишь?

— Вижу, дяденька!

— Такъ вотъ я сейчасъ влѣзу на это самое дерево и выну изъ-подъ этой птицы яички, и птица не замѣтитъ.

Полѣзъ молодецъ на дерево, а Барма пустился подсаживать.

И не прошло минуты, жуликъ на землѣ былъ.

— Видишь?—спрашиваетъ Барму.

— Вижу, дяденька.

— Да что видишь-то?

— Яички, дяденька.

Жуликъ подбоченился: ловко, молъ! состряпалъ!

— А вы, дяденька, сапоги видите?

— Сапоги?!—вижу...

— А подошвы на сапогахъ видите?

Тутъ жуликъ задралъ ногу. Повелъ глазомъ... сапогъ сапогомъ, только подошвы срѣзаны.

— Это я вамъ, дяденька, какъ на дерево вылѣзли, я вамъ подошву и срѣзалъ.

— Ну, изъ тебя человѣкъ выйдетъ,—сказалъ жуликъ.

И снова тронулись въ путь.

— А какъ, дяденька, къ царю пройти?—допытывался Барма.

— Плевое дѣло къ царю пройти, — толковалъ жуликъ,—пойдешь все прямо, завернешь влѣво, потомъ опять влѣво, потомъ въ закоулокъ и прямокомъ въ царскій садъ упрешься.

И опять сталъ рассказывать про свою науку и про всякія хитрости воровскія.

Такъ прошли они лѣсъ, въ другой вступили.

Жуликъ сбросилъ поддѣвку, сказалъ Бармѣ:

— Ты покарауль меня, а я малость сосну,—и растянулся подъ деревомъ.

— Слушаю, дяденька!—сталъ на карауль Барма.

Но только что жуликъ завелъ глаза, Барма ошарилъ его, взялъ себѣ чего поспособнѣе, да дралъ.

Прошелъ Барма и другой лѣсъ, прошелъ Барма и третій лѣсъ, прошелъ острогъ, прошелъ кабакъ и прямо въ садовую рѣшетку стукнулся.

А рѣшетка высокая да тѣсная, пальца не просунешь.

Скинулъ Барма одежонку, да юркъ межъ прутьевъ и прямо въ садъ царскій.

А царь тутъ-какъ-тутъ, идетъ царь по дорожкѣ, яблоко кушаетъ.

Мундиръ у царя, горить, какъ жаръ, золотые штаны съ бриліантовыми пуговицами такъ и свѣтятся.

— Чей ты?—крикнулъ царь.

— Вашего царскаго величества вѣрноподданный Барма.

— Зачѣмъ сюда попалъ, а?
— Къ вашему величеству воровать.
— Ахъ, ты... такой-сякой! — царь хотѣлъ схватить Барму, да шагу не сдѣлалъ — штаны золотые трахъ — на земь.

А Барма съ пуговицами бѣжать, — его и слѣдъ простылъ: оттяпалъ таки, мошенникъ, бриліантовыя.

Вотъ онъ Барма какой!

1905 г.

ВОРЪ МАМЫКА.

I.

У старика и старухи никого не было, одинъ былъ внукъ Мамыка. Мамыка—парнишка шустрый, проворный. Старики внука очень любили.

Узналъ Мамыка, что у дѣда есть деньги,—на черный день берегъ старикъ для Мамыки,—присталъ Мамыка къ дѣду:

— Дай, дѣдушка, мнѣ денегъ!

— А для чего онѣ тебѣ, рѣднѣй?

— Дай, дѣдушка, мнѣ денегъ на торговлю!

Дѣдъ и такъ и сякъ,—какая ужъ тамъ торговля, какъ бы худа не вышло!—и денегъ старику жалко, и отказать не можетъ.

Вступилась старуха:

— Чего, — говоритъ, — жалѣешь, дай ему, авось Богъ поможетъ, родное, вѣдь, наше, а намъ помирать въ пору.

Подумалъ дѣдъ, подумалъ и далъ внуку денегъ.

Забралъ Мамыка дѣдовы деньги и, прощай, ушелъ въ городъ. Да ничего по уму прибрать не

могъ изъ товара, и купилъ два сапога козловыхъ. Съ сапогами и пошелъ домой опять къ дѣду.

Шелъ Мамыка домой, подшвыривалъ камушки по дорогѣ, пѣсни пѣлъ, а усталъ, присѣлъ отдохнуть въ канаву.

Сидитъ Мамыка въ канавѣ, на дорогу глазѣтъ, а по дорогѣ царскіе слуги идутъ, быка ведутъ.

„Вотъ бы такого бычка дѣду, нѣтъ у дѣда никакой скотины!“—смекнулъ себѣ Мамыка.

Скрылись царскіе слуги и быкъ съ ними. Вылѣзъ Мамыка изъ канавы, обѣжалъ сторонкой, бросилъ сапогъ на дорогу, самъ схоронился и сталъ поджидать.

Увидали царскіе слуги Мамыкинъ сапогъ на дорогѣ.

— Эхъ, товарищъ, — говоритъ одинъ, — сапогъ козловый на дорогѣ!

— Никудà намъ съ однимъ сапогомъ!—говоритъ другой.

И пошли себѣ дальше, повели быка въ городъ.

Тутъ Мамыка подобралъ свой сапогъ, да мимо царскихъ слугъ, обогналъ ихъ сторонкой, бросилъ опять сапогъ на дорогу, самъ схоронился, поджидаетъ.

Увидали царскіе слуги Мамыкинъ сапогъ на дорогѣ.

— Вотъ и другой сапогъ, — говоритъ одинъ, — взять бы намъ и тотъ, пара бъ сапоговъ была.

— Пойдемъ назадъ, — говоритъ другой, — захватимъ, авось не убѣжить.

Оставили царскіе слуги быка царскаго, пошли назадъ прежній Мамыкинъ сапогъ искать.

Тутъ Мамыка, долго не думая, за быка, да другой дорогой съ быкомъ домой къ дѣду.

А царскіе слуги дошли до того самаго мѣста, гдѣ сапогъ Мамыкинъ лежалъ, а сапога-то ужъ нѣтъ. Поискали они, поискали, да съ пустыми руками назадъ къ быку, а тамъ и быка нѣтъ, всего одинъ сапогъ лежитъ Мамыкинъ.

Куда имъ съ однимъ сапогомъ?

— Какъ мы теперь къ царю на глаза покажемся: и быка кончили и сапогъ одинъ!

Подобрали царскіе слуги Мамыкинъ сапогъ, и безъ царскаго быка съ сапогомъ пошли къ царю.

— Вотъ, — говорятъ, — вамъ сапогъ, а быка потеряли. Увелъ быка неизвѣстно кто.

Примѣрилъ царь сапогъ, — хорошъ сапогъ и сидитъ хорошо и въ пальцахъ не жметъ, да объ одномъ сапогѣ далеко не уйдешь, да и быка нѣтъ.

Ну, по сапогу стали искать и дознались, что сапогъ Мамыкинъ, и увелъ быка Мамыка. И посылаетъ царь къ дѣду, требуетъ къ себѣ старика.

Пришелъ старикъ, кланяется.

— Здравствуйте, государь батюшка.

— А много ль у тебя семьи, дѣдушка? — спрашиваетъ царь.

— Одинъ внукъ, государь батюшка, одинъ единственный, Мамыкой звать.

— А не укралъ ли твой Мамыка у царя быка?

— Не знаю, батюшка, украсть не укралъ, а такого намереніи пригналъ, едва во дворикъ прошелъ.

— Ну, хорошо, — говоритъ царь, — пускай же твой Мамыка украдетъ у царя коня, а не украдетъ, казнь ему!

Простился дѣдъ съ царемъ, поклонился царю, пошелъ домой.

Скручинился, спечалился старикъ: легкое ли дѣло у царя коня украсть!

А Мамыка ужъ встрѣчаетъ дѣда, на одной ножкѣ прискакиваетъ.

— Глупый ты,—охаешь дѣдъ,—надѣлалъ ты дѣлы!

— Чего, дѣдушка, ну, чего, дѣдушка?—унимаетъ парнишка, шустрый такой, Мамыка.

— Да вотъ чего: велѣлъ царь своего коня украсть, не то тебѣ казнь.

— Богу молись, дѣдушка, да спать ложись, все дѣло поправится,—смѣется парнишка, проворный такой, Мамыка.

2.

Легъ дѣдъ спать, а Мамыка дождался ночи и въ ночи потащился въ городъ и прямо ко дворцу.

Царя во дворцѣ не было, въ Сенатѣ сидѣлъ царь, законы сочинялъ.

А Мамыкѣ это на руку, проникъ Мамыка въ царскіе покои, обрядился въ царское платье, да въ царскомъ-то платьѣ на крыльцо.

— Эй,—кричить,—коня, коня давайте, въ сады поѣзжаю гулять!

Засуетились слуги, забѣгали и сейчасъ коня ему подали,—спросонья за царя признали, обознались! Сѣлъ Мамыка на царскаго коня и домой къ дѣду.

Пріѣхалъ Мамыка къ дѣду, кричить старику:

— Отворяй, дѣдушка, ворота!—смѣется.

Поднялся дѣдъ, узналъ внука, обрадовался, отворилъ ворота, впустилъ коня.

— Слава Богу, спасъ Господь отъ бѣды!—плачетъ старикъ: радъ очень, что съ конемъ-то внукъ, царскаго коня укралъ.

Вернулся царь изъ Сената, велить коня подать—въ сады гулять ѣхать, а коня его царскаго нѣтъ-какъ-нѣтъ, укатилъ на его конѣ неизвѣстно кто.

„Это, вѣрно, Мамыка, некому больше, воръ Мамыка!“—раздумался царь.

И посылаетъ на утро царь къ дѣду, требуетъ къ себѣ старика.

Пришелъ старикъ, кланяется.

Поздоровался царь съ дѣдомъ и говоритъ:

— А не укралъ ли, дѣдушка, твой Мамыка у царя коня?

— Не знаю, батюшка, украсть не укралъ, а такого пригналъ, едва въ домишко прошелъ.

— Ну, хорошо,—говоритъ царь,—пускай же твой Мамыка изъ-подъ царя перину украдетъ, тогда я прощу, а не то ему казнь!

Простился дѣдъ съ царемъ, поклонился царю, пошелъ домой.

Скручинился, спечалился старикъ: легкое ли дѣло изъ-подъ царя царскую перину украсть!

А Мамыка ужъ встрѣчаетъ дѣда, на одной ножкѣ прискакиваетъ.

— Глупый ты, глупый,—охаешь дѣдъ,—надѣлалъ ты дѣлъ, жизнь свою рѣшишь!

— Да чего, дѣдушка, чего ты?—унимаетъ парнишка, проворный такой, Мамыка.

— Да вотъ чего: велѣлъ царь царскую перину изъ-подъ себя украсть, не украдешь, — дѣло плохо.

— Богу молись, дѣдушка, да спать ложись, все дѣло поправится!—смѣется парнишка, хитрый такой, Мамыка.

3.

Легъ дѣдъ спать, а Мамыка дождался ночи и въ ночи потащился въ городъ и прямо на кладбище. И тамъ, на кладбищѣ, отыскалъ онъ свѣжую могилу, разрылъ могилу, досталъ покойника изъ гроба, посадилъ покойника на колъ и понесъ на плечѣ ко дворцу, къ тѣмъ самымъ покоямъ, гдѣ царь ночуетъ.

Сталъ Мамыка передъ царскими окнами и ну вертѣть покойникомъ.

Царь не спалъ, и не ложился, поджидалъ царь Мамыку: придетъ воръ царскую перину изъ-подъ него красть, тутъ онъ его и словить. И какъ увидѣлъ царь, что ровно человѣкъ въ окно лѣзетъ, скорѣе за ружье да изъ ружья въ окно и выстрѣлилъ.

— Ну,—говорить царь царицѣ,—подстрѣлилъ я Мамыку, не встать больше вору, можно будетъ спокойно выпастся.

А Мамыка прострѣленного покойника бросилъ да по заднимъ ходамъ залѣзъ въ царскіе покои, отыскалъ тамъ квашенку съ бѣлымъ растворомъ, прокрался къ самому царю, да тихонько растворъ этотъ бѣлый между царемъ и царицей въ середку

и полилъ, а самъ въ темный уголъ, присѣлъ на корточки, ждеть.

Спаль царь крѣпко, а проснулся да со сна прямо рукой въ это тѣсто.

„Эка, грѣхъ-то какой, всѣ себѣ пальцы измазаль!“

Крикнулъ царь слугъ, всѣхъ слугъ разбудилъ.

— Снимай перину, стели новую!

А царскіе слуги подскочили, тычутся, нѣжными голосами такъ и ластятся:

— Пожалуйста, сейчасъ! сейчасъ!

И сейчасъ же свѣжая перина готова, ту замаранную сняли, постелили новую.

И заснулъ царь.

А какъ заснулъ царь, вышелъ Мамыка изъ темнаго угла, подхватилъ старую запачканную перину да въ окошко, спихнулъ перину на улицу да и самъ за ней туда же, взвалилъ ее на плечи, понесъ домой къ дѣду.

— Отворяй, дѣдушка, ворота! — громыкаетъ Мамыка въ ворота.

Поднялся дѣдъ, узналъ внука, обрадовался, отворилъ ворота, впустилъ Мамыку съ царской периной.

— Слава Тебѣ, Господи, миновала бѣда! — плачетъ старикъ: радъ очень, что съ периной-то внукъ, царскую перину укралъ.

На утро, какъ проснулся царь, и первымъ дѣломъ о перинѣ:

— Гдѣ замаранная перина?

А гдѣ замаранная перина? —туда-сюда, никто не знаетъ, нѣтъ нигдѣ перины и искать негдѣ.

Заглянулъ царь въ окно, а тамъ, на улицѣ подъ окошкомъ покойникъ на колу, лежитъ покойникъ прострѣленный и нѣтъ никакого Мамыки.

Шлетъ царь за старикомъ дѣдомъ.

Пришелъ старикъ, кланяется.

Поздоровался царь съ дѣдомъ и говоритъ:

— А не укралъ ли, дѣдушка, твой Мамыка у царя перину?

— Не знаю, батюшка, украсть не укралъ, а такую приволокъ, едва въ уголъ запихалъ.

— Хитеръ у тебя внукъ, — сказалъ царь, — пускай же Мамыка у царя царицу украдетъ, а не то голову на плаху, жизни рѣшу.

Простился дѣдъ съ царемъ, поклонился царю, пошелъ домой.

Еще больше скручинился старикъ, еще больше спечалился, пути передъ собой не видитъ: легкое ли дѣло у царя царицу украсть!

А Мамыка ужъ встрѣчаетъ дѣда, на одной ножкѣ прискакиваетъ.

— Глупый ты, глупый, — охаетъ дѣдъ, — надѣлалъ ты дѣлъ, пропали мы съ тобой!

— Чего, дѣдушка, ну, чего, дѣдушка? — унимаетъ парнишка, хитрый такой, Мамыка.

— Да вотъ чего: велѣлъ царь царицу украсть, не украдешь, голову на плаху.

— Богу молись, дѣдушка, да спать ложись, все дѣло поправится! — смѣется парнишка, смекалистый такой, Мамыка.

Легъ дѣдъ спать, а Мамыка дождался ночи и въ ночи заложилъ царскаго коня въ санки и помчался прямо во дворецъ.

Царя во дворцѣ не было, въ Синодѣ сидѣлъ царь, приказы давалъ.

А Мамыкѣ только того и надо. Кличетъ Мамыка царскихъ слугъ, будто царь за царицей прислалъ.

— Требуешь царь царицу въ сады гулять, немедленно!

Доложили царскіе слуги царицѣ. Одѣлась царица, вышла на крыльцо, видитъ, конь царскій, да и сѣла въ санки къ Мамыкѣ. И помчалъ царицу воръ Мамыка да не въ Синодъ къ царю, а къ себѣ, къ своему дѣду.

— Отворяй, дѣдушка, ворота! — кричитъ воръ Мамыка.

Поднялся дѣдъ, узналъ внука, обрадовался, отворилъ ворота, впустилъ Мамыку, впустилъ съ Мамыкой и царицу.

— Слава Богу, услышалъ Господь, спасъ! — плачетъ старикъ: радъ очень, что съ царицей-то внуку, царицу укралъ.

И царица плачетъ: страшно ей вора Мамыку, жалко ей дѣда.

Вернулся царь изъ Синода, спрашиваетъ царицу.

— Нѣтъ царицы, — отвѣчаютъ царскіе слуги, — поѣхала царица въ сады гулять, самъ ты и послалъ за ней.

— Когда посылалъ? — ничего царь понять не можетъ.

— Да изъ Синода, — говорятъ царю слуги.

— Какъ такъ?

— Да такъ.

Никто ничего толкомъ не знаетъ, другъ на дружку валяютъ.

„Это все воръ Мамыка!“ — раздумался царь.

И велить царь привести старика дѣда. Бросились за дѣдомъ, привели старика. Усадилъ царь старика и говоритъ:

— А не укралъ ли твой Мамыка у царя царицу?

— Не знаю, батюшка, украсть не укралъ, а такую красавую въ домъ привелъ, такую барыню.

— Хорошъ твой внукъ, дѣдушка, — сказалъ царь, — шустеръ парень, проворенъ, смекалистъ! Пускай же онъ все наворованное царю представить: быка, коня, перину и нашу царицу. Всѣ дѣла ему прощаемъ, всю вину снимаемъ, получить награду.

Побѣждалъ старый дѣдъ домой, а ужъ Мамыка ему навстрѣчу, а съ Мамыкой царскій быкъ, царскій конь, царская перина и сама царица.

И остался Мамыка у царя служить царю вѣрой, вѣрный слуга Мамыка. Подчистилъ Мамыка царскихъ слугъ ротозѣевъ, всѣхъ воровъ переловилъ, а дѣду, старику своему, у царя звѣзду выхлопоталъ, и звѣзду и коня и коровушку, чтобы жили старики покойно.

1911 г.

ХОЗЯЕВА.

ЛѢШІИ.

ЛѢШІЙ живеть въ лѢСУ, лѢШІЙ живеть въ большой избѣ. Изба у него кожами укрыта, теплая. ЛѢШІЙ не старикъ старый, какой старикъ!—лѢШІЙ молодой, и ни усовъ еловыхъ, ни бороды осочьей у него нѣту. Желтый зипунъ на немъ, красная теплая шапка, а жена его—лѢШАЧКА, а дѣти—лѢШАТА, полное хозяйство.

Былъ такой Афоныга, неладный, все бродилъ по лѢСУ, лѢШНЕЙ жилъ. Вотъ идетъ Афоныга лѢСОМЪ, дошелъ до болота—топучее болото—и видитъ, увязъ лѢШІЙ въ болотѣ, да и олень, да и медвѣдь съ нимъ.

Не больно рѣчистъ лѢШІЙ, а какъ заговорилъ!

— Иди,—говорить,—Афоныга къ моей хозяйкѣ, да скажи ей, на большомъ, мо~~ль~~, болотѣ со звѣремъ сохатымъ, да съ медвѣдемъ Мишей утопъ!—и дорогу кажетъ Афоныгѣ, куда итти ему къ лѢШАЧКѣ.

Пошелъ Афоныга, пошелъ, какъ указалъ лѢШІЙ, и прямо къ большой избѣ. Входитъ Афоныга въ избу—сидитъ лѢШАЧКА на лавкѣ.

— Зачѣмъ пришелъ, Афоныга?—говорить лѢШАЧКА, баба молодая, бѣлая, глазъ съ поволокой.

Афоныга ей о лѣшемъ, о сохатомъ, о медвѣдѣ Мишѣ.

— На большомъ болотѣ утопли!

— Ну, ладно! — бросила лѣшачка Афоныгу, да изъ избы, да скорѣе къ большому болоту.

Ждать не долго ждалъ Афоныга, а страху на-терпѣлся не мало: одолѣли Афоныгу лѣшата—цѣпляются, курлычутъ, хватаютъ, ну, ничѣмъ не отобьешься, ни шлепкомъ, ни подшлепникомъ.

И вернулась лѣшачка, несетъ медвѣдя Мишу,—баба молодая, бѣлая, глазъ съ поволокой, а за лѣшачкой самъ лѣшій съ оленемъ.

На славу угостили гостя. Лѣшій указалъ дорогу и на прощанье отодралъ рукавъ отъ своего кафтана и далъ его Афоныгѣ.

А Афоныга, домой вернувшись, сшилъ себѣ изъ рукава кафтанъ—кафтанъ до пятъ, да рукавицы.

1912 г.

ВОДЯНОЙ.

Водяной живетъ въ озерѣ, тамъ у него и домъ подъ камнемъ. Водяной, не очень великій, даже маленькій, черноватый, на чорта похожъ, а усъ у него рыжій. Жена его изъ русалокъ — водяника, Палагеей звать, Поля, а ребятишки — водяники, вродѣ чертенятъ, только что на пальцахъ перепонка. Держить водяной коровъ много бурыхъ, — большое хозяйство.

За большимъ болотомъ на кругломъ озерѣ островъ, и не разъ видали, какъ изъ воды на островъ выходили коровы и траву щипали, видали и самого водяного: сядетъ себѣ на камень и сидитъ, мѣднымъ гребнемъ расчесываетъ свои крѣпкія лохма.

Ходилъ по лѣсу Афоныга — Афоныгъ что и дѣлать, какъ въ лѣсу бродить! — и зашелъ Афоныга къ круглому озеру за большое болото, уморился, прилегъ на траву отдохнуть, да и заснулъ. А какъ проснулся, и видитъ: четыре бурыхъ коровы на островѣ пасутся.

Положилъ Афоныга на себя крестъ, да прямо на коровъ этихъ... И только что ухватить корову намѣ-

тилъ, изъ воды какъ свиснетъ — озеро заволновалось, и коровы въ воду. Ну, Афоныга не больно испугался, не сплосхалъ и какъ-никакъ, а двухъ коровъ перенять ухитрился, и пригналъ домой къ себѣ въ лѣсъ.

И долго жили у Афоныги эти коровы, по два ведра въ день молока давали, вотъ какія коровы! Разбогатѣлъ Афоныга, разбурѣлъ, опился молокомъ сладкимъ, пьетъ—не лѣзетъ, и ужъ бродить по лѣсу не можетъ, совѣсть и заговорила.

Стало безпокойно Афоныгѣ, все не такъ, все не такъ какъ-то, не по-настоящему, не по правдѣ. И вздумалъ Афоныга этихъ коровъ зарѣзать. И зарѣзалъ. Ввечеру зарѣзалъ, а на утро хватъ, ни мяса, ни шкуръ, и мясо и шкуры укралъ кто-то, нѣтъ ничего.

Досадно стало Афоныгѣ—ни молока ему, ни коровъ, ни мяса ему, ни шкуръ коровьихъ,—ничего. Какъ не досадно! Думалъ Афоныга, думалъ и подалъ въ судъ: на сосѣда думалъ—вороватый такой сосѣдъ жилъ Мамыка.

И пока афоныгино дѣло въ судѣ тянулось, подошла осень, а у Афоныги не выходятъ изъ головы коровы, не можетъ забыть коровъ: нѣтъ-нѣтъ да и вспомнятся онѣ ему, бурыя, сытыя—два ведра въ день молока давали.

Сидитъ разъ Афоныга вечеромъ, раздумываетъ, и все о коровахъ, а на волѣ такъ и шумитъ и шумитъ—осень. И слышитъ, стучитъ кто-то. Афоныга къ воротамъ, отворилъ калитку, и видитъ: такъ не очень великій, даже маленькій, черноватый такой,

усъ рыжій, въ короткомъ камзолѣ, а шляпа соломенная, стоитъ у воротъ, на Афоныгу смотреть.

— Напрасно, — говоритъ, — ты, Афоныга, изъ-за коровьихъ кожъ съ сосѣдомъ тягаться вздумалъ — кожи я взялъ! — сказалъ и пошелъ, ходко пошелъ къ озеру.

Афоныга его сейчасъ же призналъ, — водяной, конечно! — и помирился съ сосѣдомъ, прекратилъ тяжбу съ Мамыкой, и по-старому, по-прежнему въ лѣсу бродить, лѣшней живетъ.

1912 г.

ЧОРТЪ.

Жилъ богатый человѣкъ и была ему во всѣхъ его дѣлахъ большая удача. Стоило только подумать, пожелать чего, хватъ и исполнится. Самъ не понималъ Никаноръ, откуда ему идетъ такое. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше.

И чѣмъ дальше, тѣмъ больше чувствовалъ онъ, какъ съ другого конца другимъ вѣтромъ приносило ему совсѣмъ другое, — недоброе. Спервоначала-то, какъ пошло дѣло въ ходъ, думалъ Никаноръ только о дѣлѣ, о торговлѣ своей, а когда стало много всего, накопилъ онъ бочку золота—цѣлую бочку!—и дѣла ужъ сами собой пошли, мысли повернули совсѣмъ на другое: думаться стало ему,—узнають люди о золотѣ, о его бочкѣ и отымутъ. И не стало ему покою, спать ляжетъ, не спится, а заснетъ, сны нехорошіе.

Ровно бы что-то сдѣлать ему надо, и тогда опять придетъ покой и пойдетъ жизнь прежняя, по старому въ дѣлахъ и безъ всякаго, но какое дѣло это сдѣлать надо, Никаноръ въ умъ не возьметъ.

Большой былъ богачъ Никаноръ, громкій человѣкъ. И бочка золота подъ кроватью, и пьетъ и

ѣстъ до отвалу, и почетъ вездѣ, а покоя нѣтъ,—у послѣдняго бродяги больше, и голи-пьяницѣ кабацкой позавидуешь!

Разъ лежитъ Никаноръ ночью, не спится, и слышитъ, будто кто-то постучалъ подѣ окномъ. Всталъ, подошелъ онъ къ окну, окликнулъ,—никто не отвѣчаетъ.

Ну, не отвѣчаетъ, такъ и не отвѣчаетъ, и опять легъ. И только что глаза завелъ, опять стукъ. Окликнулъ,—нѣтъ никого. И вдругъ стало страшно: это воры хотятъ ограбить его!—Снялъ онъ со стѣны ружье, зарядилъ пулей и притаился у окна.

И когда въ третій разъ застучало подѣ окномъ, Никаноръ открылъ окно и выстрѣлилъ. Выстрѣлилъ и похолодѣлъ весь: тамъ, подѣ окномъ, лохматая рука съ птичьими когтями сжала ставень.

Никаноръ за ножъ, отрѣзать хотѣлъ руку чортову, а ножъ выпалъ изъ рукъ—прямо изъ ночи глядѣли на него огромные оловянные глаза и щерилось изрытое темное лицо.

— Иди за мной!—сказалъ чортъ.

Дѣлать нечего, вышелъ Никаноръ.

Чортъ схватилъ его за лѣвую руку, и они пошли прямо къ рѣкѣ.

Страхъ подкашиваетъ ноги, а чортъ тянетъ за собой,—и убѣжалъ бы, не убѣжишь, отъ чорта не вырвешься.

Пришли къ рѣкѣ, чортъ и говоритъ:

— Ты, Никаноръ, бочку золота накопилъ, отдай ее мнѣ. Я тебѣ помогалъ!

Смотритъ Никаноръ на чорта, вотъ обомреть.

— А не отдашь, я тебя въ воду брошу. Слышишь?
— Слушаю,—Никаноръ на все соглашался.
— Такъ, смотри жъ, завтра приду,—и чортъ нырнулъ въ воду.

Не помнитъ Никаноръ, какъ домой попалъ, не помнитъ, какъ прошелъ день, ночью не ложился онъ спать, чорта ждалъ. И въ полночь застучало подъ окномъ. Взялъ Никаноръ бочку, вынесъ чорту бочку, чортъ взвалилъ ее на плечо, и они пошли.

Чортъ идетъ, съ чортомъ Никаноръ идетъ.

Страхъ подкашиваетъ ноги, а чортъ тянетъ за собой,—и убѣжалъ бы, не убѣжишь, отъ чорта не вырвешься.

Дошли они до рѣки, спустился чортъ въ рѣку, вытащилъ желѣзныя цѣпи, обмоталъ бочку, спустилъ ее въ воду и самъ скрылся подъ водою, и опять вынырнулъ, горсть золота подаль Никанору.

— Это тебѣ за твою вѣрность мнѣ, да смотри, не болтай!—и пропалъ.

А Никаноръ вернулся домой и запилъ съ горя.

Большой былъ богачъ Никаноръ, громкій человекъ. А сталъ попивать, стало дѣло разстраиваться. Не будь чортовой горсти, что чортъ далъ, промоталъ бы добро все.

Въ Васильевъ вечеръ сидѣлъ Никаноръ съ пьяницей пріятелемъ въ кабакѣ. Разжалобилъ его пріятель, тутъ Никаноръ ему по пьяному дѣлу и пожаловался, забылъ зарокъ, все рассказалъ. Идутъ они изъ кабака, а навстрѣчу имъ старичокъ, знакомый будто, зоветъ старичокъ въ гости.

Отчего не пройти,—пьяному глазу дорога не за-

казана, пошли пріятели. И долго велъ ихъ старичокъ, все въ сугробъ да въ сугробъ, не легко итти, Никанорова пріятеля и разморило, зѣвнулъ онъ, перекрестился и видитъ,—стоитъ онъ надъ прорубью, а Никаноръ ужъ въ проруби—съ головой влѣзъ, и никакого нѣтъ старичка знакомаго.

Такъ и пропалъ Никаноръ.

1912 г.

ЛИГОСТАЙ СТРАШНЫЙ.

Жиль-быль добрый человекъ, и Бога чтилъ, и людей не забывалъ: Богу — свѣчка, бѣднымъ людямъ—хлѣбъ. И жилъ такъ добрый человекъ съ женою и сыномъ, не ропталъ. И вотъ померла жена, заскучалъ старикъ безъ хозяйки, сталъ прихварывать и почувствовалъ, что и его конецъ приходитъ.

Говорить старикъ сыну:

— Нечего мнѣ тебѣ оставить, нѣтъ у меня ничего: что зарабатывалъ—все проживали. А вотъ какъ помирать твоей матери, пекла она калачъ, калачъ подгорѣлъ, но я его сберегъ, — оставляю тебѣ горѣлый калачъ. Съѣшь ты его съ тѣмъ моимъ другомъ, который никакой скупы не беретъ.

Померъ добрый человекъ, похоронилъ сынъ отца. Какія оставались деньги, все на похороны пошло. И ужъ ничего въ домѣ нѣтъ, хоть шаромъ покати, а ѣсть хочется. Вспомнилъ тутъ Сергѣй объ отцовскомъ наслѣдствѣ—о калачѣ, отыскалъ горѣлый калачъ, хочетъ его закусить, да слова отца стали въ памяти: съѣсть калачъ съ тѣмъ другомъ его, ко-

торый прибыли себѣ не беретъ,—положилъ калачъ за пазуху и пошелъ отцова друга искать.

Идетъ Сергѣй по дорогѣ, и встрѣчается ему старичокъ бѣлый, сѣдатый.

— Куда,—говорить,—молодецъ, Богъ несетъ?

— Иду искать отцова друга, который никакой скѣпы не беретъ,—и рассказалъ Сергѣй старику объ отцовскомъ горѣломъ калачѣ.

— Я отцовъ другъ.

Посмотрѣлъ Сергѣй на отцова друга: старичокъ бѣлъ сѣдатый, съ церковкою въ рукѣ.

— Нѣтъ, ты—святитель Христовъ, Никола угодникъ!—поклонился угоднику можайскому и дальше пошелъ.

Идетъ Сергѣй по дорогѣ, и ѣдетъ навстрѣчу ему всадникъ на бѣломъ о бѣлыхъ крыльяхъ конѣ, золото такъ и играетъ. Испугался Сергѣй, хочетъ въ сторону свернуть.

А всадникъ кричитъ:

— Куда, молодецъ, Богъ несетъ?

— Иду искать отцова друга, который никакой скѣпы не беретъ,—и рассказалъ Сергѣй всаднику объ отцовскомъ горѣломъ калачѣ.

— Я отцовъ другъ.

Посмотрѣлъ Сергѣй на отцова друга: по локоть руки — красно золото, по колѣно ноги — чисто серебро, во лбу звѣзда, на головѣ зеленый вѣнокъ.

— Нѣтъ, ты—храбрый святой Георгій!—поклонился пастырю святому и дальше пошелъ.

Идетъ Сергѣй по дорогѣ, усталъ, и ночь его настигаетъ, и ѣсть ему хочется. И попадаетъ ему на

дорогъ страшный, высокій, грудь и бедра толстыя, въ поясъ тонкій, длинные пальцы, зубатый, ребратый, голенастый, лигостай—страшный.

— Ты куда идешь?— скорчилъ рожу лигостай страшный

— Иду отцова друга искать, который никакой скупы не беретъ.

— Я самый и есть!

Посмотрѣлъ Сергѣй на отцова друга: лигостай—страшный.

— Почему, говоришь, отцовъ ты другъ?

— А потому, я у отца душу вынулъ.

„И вправду,—подумалъ Сергѣй—точно, что другъ, только больно ужъ страшный!“

Вынулъ Сергѣй изъ-за пазухи горѣлый калачъ, усѣлись они на пень, съѣли калачъ.

Лязгнулъ зубами лигостай страшный.

— Поди,—говорить,—въ городъ, тамошній царь худъ, ищетъ человѣка, про свою смерть знать хочетъ. Поди ты къ царю и скажи, что знаешь про его царскую смерть. Меня никто не видитъ, а ты увидишь. Я безъ корысти, я отцовъ другъ! Если сижу я въ головахъ у царя, царь помретъ; если стою я въ ногахъ, царь будетъ жить.

Простился Сергѣй съ лигостаемъ страшнымъ, пошелъ въ городъ, ну трубить:

— Я,—говорить,—про царскую смерть знаю!

Дошла вѣсть до царя, послалъ царь разыскать Сергѣя. Нашли Сергѣя и привели къ царю.

Помолился Сергѣй, посмотрѣлъ на царя: лежитъ царь на кровати, едва ужъ дышитъ, а лигостай

стоитъ въ ногахъ у него страшный, рожу корчить.

Поклонился Сергѣй царю:

— Трудно хворали, ваше царское величество, тяжело, да Господь дастъ здоровья, будете живы.

И стало царю полегче, потомъ совсѣмъ легко, а потомъ и вовсе поправился и позабылъ про всякую хворь. На радостяхъ царь наградилъ Сергѣя крестомъ и велѣлъ насыпать ему изъ государственной казны полный мѣшокъ золота.

Нацѣпилъ Сергѣй крестъ себѣ на шею, забралъ подъ мышку золото, поблагодарилъ царя и пошелъ изъ города домой: хватить ему на его вѣкъ да еще останется!

Идетъ Сергѣй дорогой, застигла ночь, присѣлъ Сергѣй на пень отдохнуть, а лигостай тутъ—страшный сталъ у пня.

— А,—говорить,—здорово, Сергѣй Иванычъ!

— Здравствуй, страшный!

— Много-ль собралъ?

— Эво сколько, доверху полный!—Сергѣй показалъ страшному золотой свой мѣшокъ.

— Ну, не очень-то... — лигостай потрянулъ мѣшкомъ,—фальшивыя! Иди ты въ другую землю, тамъ тоже царь худъ, скажи, что про царскую смерть знаешь. Буду я въ головахъ сидѣть, и ты скажи царю: не будетъ ему житья, смерть будетъ. А ему трудно, онъ только этого и хочетъ, смерти хочетъ. И онъ наградитъ тебя: царемъ вмѣсто себя поставитъ. И ты будешь царствовать тридцать лѣтъ. Знай: въ который часъ корону примешь, въ тотъ же самый

часть черезъ тридцать лѣтъ и помрешь. Помни! Приготовься! Я приду.

Простился Сергѣй съ лигостаемъ страшнымъ, пошелъ въ ту землю, гдѣ царь хвораль.

— Я про царскую смерть знаю!—трубитъ Сергѣй.

Узнали, кому слѣдуетъ, Сергѣя схватили, да къ царю. Привели Сергѣя къ царю, и ужъ на порогѣ видить Сергѣй: страшный разсѣлся лигостай у царскаго изголовья, рожи корчитъ.

— Ваше царское величество, помрете!

А царь корону съ себя снялъ да на Сергѣя.

— Царствуй, добрый человѣкъ, спасибо тебѣ!—и померъ.

Померъ царь, сѣлъ царемъ Сергѣй.

Хорошо царствовалъ Сергѣй и всѣ дѣла государскія исправлялъ вѣрно. Тихо, мирно было въ его царствѣ. Богатѣли купцы торговлей, мужики много сѣяли хлѣба,—земли было вволю, собирали и того больше, и было гдѣ скоту кормиться,—луговъ было вдоволь, разбойники сидѣли за крѣпкимъ карауломъ, никто не жаловался.

Все въ дѣлахъ, все въ заботахъ, и не замѣтилъ царь, какъ прошли годы, и наступилъ тридцатый, послѣдній его годъ.

„Ахъ,—схватился царь,—лигостай придетъ!“

И такая напала тоска на него, такая дѣлать печаль, невесело, неважно все, не занимаютъ дѣла.

„Лигостай придетъ, страшный придетъ!“—печалился царь.

И отъ печали разнемогся, и ничего ужъ не помогаетъ, одно на умѣ:

„Лигостай придетъ!“

Наступили послѣднія сутки, пришелъ послѣдній часъ. И кончились послѣднія минуты, осталась всего одна послѣдняя минута.

„Пойду въ сады мои, прощусь“...—царь всталъ и къ двери.

А на порогѣ лигостай.

— Чего ты,—говорить,—куда собрался, Сергѣй Ивановичъ?—самъ рожу корчить.

— Въ сады мои проститься, хочу проститься...

— А ты чего же раньше-то? Я же тебя предупреждалъ,—лигостай взялъ подъ-руку царя,—ну, пойдемъ!

И они ходили вмѣстѣ по саду, какъ два друга, мертвый царь да лигостай страшный. Царь все прощался. И не было куста, не было деревца, съ кѣмъ бы царь не простился. Со всѣмъ бѣлымъ свѣтомъ простился царь и говорить:

— А что, страшный, какъ я помру, будутъ по мнѣ плакать?

А лигостай какъ скорчить рожу.

— Ревутъ,—говорить,—третій день ревутъ, ужъ третій день, какъ ты померъ: въ ту самую минуго, у порога, какъ встрѣтились мы, ты и померъ! Спасибо за любительный калачикъ!

Лигостай лязгнулъ зубами, страшный, отвелъ свою безкорыстную страшную руку, и остался царь одинъ, не царь—душа человѣчья.

1911 г.

ХЛОПТУНЪ.

1.

Жиль-быль мужикъ съ женою. Жили они хорошо, и вѣкъ бы имъ вмѣстѣ жить, да случился трудный годъ, не родилось хлѣба, и пришлось разстаться. Поѣхалъ Ѳедоръ въ Питеръ на заработки, осталась одна Марья со старикомъ да старухой.

Трудно было одной Марьѣ. Кое - какъ годъ она перебилась, къ осени полегче стало. Ждетъ мужа, — нѣтъ вѣстей отъ Ѳедора. Ждать-пождать, — не ѣдетъ Ѳедоръ. Да живъ ли?

А тутъ говорятъ, померъ. Бабы отъ солдата слышали, что Ѳедоръ померъ. Ну, Марья въ слезы, убивается, плачетъ.

— Хоть бы мертвый пріѣхалъ, посмотрѣть бы еще разокры!—такъ Марья плачетъ, такъ ей скучно.

Прожила она въ слезахъ осень, все тужить: безъ мужа скучно.

А Ѳедоръ вдругъ на святкахъ и пріѣзжаетъ.

И ужъ такъ рада Марья, отъ радости плачетъ: вотъ не чаяла, вотъ не гадала!

— А мнѣ говорили, что ты померъ!

— Ну, вотъ еще померъ! И чего не наскажутъ бабы!

И стали они жить да поживать, Ѳедоръ да Марья.

2.

Все шло по-старому, будто никогда и не разставались они другъ съ другомъ,—не уѣзжалъ Ѳедоръ въ Питеръ, не оставалась одна Марья безъ мужа,—вѣкъ вмѣстѣ жили. Все по-прежнему шло, какъ было. Все... да не все: стало Марьѣ думаться, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше думалось:

„А что, какъ онъ мертвый?“

Случится на деревнѣ покойникъ, Марьѣ всегда охота посмотрѣть, ну, она и Ѳедора зоветъ съ собою, а онъ, чтобы итти къ покойнику смотрѣть, нѣтъ, никогда не пойдетъ.

Разъ она ужъ такъ его упрашивала, приставала къ нему, приставала,—покойникъ-то очень ужъ богатый былъ,—насилу уговорила. И пошли, вмѣстѣ пошли.

Приходятъ они туда въ домъ, гдѣ покойникъ: покойникъ въ гробу лежалъ, лицо крышкой покрыто. Собрались родственники, сняли крышку, лицо открыли, чтобы посмотрѣть на покойника. Тутъ и всѣ потянулись: всякому охота на покойника посмотреть. Съ народомъ протиснулась и Марья. Оглянулась Марья Ѳедора поманить, смотреть, а онъ стоитъ у порога большой такой, выше всѣхъ на голову, усмѣхается.

„И чего же это онъ усмѣхается?“ — подумалось Марьѣ, и чего-то страшно стало.

Началь народъ расходиться. И они вышли, пошли домой.

Дорогой она его и спрашиваетъ:

— Чего ты, Федоръ, смѣялся?

— Такъ, ничего я...—не хочетъ отвѣчать.

А она пристааетъ: скажи, да скажи. Федоръ молчитъ, все отнѣкивается, потомъ и говоритъ:

— Вотъ какъ покрыву сняли съ него, а черти къ нему такъ въ ротъ и лѣзутъ.

— Что-жъ это такое?

— А хлоптунъ изъ него выйдетъ.

— Какой хлоптунъ?

— А такой! Пять годовъ живетъ хлоптунъ хорошо, чисто и не признаешь, а потомъ и начнетъ: сперва вѣсть скотину, а за скотиной и за людей принимается.

И какъ сказалъ это Федоръ, стало Марьѣ опять какъ-то страшно, еще страшнѣе.

— А какъ же его извести, хлоптуна-то? — спрашиваетъ Марья.

— А извести его очень просто, — говоритъ Федоръ, — отъ жеребца взять узду-обороть и уздой этой бить хлоптуна по рукамъ сзади, онъ и помретъ.

Вернулись они домой, легли спать,

Заснулъ Федоръ. А Марья не спитъ, боится.

„А что если онъ хлоптунъ и есть?“—боится, не спитъ Марья, не заснуть ей больше, не прогнать страхъ и думу.

Куда все дѣвалось, все прежнее? Жили въ душу Ѳедоръ да Марья, теперь нѣтъ ничего. Виду не подаетъ Марья,—затаила въ себѣ страхъ,—не сварлива она, угождаетъ мужу, но ужъ смотреть совсѣмъ не такъ, не по старому, невесело, вся извелась, громко не скажетъ, не засмѣется.

Четыре года прожила Марья въ страхѣ, четыре года прошло, какъ вернулся Ѳедоръ изъ Питера, пятый пошелъ.

„Пять годовъ живетъ хлоптунъ хорошо, чисто и не признаешь, а потомъ и начнетъ: сперва ѣстъ скотину, а за скотиной за людей принимается!“—и какъ вспомнить Марья, такъ и упадетъ сердце.

И ужъ она не можетъ больше терпѣть, не спать, не ѣстъ, душить страхъ.

— Не сынъ вашъ Ѳедоръ... хлоптунъ!—крикнула Марья старику и старухѣ.

— Какъ такъ?

— Такъ что хлоптунъ!—и рассказала старикамъ Марья, что отъ самого отъ Ѳедора о хлоптунѣ слышала, — послѣдній годъ живетъ, кончится годъ, съѣстъ онъ насъ.

Испугались старики:

— Съѣстъ онъ насъ!

Всѣмъ страшно, всѣ на-сторожѣ. И стали за Ѳедоромъ присматривать. Глядь, а онъ ужъ на дорогѣ коровъ ѣстъ.

Обезумѣла Марья, трясутся старики.

Достали они отъ жеребца узду-òбороть, подка-
раулили Федора, подкрались сзади, да по рукамъ
его уздой какъ дернуть...

Упалъ Федоръ.

— Сгубила, — говорить, — ты меня! — да тутъ и
кончился.

Тутъ и все.

1911 г.

МЕРТВЕЦЪ.

Лежалъ мертвецъ въ могилѣ, никто его не трогалъ, лежалъ себѣ спокойно, тихо и смирно. Натрудился, видно, бѣдняга, и легко ему было въ могилѣ. Темъ, сырь, мертвечину еще не чуялъ, отлеживался, отсыпался послѣ дней суетливыхъ.

Случилось на селѣ о праздникахъ игрище, большой разгулъ и веселье. На людяхъ, извѣстно, всякому хочется отличиться, показать себя, отколоть колѣнце на удивленье, ну, кто во что, всѣ пустились на выдумки.

А было три товарища—три пріятеля, и сговорились пріятели поугатъ сборище покойникомъ: откопать мертвеца, довести мертвеца до дому, а потомъ втолкнуть его въ комнату, то-то будетъ удивленье,—сговорились товарищи и отправились на кладбище.

На кладбищѣ тихо,—кому туда на ночь дорога!—высмотрѣли пріятели свѣжую могилу и закипѣла работа: живо снесли холмикъ, стали копать и ужъ скоро разрыли могилу, вытащили мертвеца изъ ямы.

Ничего, мертвецъ дался легко, двое взяли его подъ руки, третій сзади сталъ, чтобы ноги ему пе-

редвигать, и повели, такъ и пошли—мертвый и трое живыхъ.

Идутъ они по дорогѣ,—ничего, вошли въ село, скоро и домъ, вотъ удивять!

Тѣ двое переднихъ, что мертвеца подъ руки держать, ничего не замѣчаютъ, а третій, который ноги переставлялъ, вдругъ почувствовалъ, что ноги то будто живыя: мертвецъ ужъ самъ понемножку пятится, все крѣпче, по живому ступаетъ ногами, а, значить, и весь оживетъ, оживетъ мертвецъ, будетъ бѣда,—да незамѣтно и утекъ.

Идутъ товарищи, ведутъ мертвеца — скоро, ужъ скоро домъ, вотъ удивять! Ничего не замѣчаютъ, а мертвецъ сталъ отходить, оживляться, самъ ужъ свободно идетъ, ничего не замѣчаютъ, на товарища думаютъ, котораго и слѣдъ простылъ, будто его рукъ дѣло, ловко имъ помогаетъ.

Дальше да больше, чѣмъ ближе, тѣмъ больше, и ожилъ мертвецъ—у, какой недовольный!

Подвели его товарищи къ дому, въ сѣни вошли.

А тамъ играютъ, тамъ веселье—самый разгаръ, вотъ удивять!

— А Гришка-то сбѣжалъ, оробѣлъ, — хватились товарища, и самимъ стало страшно, думаютъ, поскорѣе втолкнуть мертвеца, да и уходить,—Гришка сбѣжалъ!

Открыли дверь, — вотъ удивятся! —хотятъ втолкнуть мертвеца, а выпростать рукъ и не могутъ, тянетъ мертвецъ за собой.

А правда, въ домѣ перепугъ такой сдѣлался — признали мертвеца — кто палъ на землю, кто вы-

скочилъ, кто въ столбнякъ, какъ былъ, такъ и сталъ.

Тянетъ мертвецъ за собой, и какъ ни старались—рвутся, изъ силъ выбиваются, держать мертвецъ, все тѣснѣй прижимаетъ.

— Куда-жь,—говорить,—вы, голубчики, отъ меня рветесь? Лежалъ я спокойно, насилу-то отъ Бога покой получилъ, обезпокоили меня, а теперь побывайте со мной!

Совсѣмъ какъ всѣ, говорить, только смотреть совсѣмъ не по нашему! Нѣтъ, не уйти отъ такого, не выпустить,—совсѣмъ не по нашему!

Собралось все село смотрѣть, а эти несчастные ужъ и не рвутся, не отбиваются, упрашиваютъ мертвеца, чтобы освободилъ ихъ, выпросталъ руки.

А онъ только смотреть, крѣпко держать, ничего не сказываетъ.

Сталъ народъ полегоньку отрывать ихъ отъ покойника, не тутъ-то, кричатъ не въ голову, что больно имъ. Ну, и отступился народъ. Отступился народъ, говорятъ, что надо всѣхъ трехъ хоронить.

И видятъ несчастные, дѣло приходитъ къ гибели, заплакали, сильнѣй умолять мертвеца стали, чтобы освободилъ ихъ.

А онъ только смотреть, еще крѣпче держать, ничего не сказываетъ.

И два дня и двѣ ночи не выпускалъ ихъ мертвецъ, а на третій день ослабѣли мертвецкія руки, подкосились мертвецкія ноги, да ихъ тѣло-то, руки ихъ съ мертвымъ, съ тѣломъ мертвецкимъ срослись—хоть руби, не оторваться!

Господь не прощаетъ.

И начали они просить у сосѣдей прощенья и у родныхъ. Простились съ сосѣдями, простились съ родными. И повели ихъ на кладбище съ мертвецомъ закапывать.

И такъ и закопали равно вмѣстѣ—того мертвеца не живого, а этихъ живыхъ.

Здравствуй хозяинъ съ хозяйшкой,
На долгіе вѣки, на многія лѣта!

1912 г.

МІРСКІЯ ПРИТЧИ.

МУТЫ.

Ходила старуха за морошкой въ лѣсъ. Набрала старуха полный буракъ и заблудилась: ходить по лѣсу, выйти не можетъ. А Лѣшій-шишко—ему только того и надо,—радъ, что старуха домой попасть не можетъ, Лѣшій тутъ-какъ-тутъ.

И не въ старухѣ дѣло, въ старухѣ-то ему корысть не великая, а спасалось въ лѣсу два старца, двѣ избушки въ лѣсу стояло, стращали старцы прогнать Лѣшаго изъ лѣса, вотъ на нихъ и былъ у Лѣшаго зубъ.

И говоритъ Лѣшій-шишко старухѣ:

— Что, бабка, не можешь ли мѹты сдѣлать со старцемъ, смутить, значить, грѣхъ произвести?

Страсть напугалась старуха, инда дрожь на сердцѣ, на все готова старуха, и рада старуха на старости лѣтъ до конца своего хоть заячьей, хоть бѣличьей говядиной питаться, лѣшинымъ кушаньемъ любимымъ, только бы домой ей дойти.

— Ты, бабка, покличь старца, да щелкни его въ лысину, скажи: нá, другому оставь! Только и

всего. Я тебя, Оедоровна, домой сведу!—и пошелъ, будто куръ, пошелъ, не откликнется.

Дѣлать нечего, пошла старуха за Лѣшимъ, да къ избушкамъ и вышла, гдѣ старцы спасались.

— Отче, отворите окошко!—стучить старуха къ старцу.

Отворилъ старецъ окно, наклонился къ старухѣ, а она его шлепъ по лысинѣ:

— Нѣ, другому оставь!—и пошла прочь.

А старецъ не успѣлъ окна затворить, другой ужъ идетъ къ нему: слышалъ другой старецъ, что старуха-то сказала.

— Что,—говорить,—чего тебѣ дали?

— А не дали ничего.

— Да какъ же ничего, самъ слышалъ: оставь другому.

Поспорили. Дальше—больше, и такой грѣхъ вышелъ, переругались старцы, и ужъ въ чемъ только ни обвинили другъ друга, — и спасенье ихъ ни во что пошло, хоть опять въ дупло полѣзай, да сызнова всѣ грѣхи замаливай.

А старуху Лѣшій изъ лѣсу вывелъ, домой свелъ.

1912 г.

БЕРЕСТЯНЫЙ КЛУБЪ.

Жили на селѣ два старичка, Семень да Михайла, разумные старики-пріятели.

Косилъ старикъ Семень съ работникомъ сѣно, пришла пора обѣда, присѣлъ работникъ отдохнуть, а Семень за бересту принялся—работящій былъ старикъ, безъ дѣла не посидить, — бересту дралъ на клубъ, клубъ виль.

Идутъ полемъ люди.

— Богъ помощь, работнички, слышали, Михайлу-то нашего старика на дорогѣ убили.

— Какъ такъ — убили! — подскочилъ Семень, — экіе разбойники, убили!

И ужъ не можетъ старикъ бересту драть, бросилъ клубъ въ кошелку, забралъ кошелку, пошелъ домой съ поля.

Идетъ старикъ, не можетъ успокоиться, старика Михайлу вспоминаетъ.

— Разбойники, убили, злодѣи! — твердитъ старикъ, идетъ по полю, а изъ кошелки-то у него кровь.

Работники сзади шли, видятъ, изъ кошелки кровь бѣжить, да ужъ за старикомъ, не отстаютъ.

А онъ идетъ себѣ, словно и знать ничего не знаетъ, не обернется, такъ и идетъ. И пришелъ домой, бросилъ старикъ кошелку въ сѣни, самъ въ избу.

Тутъ работники къ кошелкѣ, да какъ откроютъ, а въ кошелкѣ—голова человѣчья.

— Ну, говорятъ,—это ты, крещеный, ты и убилъ Михайлу!—да за десятскимъ.

Пришелъ десятскій, пришли понятые, стали смотрѣть старикову кошелку: такъ и есть, лежитъ въ кошелкѣ голова человѣчья. Приложили печати, запечатали кошелку и посадили старика Семена въ темницу.

Долго и много сидѣлъ старикъ въ темницѣ.

„Не грѣшенъ, не убилъ никого!“—не повинился Семенъ, и на судѣ не повинился.

— Не грѣшенъ, не убилъ никого!

Принесли кошелку, распечатали, а тамъ — береста, одинъ лежитъ клубъ берестяной.

И вышло старику рѣшеніе: выпустить старика подъ наказаніе—не убилъ онъ, а за то, что за убійство другого осудилъ.

1912 г.

ЗА ОВЦУ.

1.

Сидѣли дѣвки у старика, у Тихона на вечеринкѣ. Задумали дѣвки складню сдѣлать — старику угощеніе, а старикъ пришепнулъ дѣвкамъ: чѣмъ сорить деньгами-то, лучше унести овцу у сосѣда.

Такой былъ старикъ ягатый.

А дѣвки что, дурья голова, не подумавши, выскочили которыя пошустрѣе, зашли безъ огня въ хлѣвъ къ сосѣду, овцѣ шапку наложили, чтобы не бляла, и унесли къ старику, къ Тихону.

Такой былъ старикъ ягатый.

Утромъ встаетъ хозяйка да въ хлѣвъ, — овецъ у ней было много, все бѣлыя, одна овца черная, — и какъ на грѣхъ той-то черной и нѣту. А мужъ у нея, сосѣдъ Тихона, по-вороньи жилъ, въ карты поигрывалъ, вино любилъ: баба-то на него и подумала. Раздосадовалась, вернулась баба въ избу, съ сердца пхнула мужа.

— Это ты, — говоритъ, — несчастный, ночью овцу унесъ, въ карты проигралъ.

— Нѣтъ,—говорить мужъ,—зернышкомъ виновать, каюсь, а овцу не трогалъ.

Такъ и повѣрить. Не трогалъ! Коли зерно носилъ продавать, такъ и овцу продалъ.

— У! несчастный, овцу укралъ! — клеветь мужика баба: досадно ей, за сердце беретъ.

И пришлось бѣднягѣ повиниться,—ничего не подѣлаешь, повинился, что съ зерномъ и овцу укралъ.

Тѣмъ это дѣло и кончилось. Остался виноватымъ невиноватый. А старикъ Тихонъ съѣлъ себѣ сосѣдскую овцу, ему и горя мало.

Такой былъ старикъ ягатый.

2.

Было у старика у Тихона три сына. Вотъ на утро меньшей Михайла пошелъ удить на море, гдѣ стоятъ перемѣты. Удилъ хорошо парень, да шутъ его знаетъ, повернулъ, да не въ ту сторону.

— Мишка, — кричатъ ребята, — не туда идешь, тамъ суха вода!

Не слышитъ Михайла, знай, идетъ себѣ.

Покричали, покричали, да и бросили. Думаютъ, такъ пошелъ.

Такъ и потерялся Михайла. И сколько его ни искали, и молебны-то служили, ничего не подѣйствовало.

А Михайла, какъ удилъ рыбу, задумался, тихій былъ такой парень, и привидѣлся ему старшій братъ Василій.

— Пойдемъ,—будто говорить Василій,—ты не въ ту сторону пошелъ.

И пошелъ Михайла за братомъ и все шель за братомъ, да вдругъ потерялся братъ: захохоталъ. И не знаетъ Михайла, какъ очутился онъ въ лѣсу, въ лѣсной избушкѣ.

Въ избѣ баба сидитъ и ребята незнакомые.

— Заблудился я,—говоритъ Михайла.

— Нѣтъ, не заблудился,—говоритъ баба,—тебя Лѣшій увелъ,

— А худо тутъ жить?—разспрашиваетъ Михайла.

— А какъ худо! Замучаетъ тебя Лѣшій работой. Кто съ огнемъ, не благословясь, ходитъ, да искрину уронить, тутъ Лѣшему охота пожаръ сдѣлать, вотъ и пошлетъ раздувать. Тяжело это у людей пожаръ раздувать.

И остался Михайла у Лѣшаго: попалъ, не уйдешь.

3.

О конецъ Филиппова заговѣнья потерялся Михайла, а весною передъ Пасхой выискалась одна старуха-ворожея, взялась старуха отыскать Михайлу: въ Христову ночь отыскать человѣка можно.

— Въ ту пору, какъ съ крестнымъ ходомъ пойдутъ,—толковала ворожея,—всякій покойникъ, всякій пропавшій къ родительскому двору придетъ и повалится къ крыльцу, нужно только, чтобы черезъ порогъ въ это время три раза перешагнула дѣвица въ цвѣту.

Да никто не нашелся, и были, да побоялись.

„Сами себя вѣдь уходимъ!“—побоялись.

И прошла Пасха. Годъ прошелъ, стали забывать Михайлу.

А тутъ опять передъ Святой появился на селѣ человѣкъ одинъ, съ Лѣшимъ знался. Зашелъ онъ къ старику къ Тихону.

— Я, — говоритъ, — твоего Михайлу знаю, у Лѣшаго живетъ на полуволокѣ, въ сторонѣ въ лѣсу, борода у него большущая... Надо тебѣ, такъ я свожу къ нему.

Ушелъ этотъ человѣкъ, что съ Лѣшимъ-то знается, старуха и говоритъ старику Тихону:

— Пойдемъ сына смотрѣть!

— Куда еще! Пускай тамъ живетъ въ лѣсу.

Такъ и отступился старикъ.

Дождались Святой, ушелъ старикъ въ церковь, а старуха сидѣла дома. И когда пошли кругомъ церкви, вдругъ въ избѣ какъ брякнетъ, стекла зазвенѣли.

4.

Обижался Михайла, что старики не пошли посмотрѣть его, обижался, что всѣ отступились отъ него. Хотѣлось Михайлѣ домой, хоть на часокъ побывать дома, съ людьми по-людски посидѣть. Опостылѣло ему у Лѣшаго въ работѣ жить.

Лѣшачиха-то сердечная баба, ее тоже, какъ Михайлу, Лѣшій увелъ; стало Лѣшачихѣ жалко Михайлу.

— Ты, — говоритъ, — Мишка несчастный, будетъ тебя Лѣшій ѣдой угощать, а ты и не ѣшь.

Вотъ вернулся домой Лѣшій, собрала ему Лѣшачиха ужинать, сталъ Лѣшій Михайлу потчивать.

А Михайла отказывается.

— Я, — говоритъ, — сытъ! — и не сѣлъ за столъ.

И самъ Лѣшій тоже не ѣстъ.

— Я тоже, — говоритъ, — сытъ, у бабъ нынче молокомъ наѣлся. Которая, не благословясь, выцѣдитъ, я все у той выпью, а потомъ плюну въ кринки-то — кринки опять полны сдѣлаются... люди все сѣдятъ.

И день не ѣстъ Михайла, и другой не ѣстъ, и на третій не ѣстъ, и какъ Лѣшій не потчуетъ, все отказывается.

А Лѣшачиха и говоритъ Лѣшему:

— Выведи ты этого парня. Эку бѣду привелъ, все жилъ хорошо, а теперь хлѣба не ѣстъ, брось ты его на старое мѣсто, не будетъ отъ него прока.

Ну, Лѣшій и послушался, сговорчивый, схватилъ Лѣшій парня и поволокъ изъ избушки, да у моря на старое мѣсто, гдѣ перемѣты стоятъ, тамъ и кинулъ.

Едва отошелъ Михайла, едва добрелъ до дома, до стариковъ. И за что несчастный такъ натерпѣлся! А старикъ и старуха признать сына не могутъ: почернѣлъ весь, борода большущая, и путно слова не скажетъ, сказать не можетъ, — три года вѣдь терпѣлъ, несчастный!

Едва признали старики сына. Тутъ и кончилось дѣло.

ГОСПОДЕНЪ ЗВОНЪ.

Жилъ одинъ старикъ въ лѣсу. А ушелъ старикъ въ лѣсъ, чтобы Богу угодить, Богу молиться. И много лѣтъ жилъ такъ старикъ въ лѣсу, все молился. И чѣмъ больше онъ молился, тѣмъ яснѣй ему было, что жизнь его угоднѣй становится Богу,— все онъ у Бога узнаетъ и въ святыя попадетъ. Такъ и жилъ старикъ.

Ну, и приходитъ къ старику, ужъ Господь его знаетъ какой, странникъ—калика проходящій.

— Богъ помощь, — говоритъ, — лѣсовой лежебочина!

А старику обидно:

— А какъ такъ я лежебочина, я Богу молюсь и тружусь, труды полагаю, потѣю!

— Потѣть-то потѣешь, — самъ улыбается странникъ, — а когда у Господа благовѣсть, къ обѣднѣ звонятъ и пора обѣда, чай, не знаешь! А вотъ на полѣ крестьянинъ благочестивый, тотъ знаетъ, — и пошелъ.

Ушелъ, ужъ Господь его знаетъ какой, стран-

никъ — калика проходящій, ушелъ, и остался старикъ одинъ и взялъ себѣ въ разумъ:

„Какъ же такъ, жилъ онъ столько лѣтъ въ лѣсу, въ лѣсѣ ушелъ, чтобы Богу угодить, молился, думалъ, что ужъ все у Бога знаетъ, въ святыя попалъ, а и того не знаетъ, когда къ Господней обѣднѣ благовѣстятъ?“

И рѣшилъ старикъ, итти ему на поле, искать того человѣка, который звонъ Господень слышитъ.

И вышелъ изъ лѣса, идетъ старикъ по полю и видитъ, мужикъ поле пашетъ.

— Богъ помощь! — подошелъ старикъ къ пахарю.

— Иди себѣ съ Богомъ, добрый человѣкъ! — поздоровался пахарь, а самъ, знай себѣ, пашетъ.

И хотѣлъ ужъ старикъ дальше итти: что съ такого возьмешь, такъ мужиченка корявый, — да присѣлъ на межу отдохнуть и раздумался.

Сидитъ старикъ на межѣ, молитву творитъ, а пахарь все пашетъ. И долго сидѣлъ такъ старикъ и, хоть корешками питался, о корешкахъ мысли пошли, а пахарь все пашетъ.

Терпѣлъ старикъ, терпѣлъ, всталъ.

— А обѣдалъ ли ты, добрый человѣкъ? — не вытерпѣлъ, всталъ старикъ.

— Какой тамъ обѣдъ, еще у Господа благовѣсть не идетъ! — отвѣтилъ пахарь, а самъ, знай, все пашетъ.

И опять присѣлъ старикъ на межу: и ужъ и голодъ забылъ и молитву не творитъ; сидитъ, ждетъ, слушаетъ, когда у Господа заблаговѣстятъ.

А пахарь допахалъ полосу, поставилъ лошадь, снялъ шапку, перекрестился.

— Ты чего, добрый человѣкъ, перекрестился?

— А вотъ благовѣстъ къ обѣднѣ начался, звонъ Господень, обѣдать пора,—сказалъ пахарь, вынулъ краюшку, присѣлъ закусить.

Слушаетъ старикъ, — ничего не слышитъ, слушаетъ, — никакого звону не слышитъ.

И долго стоялъ такъ старикъ и ничего не услышалъ. И ясно ему, этотъ пахарь, мужиченка корявый, больше его у Бога знаетъ.

И пошелъ старикъ назадъ въ лѣсъ и опять сталъ молиться, и домолился старикъ, въ святыя попалъ.

1911 г.

ЗОЛОТОЙ КАФТАНЪ.

Побирался старикъ нищій, драный, одинъ кафтанъ на плечахъ, да и тотъ весь въ заплатяхъ. Пришелъ нищій къ одному хозяину, милостыню просить. Подалъ хозяинъ нищему — добрый былъ человѣкъ, помогаль бѣднымъ. А нищій и ночевать просится. И ночевать пустилъ хозяинъ: какъ не пустить—хворый старикъ, и куда, на ночь глядя, итти такому, только что кафтанъ на плечахъ да и тотъ весь въ заплатяхъ. Ночью разнемогся нищій, къ утру не легче,—въ чемъ душа!—полежалъ и померъ.

Что хозяину дѣлать съ кафтаномъ, куда такое добро дѣвать: заплата на заплатѣ, грязный. Топилась печка, хозяинъ взялъ да и бросилъ кафтанъ въ огонь. Печка загасла.

„Ладно,—думаетъ,—брошу я его въ рѣку!“

Взялъ кафтанъ, пошелъ къ рѣчкѣ. А какъ сталъ топить, затопить-то и не можетъ: не идетъ кафтанъ ко дну и не уноситъ его никуда.

Вернулся хозяинъ домой.

„Дай, — думаетъ, — поразберусь, что за диковинное добро кафтанъ этотъ?“

А кафтанъ: заплата на заплатѣ, грязный, въ руки взять страшно.

Распоролъ онъ заплату, а ему на полъ деньги. И сколько онъ ни поролъ заплаты, изъ каждой заплатки ему деньги такъ и катятся. Напоролъ онъ денегъ вотъ столько! Сталъ считать, насчиталъ тысячу.

Цѣлая тысяча! Куда ему такія деньги? Не знаетъ хозяинъ, что ему дѣлать съ деньгами.

А случилось, проходилъ мимо дома калика проходящій, старичокъ мудрый,—и смотритъ и слушаетъ, мудрый. Онъ къ каликѣ, разсказалъ все, какъ было.

— Куда,—спрашиваетъ,—эти деньги?

— А ты,—говоритъ калика,—эти деньги возьми, сходи на рынокъ и купи свинью, и пока денегъ хватить, такъ все и корми ее.

Хозяинъ такъ и сдѣлалъ. Купилъ онъ свинью, сталъ кормить свинью. И годъ кормить, и другой кормить, и третій. И пока денегъ хватало, все кормилъ ее. Кончились деньги, больше кормить нечѣмъ, и опять онъ не знаетъ, что ему дѣлать.

Лежитъ свинья голодная, а онъ вокругъ свиньи ходитъ, не знаетъ, что ему со свиньей дѣлать. И видитъ, идетъ калика проходящій, старичокъ мудрый. Онъ къ каликѣ.

— Свинью кормить денегъ нѣтъ, больше кормить нечѣмъ!

— Такъ ты,—говоритъ калика,—выпусти свинью на улицу и ходи вслѣдъ за ней, карауль ее!

Хозяинъ такъ и сдѣлалъ. Выпустилъ свинью,

пошла свинья, и онъ за свиньей, куда свинья, туда и онъ. И день ходить, и другой ходить, и третій.

И пришла свинья на лугъ: такой широкій лугъ зеленый, посередкѣ рѣчка бѣжить, а по рѣчкѣ колесо катить огненное съ огнемъ, и въ колесѣ народъ, много народа сидитъ, и тотъ нищій сидитъ.

Свинья какъ вскочить и прямо въ рѣчку, въ колесо.

И все стерялось: ни рѣчки, ни луга, ни колеса, ни свиньи,—пустое поле. Пустымъ полемъ пошелъ хозяинъ домой одинъ безъ свиньи.

А ему навстрѣчу калика проходящій, старичокъ мудрый.

— Ну, что свинья?—спрашиваетъ калика, а самъ словно радъ чему-то.

Тотъ ему и рассказалъ все, какъ было.

— Вотъ, дитяtko, — сказалъ калика, — нищій-то ходилъ и просилъ, не работалъ, чужую копѣйку пряталъ, скопилъ денегъ, тысячу скопилъ, у другихъ отымалъ, трудовыя, горькія, и все сгорить, все взыщется. То намъ за грѣхи Господь даетъ!

ЧУЖАЯ ВИНА.

Жиль-быль прожиточный человекъ, большой хозяинъ. Семейный былъ человекъ: была у него жена, дѣти. Ладомъ жили, по хорошему: ни ссоры, ни крика, ничего такого. Ну, Иванъ все съ домомъ,—извѣстно, хозяинъ!—все Иванъ по дому въ заботахъ и хлопотахъ: некогда ему и на человека взглянуть, не только тамъ поговорить съ кѣмъ поближе,—все только дѣла, о дѣлахъ. А хозяйка, совсѣмъ не такая, она отъ своихъ урветъ, чужимъ дастъ, — сердечная была.

Пришелъ праздникъ: пошелъ Иванъ съ женой въ церковь, отстояли обѣдню, помолились Богу. Кто о чемъ, а Иванъ и къ Богу все съ дѣлами, все о хозяйствѣ просить у Бога. А вернулись изъ церкви, сѣли за столъ обѣдать.

Вотъ за обѣдомъ будто призаснулъ Иванъ, и показалось ему, что Успенье-Богородица, Царица Небесная, надъ столомъ стоитъ, и себя онъ будто видитъ, и жену хозяйку,—на женѣ золотой вѣнецъ.

Проснулся Иванъ и съ той поры взялъ онъ въ раздумье, что это у жены его вѣнецъ золотой, а у

него нѣтъ ничего? И сталъ онъ думать о своей жизни богатой, хлопотливой и заботливой, и чѣмъ больше думалъ, тѣмъ чаще говорилъ себѣ, что эта жизнь его, хлопотливая и богатая, не такая, не настоящая, за такую жизнь его не будетъ ему золотого вѣнца.

„Бросить богатство, бобылемъ жить, въ работники пойти!“—такъ рѣшилъ Иванъ.

И оставилъ Иванъ богатство свое, домъ, жену и дѣтей, все имъ оставилъ, все богатство свое, ничего себѣ не взялъ, въ чемъ былъ, въ томъ и ушелъ.

На сторонѣ нанялся Иванъ въ работники къ хозяину, всякую работу исполнять у хозяина. Полюбился Иванъ хозяину: все исполнялъ, вездѣ готовъ былъ, хоть въ воду, хоть, куда хочешь, пошли, вездѣ все справить. А хозяйка не влюбила его, взяла и наказала хозяину.

— Вотъ ты,—говорить,—держишь Ивана около года, а вотъ онъ наѣхалъ на меня, рубашку разорвалъ да сарафанъ, всю разорвалъ, до тѣла выщипалъ!

Позвалъ хозяинъ Ивана.

— Какъ же, Иванъ, такъ дѣлаешь?

А онъ взялъ да и повинился, будто и вправду согрѣшилъ,—на себя вину взялъ.

Разсердился хозяинъ на Ивана и посадилъ его въ наказаніе въ темное мѣсто, въ холодную клѣть. И выпускать не велѣлъ, такъ разсердился.

А Иванъ тамъ и померъ, въ темномъ-то мѣстѣ, безъ пищи, въ холодѣ—съ чужою виной на душѣ.

Померъ Иванъ.

И вотъ пошелъ ладанный духъ вездѣ по дому. Носится ладанный духъ по дому, по комнатамъ, и никто не домекнется, откуда такой духъ идетъ.

— Что это, — говорить хозяинъ, — откуда этотъ ладанный духъ у насъ? — и схватился, вспомнилъ Иванушку.

Тутъ повинилась хозяйка, да поздно: лежить Иванушка мертвый, святой человѣкъ.

1911 г.

ЧАЕМЫЙ ГОСТЬ.

Жилъ человекъ такой богатый, богатый, сядетъ за столъ, ѣсть-ѣсть, насилу съ мѣста встанетъ, такъ много всего.

Дружно, дородно, согласно жилъ богачъ съ семьею: жена—хозяйка хорошая, дѣти—все молодцы, заглядѣнье!—и сыновья, и дочери.

Съ бѣдняками богачъ не знался, нищаго брата не пускалъ къ себѣ. А жила у него въ домѣ больная тетка, по бѣдности держалъ старуху: старуха за душу его и молилась. И о душѣ, значить, помнилъ, все честь честью, набожный былъ хозяинъ.

Хозяйство—полная чаша. И за душу есть молебникъ. Чего еще? А захотѣлъ богачъ, чтобы самъ Богъ въ гости къ нему пришелъ. Вотъ и пошелъ онъ въ церковь Бога въ гости звать.

Велѣлъ богачъ постелить ковры отъ самаго дома до церкви, отслужилъ молебенъ, вернулся домой, сѣлъ у окна ждать. И до вечера прождалъ.

Не тутъ-то было, хоть бы кто-нибудь!

А въ ночь тетка больная старуха померла.

Ну и похоронили тетку, помянули старуху,—за

душу, вѣдь, молилась! А Бога все нѣтъ и нѣтъ,— не идетъ Богъ въ гости.

Въ день похоронъ вечеромъ приходитъ въ домъ нищій старичокъ. Просится нищій на ночлегъ пустить.

Не хотѣлъ богачъ пускать нищаго, да раздумался,—его и пустили. А старичокъ и воды просить напиться и поужинать, Христа ради. Дали нищему отъ ужина кость поглотать да въ клѣтушку, гдѣ померла тетка, и положили спать на ночь.

Ночь переночевалъ старичокъ, поблагодарилъ хозяевъ и пошелъ себѣ въ путь-дорогу.

А богачъ не унимается, нѣтъ-нѣтъ да въ окно и выглянетъ: все на дорогу смотрѣлъ, Бога смотрѣлъ, Бога въ гости ждалъ.

Не тутъ-то было, хоть бы кто-нибудь!

И ужъ который разъ, пождавъ понапрасну, легъ богачъ спать. И показалась ему ночью во снѣ покойница тетка. Бранить его тетка: зачѣмъ положилъ нищаго старичка въ ея душевной тѣсной клѣтушкѣ?

— Ходилъ ты въ церковь, — укоряла тетка, — звалъ Бога въ гости, ковры стелилъ, служилъ молебень, а Бога-то и проглядѣлъ! Чѣмъ старичка-то угостилъ? Кость старику, какъ собакѣ, бросилъ! А вѣдь это самъ Богъ у тебя былъ, самъ Богъ приходилъ къ тебѣ въ гости.

Пробудился богачъ, затужилъ, расплакался, что худо такого гостя принялъ. Да ужъ нечего дѣлать, одно остается: догнать старика, вернуть и все поправить.

И пошелъ богачъ искать нищаго—гостя своего, и вездѣ спрашивалъ о немъ, не видалъ ли кто?

— Не видали,—говорятъ ему.

Никто не видалъ нищаго. А богачъ не унижается, дальше идетъ, дальше отъ дома, все спрашиваетъ о своемъ гостѣ. Да такъ и покинулъ богачъ домъ, семью и богатство, больше не вернулся домой.

1910 г.

ПАСХАЛЬНЫЙ ОГОНЬ.

Жилъ человекъ такой бѣдный, бѣдный, а просить стыдно было. Другой разъ цѣлый день ѣсть нечего... нѣтъ ни кусочка, ну, да какъ-нибудь перетерпѣть и никому ни слова. Все бѣднякъ молчкомъ сносилъ. Да и лучше такъ-то помалкивать въ бѣдѣ. Есть кому съ тобой управляться! И кому охота? У всякаго свое дѣло, свои заботы,—всякъ о себѣ подумай! Видно, ужъ Господь такъ устроилъ.

Подошла Христова ночь, а у бѣдняка и огня нѣтъ, нечѣмъ бѣдняку печку затопить. Какъ тутъ сдѣлаться? Крѣпился бѣднякъ, крѣпился, и не совладалъ съ собою: ужъ очень пріунылъ и запечалился. Пошелъ онъ по сосѣдямъ кланяться. И никто не даетъ огня. И ходилъ бѣднякъ изъ дома въ домъ. И никто ему не далъ огня.

Ужъ наступила Христова ночь, въ колоколъ ударили, вошелъ бѣднякъ въ послѣднюю избу.

Топится печь въ избѣ, на лавкѣ покойникъ лежитъ, больше никого нѣтъ.

Помолился бѣднякъ, присѣлъ на лавку. И такъ

ему вдругъ горько стало, обидно стало,—сталъ онъ будить покойника, съ мертвецомъ разговаривать.

И поднялся покойникъ:

— Чтò надо?

Просить бѣднякъ огня дать.

Всталъ покойникъ, пошелъ къ печкѣ, зачерпнулъ ковшъ углей, подалъ ковшъ, сказалъ:

— Домой придешь, на столъ стряхни!—и опять на лавку легъ.

А ужъ бѣднякъ вотъ какъ радъ, сказать невозможно, ухватилъ ковшъ да бѣгомъ за дверь, давай Богъ ноги.

Прибѣжалъ онъ въ избу къ себѣ, вытряхнулъ угли на столъ, какъ велѣлъ покойникъ.

И вдругъ освѣтилась изба свѣтомъ-огнемъ, а въ свѣтъ-огнѣ стало золото, полонъ столъ—все золото.

На утро узнали сосѣди. Всѣ сосѣди пришли къ бѣдняку — завидно имъ: пришли спросить, откуда взялось у него столько богатства.

— Это онъ все далъ! — и рассказалъ бѣднякъ, какъ въ Христову ночь въ послѣдней избѣ пробудился покойникъ и далъ огня, а изъ огня золото стало.

Къ ночи со всѣхъ дворовъ собрался народъ всѣмъ міромъ итти за огнемъ въ мертвецкую избу.

Окружили лавку — топилась въ избѣ печь, на лавкѣ покойникъ лежалъ,—всѣмъ міромъ стали будить мертвеца.

И поднялся покойникъ:

— Чтò надо?

— Дай огня!

Всталъ покойникъ, пошелъ къ печкѣ, зачерпнулъ ковшъ углей, подалъ ковшъ, сказалъ:

— На середкѣ деревни не трясите, а придете домой, на середку избы положите!—и опять на лавку легъ.

Ухватилъ каждый по угольку да скорѣе домой,—въ ладоняхъ несъ, чтобы добро не обронить.

И какъ наказывалъ покойникъ, положилъ каждый себѣ уголекъ на середку избы.

И вдругъ освѣтились избы свѣтомъ-огнемъ, поняло стѣны огнемъ — бросилось полымя, и начался пожаръ, та какой страшный, все до тла выгорѣло.

Я не сказку сказываю, а правду.

1910 г.

РЫБОВЫ ГОЛОВЫ.

Жилъ-былъ старикъ со старухой. Жили они бѣдно. Ну, гдѣ старикамъ достать богатства!—и годы не тѣ, и работа не та, такъ кое-чѣмъ промышляли. А былъ у нихъ внученокъ Петька. Внученка старики очень любили.

— Петька да Петька! — только и сказъ у стариковъ, что про Петьку.

Да еще была у старика, кромѣ Петьки, другая еще забота: прослышалъ старикъ на свое горе, будто гдѣ-то у озера спрятанъ кладъ—золото. Головы рѣшиться, а достать ему кладъ-золото!

Помалкивалъ старикъ о кладѣ, никому ни полслова, ни старухѣ, ни Петькѣ. И чуть выдастся случай, такъ тайкомъ къ озеру и идетъ, и копаетъ. И много годовъ ходилъ старикъ къ озеру, копалъ, искалъ кладъ, но кладъ все не показывался.

Разъ пошелъ старикъ копать, — мѣстечко такое облюбовалъ вѣрное и надежное,—копаетъ себѣ да на руки поплевываетъ. И вдругъ слышитъ голосъ:

— Что ты, старикъ, трудишься и стараешься

понапрасну! кладъ будетъ твой, дай мнѣ только голову.

Выронилъ старикъ заступъ, почесалъ въ головѣ: не знай радоваться, не знай пугаться.

„Какую голову? Чью голову?“

Пошелъ старикъ домой, все думаетъ. Кромѣ старухи да внученка, нѣтъ у него никого. Ужъ не свою же отдать голову? Думалъ, думалъ старикъ и рѣшилъ: отдастъ онъ Петькину голову. Сколько вѣдь годовъ трудился онъ на старости лѣтъ, и вотъ показался кладъ. И стоитъ ли ему изъ-за какой-то головы добро упускать? А сколько, поди, скрыто тамъ всякаго золота, и все это золото его! Конечно, отдастъ онъ Петькину голову.

„Петька—несмышлёный мальченка, дитё, прямо на небеса угодить!“

Пришелъ старикъ домой, говорить старухѣ:

— Испеки мнѣ, старуха, рыбничекъ, я съ Петькой пойду завтра на озеро рыбу удить.

На утро испекла старуха рыбникъ, забралъ старикъ пирогъ, снасти, удочки, и отправился съ Петькой къ озеру, къ тому самому мѣсту, гдѣ кладъ былъ скрытъ.

Идутъ они къ озеру, — старикъ позади, Петька впереди. Быстрый мальченка: то съ птичками по птичьему примется разговаривать, то на куньи лапочки станетъ и не угнаться куницѣ самой! Ну, такой быстрый, какъ искрина.

И жалко старику внученка, да и кладъ-то надо достать.

Пришли они къ озеру, вздумалось старику заку-

силь. Съли на камушекъ, разломилъ старикъ рыбникъ, далъ кусокъ внученку, и принялись за ѣду. Въ рыбникѣ рыбки были все мелкія, ну Петька такъ съ косточками и уписываетъ, а старикъ отвертываетъ головы и кидаетъ ихъ въ сторону.

„Экая дура старуха,—думаетъ старикъ,—со слѣпу мелкоту какую наклала, весь рыбничекъ испортила! Подзакушу да и покончу съ мальченкой.“

И вдругъ слышитъ знакомый голосъ:

— Довольно мнѣ, старикъ, твоихъ головъ, бери кладъ и иди домой!

Косточкой чуть не подавился, такъ обрадовался старикъ, да скорѣе копать. А изъ земли на томъ самомъ мѣстѣ ужъ во какой котелище торчитъ, а въ котлѣ полно золота. Забралъ старикъ золото да къ старухѣ домой.

Вотъ онѣ какія, головы рыбы!

1911 г.

ОСЛИНЫЯ УШИ.

Быль у одного царя слуга. Силой звали слугу. И служилъ Сила царю вѣрою и правдой. Мастеръ на всѣ руки, гораздъ городить небылицы, умѣлъ Сила держать языкъ за зубами,—ловкій. А за то и царь любилъ Силу, всюду таскалъ съ собою и награждалъ всякій день золотыми медалями.

Случилось однажды, сталъ царь по утру квасомъ себѣ волосы примачивать, провелъ рукою по волосамъ—хватъ, а уши-то ослиныя.

Сейчасъ къ зеркалу: такъ и есть, они самыя, ослиныя.

Вотъ грѣхъ: за одну ночь такія выросли, ослиныя!

И наказываетъ царь слугѣ строго:

— Не говори ты никому, не выноси въ люди.

А Сила ужъ такой—могила; Сила отцу родному ни полслова.

Запирталъ царь уши подъ корону и сталъ себѣ царствовать, какъ ни въ чемъ не бывало.

Хорошо. Терпѣлъ Сила, терпѣлъ, никому не заикнется, а ужъ страсть хочется: и во снѣ-то они

одни только и снятся и средь бѣла дня мерещатся эти самыя уши.

И стало Силѣ больше не въ мочь, выскочилъ онъ изъ дворца да прямо на улицу къ дорогѣ, гдѣ гуляютъ. Возлѣ дороги разгребъ землю, припалъ къ землѣ.

— Есть,—говорить,—у царя ослиныя уши, выросли, а никто не знаетъ.

Сказалъ да бѣгомъ назадъ. И такъ легко и такъ ему весело, словно камень свалился съ плечъ.

Царь слугой не нахвалится: ужъ такого ни за какія деньги не купишь—Сила слуга вѣрный.

И попрежнему всюду царь таскалъ Силу съ собою и награждалъ всякій день золотыми медалями.

Хорошо. А на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Сила съ землею разговаривалъ, выросло изъ ямки деревцо—береза. Ну, и поѣхалъ однажды царь со слугою прогуляться. Ъдутъ они по дорогѣ, а эта береза царю-то и кланяется.

— Есть,—говорить,—у царя ослиныя уши!

Царь въ тупикъ.

— Поставь,—говорить слугѣ,—коня у березы!—а самъ тихонько спрашиваетъ: — что березка - то кланяется?

Тутъ Сила видитъ, дѣло плохо, да царю въ ноги.

— Терпѣлъ, я терпѣлъ, да не вытерпѣлъ, землю разгребъ и шепнулъ, что у царя ослиныя уши. А вотъ выросла березка и объясняется.

— Ну,—говорить царь,—ужъ если мать-земля не могла выдержать, то гдѣ же крещеному! Что въ лобъ, то по лбу.

1909 г.

МЫШОНОКЪ.

Жиль-быль старикъ со старухой и такіе богомольные, что не только ни одной службы не пропустятъ, а другой разъ и нѣтъ ничего, а пойдутъ, хоть такъ потолкаться около церкви. И всѣ старика и старуху почитали и всякому въ примѣръ ихъ ставили.

Вышли они разъ отъ обѣдни — дѣло было въ престольный праздникъ — и идутъ себѣ домой къ пирогу поспѣть: старуха-то, старикова жена, такіе пироги пекла — оближешься. Глядятъ, а какой-то старичокъ ходитъ, крещеныхъ на обѣдъ зоветъ.

— Вотъ ихъ зовутъ, а насъ нѣтъ, — говоритъ старику старуха, — коли бы насъ позвали, мы бы посмотрѣли, какія кушанья.

А тотъ старичокъ подходитъ къ нимъ и ихъ тоже зоветъ. Они и пошли. Приходятъ къ старичку, а за столомъ полно, некуда сѣсть.

Хозяинъ говоритъ:

— Что, старички, видно, послѣ пообѣдаете вы, не взыщите!

Ну, что подѣлаешь: подождать придется, некуда сѣсть.

Наѣлись гости, поблагодарили и ушли. Тутъ хозяинъ посадилъ старика и старуху, а самъ приноситъ миску, поставилъ миску на столъ, приподнялъ крышку и опять закрылъ, — они-то не видѣли, что онъ положилъ, а я вотъ скажу: мышонка,—и вышелъ.

А старуха говоритъ старику:

— Дай-ка посмотримъ, ужъ вѣрно очень вкусное.

— Давай, старуха!

Да какъ приподняли крышку: посмотрѣть, страсть хочется, что тамъ въ мискѣ, а оно оттуда что-то—птичка али что—вылетѣло, болѣе тамъ и нѣтъ ничего.

Вернулся хозяинъ. Вышли изъ-за стола старикъ и старуха, благодарятъ, что накормилъ обѣдомъ, да по домамъ.

А тамъ и свое пропало: старухинъ пирогъ давно сгорѣлъ въ печкѣ!

Старикъ на старуху, старуха на старика, одинъ на другого: языкомъ закусивши не больно сытно. Экій мышонокъ!

1909 г.

ЛЕВЪ-ЗВѢРЬ.

Бхалъ богатырь по чистому полю, конь у него и издохъ. И пошелъ богатырь пѣшкомъ на своихъ на двоихъ. Видитъ богатырь, на дорогѣ дерутся Змѣя и Левъ-звѣрь, разбродили землю и ни который побить не можетъ.

— Эй, богатырь, — кричитъ Змѣя, — пособи мнѣ Льва-звѣря побѣдить!

— Эй, богатырь, — реветъ Левъ-звѣрь, — пособи мнѣ Змѣю побѣдить!

Подумалъ, подумалъ богатырь и рѣшилъ заступиться за Льва-звѣря. „Змѣя змѣей и будетъ, нечего отъ нея ждать мнѣ!“

И пособилъ богатырь Льву-звѣрю.

Бросилъ Левъ-звѣрь Змѣю на землю, разорвалъ ее на-двое. Убили Змѣю.

Левъ-звѣрь спрашиваетъ богатыря:

— Чтò тебѣ, богатырь, за услугу хочется?

— У меня коня нѣтъ, — говоритъ богатырь, — а пѣшкомъ я на своихъ на двоихъ не привыкъ ходить, подвези меня до города.

— Садись да, знай, держись крѣпче, — согласился Левъ-звѣрь.

Сѣлъ богатырь на Льва-звѣря, и побѣжалъ Левъ-звѣрь по чистому полю, по темному лѣсу, — гдѣ высоки горы, гдѣ глубоки ручьи, — все черезъ катить.

Выбѣжалъ Левъ-звѣрь на зеленые луга и у заставы сталъ.

— Никому не сказывай, что на Львѣ-звѣрѣ ѣхалъ, — говоритъ Левъ-звѣрь, — не то съѣмъ. Я самъ — царь! На себѣ возить мнѣ людей невозможно. Я тогда и царемъ не буду.

И пошелъ Левъ-звѣрь въ чистое поле, а богатырь въ городъ.

Пришелъ богатырь къ товарищамъ, а тѣ надъ нимъ смѣются, что пѣшкомъ ходить.

Богатырь отпираться:

— Конь, — говоритъ, — издохъ.

А потомъ какъ выпилъ, да сталъ пьянъ-веселъ, и рассказалъ, какъ было: какъ онъ на самомъ Львѣ-звѣрѣ пріѣхалъ.

Посидѣлъ богатырь съ товарищами и пошелъ себѣ коня искать.

И только это вышелъ онъ за городъ, а Левъ-звѣрь тутъ-какъ-тутъ: бѣжитъ Левъ-звѣрь къ богатырю, пасть открыта, зубы оскалилъ.

— Зачѣмъ ты, — говоритъ, — похвасталъ, что на мнѣ ѣхалъ? Говорилъ я тебѣ, ты не послушалъ, — съѣмъ!

— Извини, — говоритъ богатырь, — я тобою не хвасталъ.

— Какъ такъ не хвасталъ! Да ты же говорилъ, что на Левъ-звѣрь ѣхалъ.

— Нѣтъ, Левъ-звѣрь, говорилъ да не я, хмель говорилъ.

— Какой хмель?

— А вотъ попробуй, такъ и самъ увидишь.

Левъ-звѣрь согласился.

Выкатилъ богатырь вина три бочки сороковыхъ.

Левъ-звѣрь бочку выпилъ, другую выпилъ, а изъ третьей только попробовалъ, и сталъ пьянь: ужъ бѣгалъ, бѣгалъ, упалъ и заснулъ.

А богатырь, пока Левъ-звѣрь спалъ, вкопалъ въ землю столбъ да туда на самую вышку и поднялъ Льва-звѣря.

Проснулся Левъ-звѣрь, очухался,—диву дается: и какъ это его угораздило на такую высоту подняться, а главное дѣло—спуститься не можетъ.

— Вишь ты, хмель-то куда тебя занесъ!—говорить богатырь,—что, узналъ теперь, каковъ этотъ хмель?

— Узналъ, узналъ,—сдается на все Левъ-звѣрь,—только спусти, пожалуйста, а то чего добраго еще сорвусь да и неловко: народу сколько!

Снялъ богатырь Льва-звѣря, и побѣжалъ Левъ-звѣрь въ чистое поле: будетъ хмель помнить,—срамъ-то какой!

1909 г.

ГОРЕ ЗЛОСЧАСТНОЕ.

1.

Жили два брата, одинъ бѣдный братъ, другой богатый. Бѣднаго звали Иваномъ, богатаго—Степаномъ.

У богатаго Степана родился сынъ. Позвалъ Степанъ на крестины знакомыхъ, пріятелей, да и бѣднаго брата не забылъ, позвалъ и Ивана.

Справили честь-честью крестины, напились, наѣлись гости, пьяны всѣ, веселы, всѣ довольны.

Напился и братъ Иванъ; идетъ Иванъ домой пьяный отъ Степана, пьяный, затянулъ бѣднякъ пѣсню. Поетъ пѣсню, знать ничего не хочетъ, не желаетъ, и вдругъ слышитъ, ровно ему подпѣваетъ кто тоненько, да такъ, тоненькимъ голоскомъ, да и жалобно такъ, что дитѣ.

Оборвалъ Иванъ пѣсню, сталъ, прислушался.

Да нѣтъ, ничего не слышитъ, нѣтъ никого,—или и тотъ замолчалъ?

— Кто тамъ?—окликнулъ бѣднякъ.

— Я.

— Кто „я“?

— Нужда твоя, горе,—горе злосчастное.

Затарасился Иванъ, хватъ—стоитъ... старушонка стоитъ, крохотная, отъ земли не видать, сморщенная, ой, сѣрая, въ лохмотьяхъ, рваная, да плаксивая, жалость беретъ.

— Ну, чего?—посмотрѣлъ Иванъ, посмотрѣлъ,—чего тебѣ зря топтаться, садись ко мнѣ въ карманъ, домой унесу.

Закивала старушонка, заморгала, ощерилась,—обрадовалась!—да въ карманъ Ивану скокъ и вскочила, да на самое дно.

Тутъ Иванъ захватилъ рукой карманъ, перевязалъ покрѣпче...

— Не выскочить!—и пошелъ и пошелъ, пѣсню запѣлъ.

Поетъ пѣсню Иванъ — пьянымъ-пьяно-пьянъ, и она въ карманѣ его тамъ, старушонка тощая, нужда его, горе его, горе злосчастное—и тепло же ей, и покойно ей—въ карманѣ его тамъ подпѣваетъ ему тоненько, да такъ, тоненькимъ голоскомъ, жалобно такъ, что дитѣ.

Еле-еле дотащился до дому Иванъ, развезло, разморило его, и прямо завалился спать, захрапѣлъ и забылъ все, все таковское, горе свое злосчастное, нужду.

А она сидитъ у него,—она ничего не забыла, она никогда ничего не забудетъ,—согрѣлась въ теплушкѣ, старушонка дырявая, согрѣлась, морщинки расправляетъ, щерится: погулять ей завтра, попотѣ-

шиться, развеселить она товарища пьянчужку пьяницу, бѣднягу своего злосчастнаго.

— Миленькій! Миленькій мой, ау!—щерится, лезбитъ паскудная.

Очухался на утро Иванъ, поднялся, да какъ вспомнить про вчерашнюю находку свою, что въ карманѣ сидитъ за узломъ, и скорѣе на выдумки: какъ бы такъ изловчиться, отъ товарища отъ таковаго навсегда избавиться.

Думалъ себѣ, думалъ Иванъ и надумался.

Досталъ бѣднякъ дерева, взялся дѣлать гробикъ.

— Что это ты дѣлаешь?—увидала, спрашиваетъ жена.

— Молчи, нужду поймалъ, злосчастье наше, а схоронимъ нужду, заживемъ хорошо.

И сдѣлалъ Иванъ гробикъ, выстлалъ гробикъ соломой, развязалъ карманъ, запустилъ тихонько руку, поймалъ старушонку, поймалъ да въ гробикъ ее на сѣно.

— Ничего, бабушка, ничего, тутъ поспокойнѣе будетъ...—да хлопъ крышку, прижалъ кулакомъ.

А жена ужъ и гвоздики держитъ.

И забили вмѣстѣ гробикъ—горе, злосчастье свое, нужду: ей теперь совсѣмъ покойно, и!—никто тебя въ гробу не тронетъ.

Завязалъ Иванъ въ платокъ гробикъ, подхватилъ подъ мышку и на кладбище, тамъ вырылъ могилку у дядиной могилы, опустилъ гробикъ, закопалъ могилу и домой налегкѣ.

„Баба съ воза, кобылѣ легче! Довольно, помыкался, будетъ ужъ, много я обидѣ стерпѣлъ, ну, вотъ

и избылъ нужду, теперъ повалить мнѣ счастье!“—идеть Иванъ съ кладбища, свистить, самъ съ собой разговариваетъ и легко ему, способно итти—нѣтъ горя злосчастнаго, нѣтъ нужды, въ могилѣ старая, не выскочить, не пристанеть старушонка плаксивая,—глядь, а на дорогѣ что-то поблескиваетъ.

Нагнулся Иванъ,—а на землѣ золотой, сто рублей—золотой.

Вотъ оно гдѣ счастье!

Поднялъ Иванъ золотой и прямымъ путемъ на ярмарку, купилъ себѣ корову, купилъ коня и ужъ съ коровой и конемъ въ домъ—къ женѣ съ гостинцами.

И зажилъ Иванъ хорошо—копѣйка къ копѣйкѣ идетъ. Сталъ Иванъ деньгу наживать. И сдѣлался скоро богатымъ, богатѣй своего брата богатаго Степана.

2.

Слышитъ богатый братъ Степанъ, что перемѣна въ дѣлахъ у брата, и позавидовалъ Степанъ Ивану.

Пришелъ Степанъ въ гости къ брату, говоритъ Ивану:

— Давно ли ты, Иванъ, жилъ бѣдно? Объясни мнѣ, сдѣлай милость, отчего все такъ вышло, ты лучше меня зажилъ?

А Иванъ—теперь ему легко безъ нужды, осматриваться-то нечего, ему и невдомѣкъ совсѣмъ, что на мысляхъ у брата, да все начистоту брату и выложилъ о старушонкѣ, о бывшемъ горѣ своемъ

злосчастномъ, о нуждѣ, которую заколотилъ въ гробъ накрѣпко.

— У могилы дядиной на кладбищѣ могилу выкопалъ, похоронилъ старушонку, не вылѣзеть!—весело, беззаботно говорилъ Иванъ Степану.

Слушалъ Степанъ счастливаго брата, ничего не сказалъ и пошелъ, не домой пошелъ, а на кладбище, къ могилѣ дядиной. И тамъ, на кладбищѣ, откопалъ гробикъ старухинъ, крышку открылъ, выпустилъ старуху.

— Поди,—говорить,—бабушка, на старое мѣсто къ брату Ивану.

А она, ой, исхудала какъ, еще жальче стала, чернѣе еще, всѣ-то волосы повылѣзли—одинъ голый толкачикъ торчитъ, вся одежда сотлѣла...

— Не пойду я къ Ивану,—пищитъ старушонка, ежится,—еще сшутить шутку Иванъ, шалый! Въ гробу-то лежать не сладко: не повернись, не подожмись, отлежала всю спину, руки-ноги омлѣли. Ты, Степанъ, ты добрый, ты меня ископалъ на волю, пойду-ка я къ тебѣ, Иванычъ! — да на плечи къ Степану какъ вскочить.

Степанъ заступъ на земь, бѣжать, бѣжить съ кладбища, а она на плечахъ у него, старушонка лысая пищитъ ему въ уши:

— Ты добрый, Иванычъ, кормилецъ, освободилъ ты меня изъ ямы, вывелъ на волю, на свѣтъ Божій, ужъ отдышусь у тебя, поправлюсь и заживемъ, эхъ, Иванычъ, дружно, милый, Степанъ Иванычъ, миленькій, миленькій мой, ау!

Безъ ума вломился Степанъ къ себѣ въ избу,

трясать головой. А старушонка скокъ съ плечъ да на печку, съ печки за печку, въ тараканью норку забилась, сидить—у! проклятая!—дышитъ.

— Я тутъ, — пищитъ старушонка, — здравствуй, Иванычъ!

Степанъ туда-сюда, а нѣтъ ея нигдѣ, нѣтъ старушонки, не видитъ. Разказалъ женѣ, вмѣстѣ искать принялись, шарили, шарили и такъ и съ огнемъ, а нѣтъ нигдѣ старушонки.

Да, нѣтъ, конечно, нѣтъ старушонки.

Затушили огонь и спокойно легли спать.

А въ ночь сгорѣлъ домъ, и много денегъ пропало, едва сами выскочили, едва вынесли сына.

Вотъ она гдѣ бѣда!

Кое-какъ въ уцѣлѣвшемъ амбарѣ примостился Степанъ съ женою.

„Ну,—думаетъ, — теперь довольно, будетъ сыта, проклятая, эхъ, горе мое!“

А она и въ амбарѣ, ей у Степана вольготно, куда хочеть и деть: все выѣстъ, все на дымъ пустить, самъ откопалъ, самъ на свой вѣкъ несчастный.

Палъ у Степана конь, пала корова. Дальше да больше, все въ проводъ, все въ проводъ. Собралъ Степанъ послѣднія, оставались еще кое-какія деньжонки, да на послѣднія и купилъ коня. Безъ коня какое хозяйство, конь — первое дѣло. Купилъ Степанъ коня, а привелъ домой, кобыла оказалась.

Вотъ она гдѣ бѣда!

Заѣла Степана нужда, а съ нуждой пошла не-задача, вотъ куда зашла ему нужда!

„И зачѣмъ было выкапывать ее, старушонку,

нужду прожорливую, позавидоваль, на брата напустить хотѣлъ, позавидоваль, и что взялъ?

Вотъ она гдѣ бѣда!

3.

Приходить къ Степану братъ Иванъ:

— Что это, братъ Степанъ, что такъ бѣдно у тебя?

— Да что, братъ, бѣда: бѣда за бѣдой.

Пожалѣлъ Иванъ брата, потужилъ съ братомъ.

Пришло время домой уходить, сталъ прощаться Иванъ, а Степанъ ему въ ноги.

— Прости, — говоритъ, — меня грѣшнаго, выкопалъ я твою старушонку-нужду, хотѣлъ на тебя напустить, а она ко мнѣ пришла, позавидоваль я!

— Такъ вотъ отчего ты бѣденъ такъ!

— Забралась она въ домъ, и вездѣ прошла—и къ скоту и въ деньги, что подѣлаешь, прости меня, Иванъ!

Вынулъ Иванъ полный кошель, высыпалъ на столъ все до копѣйки и говоритъ:

— Деньги мои, а кошель твой будетъ, и хоть пустой, да не съ нуждой.

А она услышала, старушонка-то, горе, горе зло-счастное, нужда, да какъ выскочить изъ щелки да бухъ въ кошель.

— Я и здѣсь есть!—пищитъ,—я и здѣсь есть!

Тутъ Иванъ взялъ да концы у кошеля и задернулъ.

— Ты и тутъ есть, ну, такъ и сиди! — завязалъ концы крѣпко, привязалъ къ кошелю камень, да съ Богомъ на рѣчку.

Притащили братья кошель къ рѣчкѣ, тамъ пустили его на воду, и пошелъ кошель ко дну, потопили нужду-старушонку.

И зажили оба богато.

1912 г.

ГЛУ́МЫ.

СКОМОРОХЪ.

Царствовалъ царь на царствѣ, на ровномъ мѣстѣ, какъ сыръ на скатерти. Охотникъ былъ царь сказокъ послушать. И далъ царь по царству указъ, чтобы сказку сказали, которой никто не слыхивалъ:

„За то, кто скажетъ, полцарства отдамъ и царевну!“

Полцарства и царевну! Да этакой сказки сказать никто не находится.

А былъ у царя ухарецъ—большой скоморохъ,—плохи были дѣла, стали гнать скомороховъ,—и сидѣлъ скоморохъ съ голытьбой въ кабацѣ. Сидѣлъ скоморохъ въ кабацѣ, крестъ пропивалъ.

— Что жъ, Лексѣй, — говорятъ скомороху, — или не хочешь на царской дочкѣ жениться?—подымаютъ на смѣхъ, гогочутъ.

Подзадорили скомороха царской наградой: была не была, хоть въ шубѣ на рыбьемъ мѣху, да ужъ въ пору ему царю сказку сказывать.

Приходитъ изъ кабака скоморохъ къ царю во дворецъ, говоритъ царю:

— Ваше царское величество! Изволь меня напоить, накормить, я вамъ буду сказки сказывать.

Всполюшились царскіе слуги, собрались всѣ маляуты скурлатые, вышла и царская дочь — Лисава, царевна прекрасная.

Накормили скомороха, напоили, посадили на стуль.

— Сказывай, слушаю—сказалъ царь.

И сталъ скоморохъ сказки сказывать.

— А какъ былъ у меня батюшка — богатаго живота человекъ. И онъ соорилъ себѣ домъ, тамъ голуби по кровлѣ-шелому ходили, съ неба звѣзды клевали. У дома былъ дворъ, — отъ воротъ до воротъ лѣтомъ, долгимъ меженнымъ днемъ, голубь не могъ перелетывать!.. Слыхали ли такую сказку?

— Нѣтъ, не слыхалъ,—сказалъ царь.

— Не слыхали!—гаркнули скурлатые.

Потупилась царевна Лисава прекрасная.

— Ну, такъ это не сказка, а присказка: сказка будетъ завтра, по вечеру, — всталъ скоморохъ и ушелъ.

День не видали скомороха на улицѣ, не сидѣлъ скоморохъ въ кабацѣ, вечеромъ явился къ царю.

— Ваше царское величество! Изволь меня напоить, накормить, я вамъ буду сказки сказывать.

И опять собрались всѣ скурлатые, вышла и царевна, Лисава прекрасная.

Накормили скомороха, напоили, посадили на стуль.

— Сказывай, слушаю,—сказалъ царь.

И сталъ скоморохъ сказки сказывать.

— А какъ былъ у мена батюшка—богатаго живота человекъ. И онъ соорилъ себѣ домъ, тамъ голуби по крышѣ-шелому ходили, съ неба звѣзды клевали. У дома былъ дворъ,—отъ воротъ до воротъ лѣтомъ, долгимъ меженнымъ днемъ, голубь не могъ перелетывать. И на этомъ дворѣ былъ вырощенъ быкъ: на одномъ рогу сидѣлъ пастухъ, на другомъ—другой, въ трубы трубятъ и въ роги играютъ, а другъ другу лица не видно и голоса не слышно!.. Слыхали вы такую сказку?

— Нѣтъ, не слыхалъ,—сказалъ царь.

— Не слыхали!—гаркнули скурлатые.

Вспыхнула царевна Лисава прекрасная.

— Ну, и это не самая сказка, завтра будетъ настоящая!—шапку взялъ да и за дверь.

Видитъ царь, человекъ непутный, не полцарства жаль, жаль царевну Лисаву, и говоритъ своимъ слугамъ:

— Что мои, вѣрные слуги, малюты, а скажемъ, что сказку слыхали, и подпишемте.

— Слыхали, подпишемъ! — зашипѣли скурлаты.

Тутъ царскій писчикъ столбецъ настрочилъ, скрѣпилъ, и всѣ подписались, что слыхана сказка, всѣ ее слышали. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Съ утра сидѣлъ скоморохъ въ кабацкѣ, пить не пилъ, пьянъ безъ вина.

— Что жъ, Лексѣй,—подзадаривала голь,—полцарства и царскую дочь?

— Не допустятъ!—каркала кабацкая голь.

Въ третій разъ третьимъ вечеромъ приходитъ скоморохъ къ царю.

— Ваше царское величество! Изволь меня напоить-накормить, я вамъ буду сказки сказывать.

А ужъ скурлаты на своихъ мѣстахъ, задрали нось, брюхо выпятили: такъ и дадутъ они скомороху полцарства и царскую дочь, — хитерь скоморохъ, скурлатъ вдвое хитрѣй. Вышла и царская дочь Лисава, царевна прекрасная.

Накормили скомороха, напоили, посадили на стуль.

— Сказывай, слушаю,—сказалъ царь.

И сталъ скоморохъ сказки сказывать.

— А какъ былъ у меня батюшка—богатаго живота человекъ. И онъ соорилъ себѣ домъ, тамъ голуби по кровлѣ-шелому ходили, съ неба звѣзды клевали. У дома былъ дворъ, — отъ воротъ до воротъ, долгимъ меженнымъ днемъ, голубь не могъ перелетывать. И на этомъ дворѣ былъ выращенъ быкъ: на одномъ рогу сидѣлъ пастухъ, на другомъ— другой, въ трубы трубятъ и въ роги играютъ, а другъ другу лица не видно и голоса не слышно. И была еще на дворѣ кобылица: по трои жеребятъ въ сутки носила, все третьяковъ-трехгодовалыхъ. И жилъ онъ въ ту пору весьма богато. И ты, нашъ великій царь, занялъ у него сорокъ тысячъ денегъ. Слыхали ли такую сказку?

— Слыхалъ,—сказалъ царь.

— Слыхали!—гаркнули скурлатые.

— Слыхали?—сказалъ скоморохъ,—а, вѣдь, царь до сихъ поръ денегъ мнѣ не отдаетъ!

И видитъ царь, дѣло нехорошее: либо полцарства и царевну давай, либо сорокъ тысячъ денегъ

выкладывай. И велить скурлатамъ денегъ сундукъ притащить.

Притащили скурлаты сундукъ.

— Нà, бери,—сказалъ царь,—твое золото.

Поклонился скоморохъ царю, поклонился царевнѣ, поклонился народу.

— Не надо мнѣ золота, не надо и царства, дарю безъ отдарка!—и пошелъ въ кабакъ съ пѣснями.

А царевна Лисава прекрасная стоитъ бѣла, что березка бѣла.

Потихоньку, скоморохи, играйте.
Потихоньку, веселые, играйте,
У меня головушка болить,
У меня сердце щемить!

Вотъ и сказка вся.

1912 г.

ПЕСЬ-БОГАТЫРЬ.

Быль одинъ охотникъ—лѣсной человѣкъ.

Шайками на охоту не любилъ ходить охотникъ—быль у него вѣрный пѣсь, простое ружье. Благословилъ его ружьемъ лѣсникъ-колдунъ, какъ помирать пришелъ часъ старику, а пса разжился у знакомаго отъ злой сучки. И не мало заботъ ему было со псомъ: годъ растилъ щенка въ погребѣ, караулъ держалъ—пронюхали звѣри, что будетъ пѣсь-богатырь, и сколько подкапывались зубомъ къ погребу, утащить хотѣли пёсика, звѣрь это все понимаетъ!—уберегъ отъ звѣрей, и вышелъ пѣсь ему вѣрный, а злой—въ мать. Вѣрный пѣсь, простое ружье—куда хочешь, и ночью надѣжно.

Случилось охотнику подъ Егорьевъ день заночевать въ лѣсу. Подъ Егорьевъ день жутко въ лѣсу! Расклатъ онъ огонёкъ, давай на огнѣ сало печь, и слышитъ, голосъ въ лѣсу—такъ пастухъ днемъ скотину пасетъ, кнутомъ хлопаетъ, кнутомъ кто-то хлопаетъ, инда по лѣсу отголосокъ идетъ. Прислушался—кому бъ это быть?—а ужъ трескъ пошелъ и близко, все ближе къ огню.

И стали одинъ за другимъ выходить къ огню волки—подойдетъ волкъ и ляжетъ къ огню. Такъ и идутъ, и идутъ гужомъ, какъ скоть дружный, съ полдесятины кругомъ огня мѣсто заняли—все волки. А за сѣрыми пошли бѣлые—начальство волчиное. И съ бѣлыми на бѣломъ конѣ самъ Егорій.

— Добрый ночлегъ тебѣ, охотникъ! — сказалъ Егорій.

Догадался охотникъ, вѣрно, самъ Егорій на бѣломъ конѣ среди бѣлыхъ волковъ, по его повелѣнію и волки пришли, поклонился охотникъ Егорию.

— Вотъ вы, Храбрый Егорій, сказали: добрый ночлегъ мнѣ, — а думаю такъ, ненаровчатый этотъ попалъ мнѣ ночлегъ, съ роду мнѣ случая не было такого—по такому табуна волковъ видѣть.

— А не нужно было подъ Егорья ночевать на охотѣ! Мнѣ завтра праздникъ! — глядитъ Егорій строго.

Ну, охотникъ и замолчалъ, самъ понимаетъ, не нужно было ему въ лѣсъ ходить на охоту подъ такой праздникъ, противъ ничего не скажешь: провинился.

А пёсъ охотниковъ, Знайко, бурчить и бурчить.

— Да что твоему псу нѣту покоя, бурчить и бурчить?—строго глядитъ Егорій.

— Какой тутъ покой, вѣдь это все пёсьи губители, вотъ онъ и сердится! — потрепалъ охотникъ своего вѣрнаго пса.

— А были когда случаи, чтобы пёсъ твой съ волками боролся?—строго глядитъ Егорій.

— Какъ не бывать, случалось, штуки три и четыре

нападали на пса, да онъ имъ не поддавался, Знайко-то!—и стало не по себѣ охотнику, чуетъ,—лѣсной человѣкъ!—будетъ бѣда!

— А ну-ка, вели ему съ двумя моими волками побороться!—сказалъ Егорій.

И жалко охотнику пса и ничего не подѣлаешь, согласился,—перечить нельзя,—согласишься!

— Что жъ,—говорить,—пускай поборются.

Ну, Знайко долго съ волками не ворызгался,—у Знайки клыки вершка по три торчали, кроянуль пёсъ клыками одного волка и другого. Чуть живые побѣжали волки прочь отъ стану.

— Ишь, какой злой, знать, и пятерымъ не поддается!—и повелѣлъ Егорій пяти волкамъ со псомъ драться.

Пять волковъ напустились на Знайку, а Знайко еще ярѣй сталъ и сердитѣй, трехъ такъ и кончилъ, а двухъ перервалъ.

Семь ужъ звѣрей перерѣзано, семь волковъ, а псу ничего—ничего не вредилося.

— Десять волковъ напушу!

И по слову Егорія кинулись волки на Знайку, десять волковъ.

Да не тутъ-то, какъ пятерыхъ, такъ и этихъ, кончилъ пёсъ, а самъ невредимымъ остался.

— Нѣтъ, охотникъ,—сказалъ Егорій,—ужъ теперь и мнѣ своихъ звѣрей жалко, а связи-ка ты пса!

И связалъ охотникъ Знайку, послушаться не по-смѣлъ, связалъ охотникъ своего вѣрнаго пса: переднія ноги и заднія.

И тогда бросились волки на Знайку, стали грызть связаннаго пса и загрызли пса до смерти.

А сколько порѣзалъ пёсъ, сколько ранилъ волковъ, и вотъ покончили пса!

Загоревалъ охотникъ.

— Вы, — говоритъ, — святой угодникъ, а поступили незаконно, зачѣмъ приказали мнѣ связать моего пса!

— Правда, незаконно я поступилъ, — отвѣтилъ Егорій, — я за то тебя наказываю, что не долженъ ты былъ подъ мой праздникъ ночевать на охотѣ. Я надъ звѣрями пастырь — по моему повелѣнью рѣжутъ звѣри скотину. И вотъ я со своимъ стадомъ и настигъ тебя наказать.

Поднялись волки и пошли отъ огонька, одинъ за другимъ, пошли волки гужомъ, какъ скотъ дружный, а за сѣрыми бѣлые — начальство волчиное, и среди бѣлыхъ на бѣломъ конѣ отѣхалъ Егорій.

Остался въ лѣсу охотникъ. И прошла ночь, погасъ огонекъ, свѣтать стало. И пошелъ охотникъ домой, одинъ, безъ своего вѣрнаго пса.

Тоскливо было ему безъ своего вѣрнаго пса.

И приснился охотнику ночью его Знайко, будто говоритъ ему Знайко:

— Эхъ, хозяинъ, Михайло Михайлычъ, было бъ тебѣ не вязать мнѣ всѣхъ ногъ, не поддались бы мы и всему стаду Егорьеву, мы прошли бы лѣса всѣ, всѣ пущи, никакихъ звѣрей не боялись. Эхъ, хозяинъ!

Проснулся охотникъ, еще тоскливѣе стало: было бъ ему не вязать всѣхъ ногъ Знаикѣ!

— Эхъ, пёсь мой вѣрный!
Да такъ затосковалъ, такъ затосковалъ охотникъ,
что отъ тоски и померъ.

1912 г.

ЛЕТЧИКЪ.

Быль одинъ охотникъ Архипъ. Самъ сивый, лобъ бараній, усы котовы, а глазъ круглый-птичій. На звѣря и птицу слово зналъ.

И какъ выйдетъ, бывало, Архипъ съ ружьемъ въ поле либо въ лѣсъ,—помолится, поклонится, покурлычить, а ихъ ужъ видимо-невидимо звѣрей всякихъ и текутъ и брызжутъ и мечутся и скачутъ съ отцами, матерями, со всѣмъ родомъ-племенемъ, со всѣмъ заячьимъ причетомъ безоглядно, безразлично, безотмѣнно, безповоротно, шибко и прытко бѣлые, красные, черные, бурнастые, разношерстные, разнокопытные, рыси, росомахи, — весь подубравный звѣрь.

Глядь, ловушки и ставушки, тенѣта и опутины верхъ полны: тамъ который прилѣпился головкою, тамъ задѣлъ ножками либо хвостикомъ, а тамъ всѣмъ крыломъ влѣзъ.

Ельникъ, рѣчка, водотопина были Архипу въ честь и радость, и помогали ему, какъ свой братъ, подземныя жилы, тайные ключи, поточины.

Вотъ и сталъ раздумывать Архипъ, какъ бы ему

на небо попасть, поглазѣть на Божью небесную тварь—на солнце, луну, на мелки часты звѣзды и на планеты.

Поднялся Архипъ со свѣтомъ, помолился на восходъ красна солнца, на закатъ свѣтла мѣсяца, на тихую зарю утреннюю и вечернюю и пошелъ въ лѣсъ. Вырубилъ онъ лѣсину, сталъ строгать стружки. Строгалъ, строгалъ, настрогалъ большой костеръ, закрылъ его мокрою рогожею, зажегъ стружки. Загорѣлись стружки, Архипъ на рогожу сталъ: жаромъ его вверхъ подымать будетъ, онъ и полетитъ,—такъ держалъ въ умѣ Архипъ.

Его и стало подымать вверхъ на воздухъ, на вышнія небеса дальше и дальше. И летитъ ужъ онъ безъ шапки объ одномъ сапогѣ—перетерялъ дорогою, летитъ онъ, какъ стрѣла изъ тугого лука, какъ молнія изъ облачной гряды.

Летѣлъ, летѣлъ Архипъ, а какъ остановился да осмотрѣлся: земля-то въ родѣ Божьей коровки—такая она маленькая, не видать земли, вотъ на какую угодила Архипъ высоту!

Ну и ходитъ Архипъ по небесамъ. Туда ткнется, сюда сунется, народу никакого нѣтъ, и однѣ-то звѣзды надъ тихой водой, тихо чистыя теплются, поютъ божественное.

Прожилъ недѣлю Архипъ, скучно стало—земли не видать: безъ земли-то человѣку скучно!

И ходилъ онъ, ходилъ по небесамъ, нашелъ веревку и видитъ; много наложено ея на облакахъ и безъ всякаго присмотру.

Думаетъ себѣ:

„Свяжу веревку, спускать буду, до земли хватить!“

Спустилъ онъ всю веревку, привязалъ за дерево—большое стояло, безъ корня, безъ листьевъ, а дерево—и сталъ спускаться.

Спускался онъ, спускался, и такой вышелъ грѣхъ: кончилась веревка,—на полверсты не хватаетъ, не больше.

А вѣтеръ свистить, качаетъ, носить его надъ долиною, носить его надъ горами. Понесетъ надъ долиною,—всѣ города, всѣ деревни видны. И кричить Архипъ, да кому услышать, а и услышать, чай, за ворону примутъ!

Вотъ несетъ его вѣтеръ надъ гладкимъ мѣстомъ.

„Развяжу-ка я узелъ!—думаетъ Архипъ: летавши-то измызгаешься, и не такое въ голову полѣзетъ.

И развязалъ: только уши запѣли.

И угодилъ Архипъ прямо въ дряпъ по грудь и съ руками,—вылѣзть не можетъ.

Прокатилось время весеннее, налетѣли разныя птицы, прилетѣлъ и лебедь. Видитъ лебедь на болотѣ сѣно, а у лебедя извѣстно: гдѣ бы ни нашелъ онъ кусочекъ, тутъ и гнѣздо дѣлать. Принесъ лебедь съ берега землицы, огладилъ лапками кочку—Архиповы-то волосья лебедь за кочку принялъ!—яйцо положилъ, другое, третье и началъ пѣрить.

А волкъ-волчище ужъ чуетъ лебяжье гнѣздо, только попасть не можетъ. Подкараулилъ волкъ, когда лебедя не было, яйца лебяжьи съѣлъ, гнѣздо разворотилъ и разсѣлся отдохнуть, сѣрый.

Архипъ какъ зубомъ цапъ его за хвостъ, а

волкъ какъ прыгнетъ, — изъ дряпа Архипа и выдернулъ.

Такъ Архипъ и вышелъ.

— Нѣтъ, ребята, — сказываетъ, — не нужно на небо летать!

И съ тѣхъ поръ, словно на смѣхъ, какъ прикатится весеннее время, глядь, а ужъ который-нибудь охотникъ рубить лѣсину, строгаешь стружки, раздуваетъ костеръ, тяпъ-да-ляпъ—полетѣлъ!

Конечно, безъ земли человѣку скучно, да охота пуще неволи: хочется поглазѣть человѣку на Божью небесную тварь—на солнце, луну, на мелки часты звѣзды и на планеты.

1910 г.

МУЖИКЪ-МЕДВѢДЬ.

Жилъ въ лѣсу лѣсникъ, стояла у лѣсника въ лѣсу избушка. Днемъ лѣсникъ въ лѣсу ходилъ, вечеромъ на ночлегъ въ избушкѣ хоронился. Мѣсто было глухое: ни дороги, ни пути, да и не заходилъ никто въ такія дебри и чащи. И вотъ однажды приходитъ къ лѣснику медвѣдь и прямо, не спросясь, идетъ за печку и тамъ разсаживается, какъ свой.

Лѣсникъ не робкаго десятка, а струхнулъ не на шутку: стрѣлять не смѣетъ. А медвѣдь все сидитъ, не уходитъ. Сготовилъ лѣсникъ ужинъ, ѣсть захотѣлось. Поѣлъ самъ, далъ и медвѣдю, накормилъ медвѣдя. Легли спать. И спали ночь мирно.

По утру собирается лѣсникъ въ лѣсъ, а медвѣдь изъ избушки на волю. И опять лѣсникъ самъ заправился и медвѣдя попотчивалъ. Вышелъ медвѣдь изъ избушки, ничего не сказалъ, только поклонился лѣснику до земли низко. Одинъ пошелъ въ одну сторону, другой въ другую.

Въ крещенскую ярмарку пріѣхалъ лѣсникъ въ городъ. И вотъ одинъ богатый приказчикъ зазвалъ его въ трактиръ съ собою и ну угощать. И такъ

его угощалъ, что лѣсникъ отъ удовольствія даже имя свое крещеное запомнилъ.

И спрашиваетъ лѣсника приказчикъ:

— Можешь ли ты знать, за что я тебя угощаю?

— Не могу знать,—отвѣчалъ лѣсникъ.

Приказчикъ ему и говоритъ:

— А помнишь, какъ я у тебя ночь ночевалъ?

— Когда ты ночевалъ?

— А былъ ты въ своей избушкѣ въ лѣсу, и пришелъ къ тебѣ медвѣдь. Я самый и есть медвѣдь.

— Какъ такъ медвѣдь?

— Да такъ. Если бъ ты взялся тогда за ружье, я бы тебя съѣлъ. Три года, три весны ходилъ я въ шкурѣ медвѣдемъ, люди испортили, обернули меня медвѣдемъ.

Тутъ лѣсникъ чуть было ума не рѣшился, а потомъ ничего—отошелъ.

Вернулся лѣсникъ въ лѣсъ въ свою лѣсную избушку и сталъ себѣ жить да поживать здорово, хорошо и ужъ никого не боялся: заяцъ ли усатый забѣжитъ въ избушку, россомаха ли—всѣ за гостей, всѣ какъ свои, милости просимъ!

1909 г.

ЧУДЕСНЫЕ БАШМАЧКИ.

Жилъ-былъ царь и царица, и была у нихъ дочь царевна Курушка. Какъ-то стали у царевны въ головѣ искать, вошку и нашли. Положили вошку на овцу,—сдѣлалась она съ овцу. Съ овцы положили на барана,—сдѣлалась она съ барана. Тутъ царь приказалъ убить ее и выдѣлать шкуру. А изъ шкуры сшили Курушкѣ башмачки.

И далъ царь по всѣмъ государствамъ знать:

— Кто отгадаетъ, изъ какой кожи башмачки у царевны, за того замужъ отдамъ.

Попріѣзжали царевичи, королевичи. Кто скажетъ козловы, кто сафьянные,—никто не можетъ отгадать.

Узналъ колдунъ Мертвякъ, пришелъ и объявилъ:

— У Курушки царевны башмачки вошиные!

Надо царю слово сдержать. Назначили свадьбу.

Горевалъ царь: страшенъ колдунъ Мертвякъ, какъ сокрыть царю отъ колдуна любимую дочь?

И придумалъ царь: посадить царевну на козла, увезти ее прочь, будто съ сѣномъ козель.

Вотъ поставили столы, за столъ посадили клюку, нарядили клюку царевной, ну, ровно царевна!

Вотъ ѣдетъ на свадьбу колдунъ, а козленокъ навстрѣчу.

— Козликъ, козликъ, дома ли Курушка царевна?— спрашиваютъ поѣзжане.

— Дома, дома, васъ, гостей, давно къ себѣ ждетъ.

И другая лошадь ѣхала—спрашивали, и третья, и самъ Мертвякъ спрашивалъ:

— Козликъ, козликъ, дома ли Курушка царевна?

— Дома, дома, васъ, гостей, давно къ себѣ ждетъ.

Такъ и проѣхали, а козликъ съ царевной дальше помчался.

Мертвякъ пріѣхалъ къ царскому двору, выговариваетъ:

— Что же ты, Курушка, что же ты, царевна, не встрѣчаешь меня, не кланяешься? — да въ горницу.

А въ горницѣ стоитъ за столомъ Курушка, не кланяется.

Ближе подошелъ Мертвякъ, все отвѣта нѣтъ, да какъ бросится на нее—клюка и упала.

Обманутъ Мертвякъ. Надули колдуна. Сталъ Мертвякъ разыскивать царевну, весь дворецъ обошелъ,—нигдѣ ее не можетъ найти. Догадался колдунъ, поѣхалъ въ погоню за козломъ вслѣдъ.

Говорить царевна:

— Козликъ, козликъ, припади къ матери-сырой землѣ, не ѣдетъ ли Мертвякъ за нами?

— Ёдетъ, ёдетъ, ёдетъ и близко есть.

Царевна бросила гребеньъ.

— Стань лѣсъ непроходимъ, чтобы не было птицѣ пролету, звѣрю проходу, Мертвяку проѣзду, впереди меня будь торна дорога широкая.

Мертвякъ пріѣхалъ—Мертвяку застава.

Скликнулъ Мертвякъ мертвяцкую силу, навезли топоровъ, пилъ. Сѣкли, рубили, просѣкали дорогу. Расчистили дорогу и опять Мертвякъ погнался за Курушкой. Нагоняетъ царевну.

— Козликъ, козликъ, припади къ матери-сырой землѣ, не ёдетъ ли Мертвякъ за нами?

— Ёдетъ, ёдетъ, ёдетъ и близко есть.

Царевна бросила кременьъ.

— Стань гора непроходима до неба, чтобы не было птицѣ пролету, звѣрю проходу, Мертвяку проѣзду.

Гора и стала.

Скликнулъ Мертвякъ мертвяцкую силу, стали сѣчь да рубить, просѣкли дорогу, и снова погнался Мертвякъ.

— Козликъ, козликъ, припади къ матери-сырой землѣ, не ёдетъ ли Мертвякъ за нами?

— Ёдетъ, ёдетъ, ёдетъ и близко есть.

Царевна бросила огниво.

— Стань огненна рѣка, чтобы не было Мертвяку проѣзду.

Пріѣхалъ Мертвякъ—нѣтъ проѣзду. Кричитъ Мертвякъ царевнѣ:

— Брось мнѣ, царевна, твои башмачки, я—Мертвякъ, я не возьму тебя замужъ.

Царевна бросила башмачки. Сѣлъ Мертвякъ и поплылъ, и доплылъ до середины рѣки и утонулъ.

А Курушка царевна поѣхала въ другое царство и тамъ вышла замужъ за морского разбойника.

1908 г.

ЖАДЕНЬ-ПАЛЬЦЫ.

Были три сына. Жили они съ матерью со старухой. Жили они хорошо, и добра у нихъ было много. Старуха-мать души не чаяла въ дѣтяхъ. Только и думы у старой, что о дѣтяхъ, чтобы было имъ жить поспокойнѣе, побогаче, повеселѣе. И задумала старуха,—помирать вѣдь скоро!—захотѣлось матери еще при жизни благословить добромъ сыновей, добро раздѣлить—каждому дать его часть.

И раздѣлила мать добро свое поровну всѣмъ, все сыновьямъ отдала, а себѣ ничего не оставила. Что ей добро, богатство, зачѣмъ оно ей на старости лѣтъ,—помирать вѣдь скоро!—какъ-нибудь вѣкъ доживетъ, не оставятъ, небось, любимыя дѣтки, дадутъ ей уголъ дожить свой вѣкъ.

Сыновья получили добро, не разошлись, всѣ вмѣстѣ дружно остались жить, какъ напередъ вмѣстѣ жили. Только матери-старухи ужъ никому теперь не надо. Гнать ее не гонять, да лучше бы выгнали: трудно, когда ты не нуженъ!

Сѣли сыновья обѣдать, а никто за столъ не посадить матери.

Лежить мать на печкѣ голодная.

— Господи, хоть бы Ты мнѣ смерть послалъ!

А проходилъ о ту пору по селу старичокъ-странникъ, зашелъ старичокъ въ избу къ братьямъ хлѣбушка попросить.

— Господи, хоть бы Ты мнѣ смерть послалъ!— молится мать.

Старичокъ и спрашиваетъ:

— Что же это такъ, сами кушаете, а матери не даете?

— А намъ ее никому не надо! — отвѣчаютъ сыновья, знай себѣ ложкой постукиваютъ.

— А продайте,—говорить старичокъ,—коли не надобна.

Сыновья къ страннику, живо всѣ изъ-за стола выскочили.

— Купи ее, дѣдушка, купи, сдѣлай милость! Лишняя она, обуза намъ съ ней.

— Господи, хоть бы Ты мнѣ смерть послалъ!— молится мать.

— А выведите ее, ребятки, за заборъ, тамъ и денежки получите!—сказалъ странникъ, пошелъ изъ избы, вонъ изъ избы пошелъ.

Дѣти къ матери, стащили старуху съ печки, поволокли: двое подъ руки, третій сзади. Вывели изъ избы старуху да къ забору и ужъ тамъ, за заборомъ, хотѣли они отъ нея отступиться, а рукъ и не могутъ отдернуть...

Старуха приросла къ нимъ.

А съ тѣхъ поръ и живутъ такъ, не могутъ освободиться: сами ѣдятъ и мать кормятъ.

1912 г.

НЕБО ПАЛО.

Ходила курица по двору, вязанка дровъ и просыпалась. Пошла курица къ пѣтуху:

— Небо пало, небо пало!

— А тебѣ кто сказалъ?

— Сама видѣла, сама слышала.

Испугался пѣтухъ, и побѣжали они прочь со двора. Бѣжали, бѣжали, наткнулись на зайца.

— Заяцъ, ты, заяцъ, небо пало!

— Тебѣ кто сказалъ?

— Сама видѣла, сама слышала.

Побѣжалъ и заяцъ. Попался имъ волкъ.

— Волкъ, ты, волкъ, небо пало!

— Тебѣ кто сказалъ?

— Сама видѣла, сама слышала.

Побѣжали съ волкомъ. Встрѣтилась имъ лиса.

— Лиса, ты, лиса, небо пало!

— Тебѣ кто сказалъ?

— Сама видѣла, сама слышала.

Побѣжала и лиса. Бѣжали они, бѣжали,—чѣмъ прытче бѣгутъ, тѣмъ страху больше, да въ рѣпную

яму и пали. Лежатъ въ ямѣ, стерпѣлись, ѣсть охота.

Волкъ и говоритъ:

— Лиса, лиса! прочитай-ка имена, чье имя похуже, того мы и съѣдимъ.

— Лисицино имя хорошо,—говоритъ лиса,—волково имя хорошо, зайцево хорошо и пѣтуховое хорошо, курицино имя худое.

Взяли курицу и съѣли.

А лиса хитра: не столько лиса ѣсть, сколько подъ себя кишки подгребаеть.

Волкъ опять за свое:

— Лиса, лиса! прочитай-ка имена, чье имя похуже, того мы и съѣдимъ.

— Лисицино имя хорошо,—говоритъ лиса,—волково имя хорошо, зайцево хорошо, пѣтуховое имя худое.

Взяли пѣтуха и съѣли.

А лиса хитра: не столько лиса ѣсть, сколько подъ себя кишки подгребаеть.

Волкъ прожорливъ, ему, сѣрому, все мало.

— Лиса, лиса! прочитай-ка имена, чье имя похуже, того мы и съѣдимъ.

— Лисицино имя хорошо,—говоритъ лиса,—волково хорошо, зайцево имя худое.

Взяли—съѣли и зайца.

Съѣли зайца, не лежитъ волку: давай ему еще чего полакомиться!

А лиса кишки лапкой изъ-подъ себя загребаеть и такъ ихъ сладко уписываетъ, такъ бы съ кишками и самоее ее съѣлъ.

— Что ты ѣшь, лисица?—не вытерпѣлъ волкъ.

— Кишки свои... зубомъ да зубомъ... кишки вкусныя.

Волкъ смотрѣлъ, смотрѣлъ да какъ запустить зубы себѣ въ брюхо, вырвалъ кишки да тутъ и околѣлъ.

— Что курица, что волкъ—съ мозгами голова!—облизывалась лиса, подѣла все кушанье, выбралась изъ ямы и побѣжала въ лѣсъ, хитра хитрящая.

1909 г.

МЕДВѢДЧИКЪ.

1.

Шелъ медвѣдчикъ большой дорогой, велъ медвѣдей. Съ медвѣдями ходить трудно—медвѣдь такъ въ лѣсъ и смотритъ, тоже поваляться охота въ теплой берлогѣ—берлога насладена медомъ!—вотъ и изволь на скрипкѣ играть, отводи душу медвѣжьё.

За Филипповъ постъ наголодался медвѣдчикъ, наголодался. Плохо нынче скомороху. И то сказать: безъ скомороха праздникъ не въ праздникъ, а всякъ норовитъ лягнуть тебя побольнѣе, либо напьются, нажрутъ, и скомороха не надо.

Застигнулъ медвѣдчика вечеръ: куда ему съ медвѣдями, такое позднее время! А стоялъ на дорогѣ постоялый дворъ богатый. Просить медвѣдчикъ у дворника пустить на ночлегъ. А дворникъ и слышать не хочетъ, отказываетъ.

Прошелъ слухъ, будто ѣздить по большимъ дорогамъ начальники, провѣряютъ передъ праздникомъ чистоту у дворниковъ. И была дворнику грамотка подброшена, что ночью нагрянетъ къ нему

начальникъ для провѣрки. Вотъ дворникъ, кто бы ни попросился, всѣмъ и отказывалъ.

— Я не пускаю не то что тебя съ твоими супостатами, я и извозчиковъ не пускаю, общался нынѣшнее число самъ губернаторъ у меня быть.

А работникъ дворниковъ говоритъ дворнику:

— Хозяинъ,—говоритъ,—отведу я ихъ въ баню; въ предмыльникъ поставитъ медвѣдѣвъ, а сами въ банѣ упокоются.

Уперся дворникъ: и то и другое и неудобно, и что губернаторскіе кони услышатъ запахъ медвѣжій, на дворѣ будутъ пугаться.

Плохо дѣло. А ужъ ночь охватываетъ, ночь— звѣзды, крѣпкій морозъ. Проситъ медвѣдчикъ, медвѣдей ему жалко—какъ льдинки, звѣзды горятъ, крѣпкій морозъ.

Ну, дворникъ и согласился.

— Отведи ихъ въ баню съ медвѣдями,—сказалъ дворникъ работнику,—да затвори покрѣпче, а ключи у себя держи, кто знаетъ!

Отвелъ работникъ медвѣдчика въ баню, заперъ ворота и сталъ съ хозяиномъ звонка слушать, гостей поджидать.

2.

Остался медвѣдчикъ съ медвѣдями въ банѣ. И тепло ему и медвѣдямъ тепло, да все неспокойно что-то, самъ не спитъ и медвѣди не спятъ: Миша лапу сосетъ, а медвѣдица Кулина ноздрями посви-

стывается. Не мѣртво, никакъ не уснуть, то Кулину погладить, то Мишу потреплеть.

О чемъ медвѣдица думала, невдомекъ медвѣдчику, только что-то недоброе думала, губой пошлепывала, или чужла недоброе, да сказать не могла? Миша тотъ свое думалъ: пройтись бы ему на пчельню пчелокъ поломать!—охотникъ былъ до меда медвѣдь, лапу сосаль.

Сталъ медвѣдчикъ, потрогалъ лапы, потрогалъ уши медвѣжки.

„Постой,—подумалъ,—прочитаю заговоръ, чтобы медвѣдей ножи не брали, кто знаетъ!“

— Мать, сыра земля! — поклонился медвѣдчикъ Мишѣ, поклонился Кулинѣ, — мать, сыра земля, ты желѣзу мать, а ты, желѣзо, поди во свою мать землю, а ты, древо, поди во свою мать древо, а ты, перья, подите во свою мать птицу, а ты, птица, полети въ небо, а ты, клей, побѣги въ рыбу, а ты, рыба, поплыви въ море, а медвѣдю Мишѣ, медвѣдицѣ Кулинѣ было бы просторно по всей землѣ. Желѣзо, укладъ, сталь, мѣдь на медвѣдя Мишу, на медвѣдицу Кулину не ходите, воротитесь ушьями и боками. Какъ метелица не можетъ летѣть прямо и приставать близко ко всякому древу, такъ бы всѣмъ вамъ не мочно ни прямо, ни тяжело падать на медвѣдя Мишу, на медвѣдицу Кулину и приставать къ медвѣдю Мишѣ и къ медвѣдицѣ Кулинѣ. Какъ у мельницы жернова вертятся, такъ бы желѣзо, укладъ, сталь и мѣдь вертѣлись бы кругъ медвѣдя Миши и медвѣдицы Кулины, а въ нихъ не попадали. А тѣло бы медвѣжье было не окро-

вавлено, душа не осквернена. А будетъ мой приговоръ крѣпокъ и дологъ.

И только что медвѣдчикъ заговоръ кончилъ, слышитъ, колокольчикъ у воротъ брякнулъ, да все рѣзче и громче.

3.

Слышитъ работникъ, звонятъ у воротъ, поднялся, и хозяинъ поднялся, тоже услышалъ.

— Бѣги,—говоритъ,—скорѣй, отворяй!

Работникъ къ воротамъ, отворилъ калитку посмотрѣть, а у воротъ люди—не такіе, онъ назадъ, калитку заперъ, да къ хозяину. А ужъ разбойники давай сами бить и ломать, сорвали ворота, да въ домъ, и сейчасъ же—овса, сѣна конямъ, а себѣ вина и закуски.

Хозяинъ видитъ, дѣло-то плохо приходитъ, старается угодить гостямъ, и вина и хлѣбъ-соли полонъ столъ наставилъ. А имъ все мало, до денегъ добираются, вотъ куда мѣтятъ!

— Довольно,—говорятъ,—тебѣ, хозяинъ, копить, ужъ накопилъ достаточно,—да за сундукъ дворниковъ и взялись.

Тутъ хозяинъ уллучилъ минуту, пока молодцы изъ сундуковъ выбирали, да и пришепни работнику, чтобы въ баню сходилъ къ медвѣдчику, по мощи попросить медвѣдями.

Работникъ въ баню къ медвѣдчику, рассказалъ медвѣдчику, какая бѣда у хозяина. Мигнулъ медвѣдчикъ Мишѣ, мигнулъ Кулинѣ, вывелъ медвѣдей изъ бани къ дому, приказалъ имъ службу.

Кулина сердитѣй и сильнѣе Миши,—велѣлъ ей медвѣдчикъ въ домъ итти и управляться, насколько есть мочи, да чтобы маху не давала, а Мишѣ приказалъ въ сѣняхъ ждать.

— Случаемъ тронутся утекать молодцы,—сказалъ медвѣдчикъ,—маклашку давать имъ немилосердную!

Поклонились медвѣди медвѣдчику, рады, дескать, приказаніе исполнить, сталъ Миша въ сѣняхъ, поднялась на заднія лапы медвѣдица и пошла въ домъ.

А разбойники деньги всѣ обообрали, и опять стали гулять, ужъ въ дорогу пили и закусывали, да какъ посмотрѣли на это чудовище—космато, велико, голова, что квашня, отъ страха такъ и ужаснулись.

Ну, Кулина не робкая, не заробѣла, давай ихъ ломать во всѣ свои силы—кому руку прочь, кому ногу прочь, кому черепанку взлупила.

Разбойники за ножи, а ножъ не беретъ—погнулись въ кольцо ножи, невредима медвѣдица, видятъ, не сладить, и давай уходить, а Миша въ дверяхъ. И кто въ сѣни выскочилъ, такъ тутъ и палъ.

Такъ перебили медвѣди всѣхъ до единого, а было всѣхъ двѣнадцать молодцовъ, двѣнадцать разбойниковъ.

— Собакамъ собачья честь!—сказалъ дворникъ, забралъ себѣ двѣнадцать коней разбойничьихъ и до утра чистилъ и прибиралъ съ работникомъ домъ и дворъ.

А медвѣдчикъ, чуть свѣтъ, въ путь пошелъ, повелъ медвѣдей. До звѣзды ему надо добратъся до города, пристать къ колядовщикамъ.

Безъ скомороха, безъ медвѣдчика и праздникъ
не въ праздникъ, и пиръ не въ пиръ, коляда не
настоящая.

1912 г.

Подари, государь, колядовщиковъ!
Наша коляда ни рубль, ни полтина,
А всего полъ-алтына.

СКАЗЪ.

Для пересказа народных сказокъ я пользовался записями, нигдѣ не напечатанными, — запись московская, сольвычегодская и грязовецкая, и записями, напечатанными въ Живой Старинѣ, и записями изъ сборника Н. Е. Ончукова, Сѣверныя сказки, Записки Имп. Рус. Геогр. Общ. по отдѣлу этнографіи XXXIII. Спб. 1908 г. Привожу №№-а Ончуковского сборника и указанія о другихъ записяхъ.

Стр. 11.—*Русскія женщины*. — 1) 120, 2) 95 и 170, 3) 147, 4) 104 5) 184, 6) 289, 7) 80, 8) 294, 9) 247 (ср. рассказъ Сиди Нумана изъ „Тысячи одной ночи“,—въ изд. Т-ва И. Н. Кушнерева, М. 1890 г. т. III, стр. 170), 10) 95, 11) 71, 12) 288, 13) Запись сказки въ Грязовецкомъ уѣз. Вологодск. губ., 14) 285, 15) 191, 16) 286, 17) 94, 18) 205.

Стр. 93.—*Царь Соломонъ и царь Гороскатъ (Петръ)*. — 1) 46, (ср. „Повѣсти о царѣ Соломонѣ“. Лѣтописи рус. литер. и древности, изд. Н. С. Тихонравовымъ. М. 1862 г. т. IV, стр. 112). 2) 49, (ср. „Повѣсть о муромскомъ князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи“. Памятники старинной рус. литературы. Изд. гр. Гр. Кушелевымъ-Безбородко. Вып. 1. Спб. 1860 г. стр. 27).

Стр. 115.—*Воры*. — 1) Запись сказки Сольвычегодскаго уѣз. Вологодск. губ., 2) 45, 3) 168 и 169, 4) 14, 5) Запись сказки Московская, 6) 197.

Стр. 163. — *Хозяева*. — 1) 227, 2) 231, 3) 229, 4) 40, 5) 87, 6) „Живая Старина“, вып. 1. 1911 г. ст. А. Васильева, стр. 117.

Стр. 189. — *Мірскія притчи*. — 1) 194, 2) 192, 3) 292 и 293, 4) 195, 5) 188, 6) 189, 7) 115, 8) 113, 9) 72, 10) 185, 11) 190, 12) 161, 13) 249.

Стр. 233. — *Глумы*. — 1) „Живая Старина“, вып. 1. 1897 г. Ст. С. В. Максимова, стр. 112, 2) „Живая Старина“, вып. 1. 1911 г. ст. А. Ва-

сильева, стр. 117, 3) 199, 4) 174, 5) 56, 6) 280, 7) 216, 8) „Живая Старина“, вып. 1. 1911 г. ст. А. Васильева, стр. 117.

Записи сказокъ, которыми я пользовался, были сдѣланы въ Архангельской, Олонецкой, Вологодской и Уфимской губ. и принадлежать Н. Е. Ончукову, академику А. А. Шахматову, учителю Д. Георгіевскому, писателю М. М. Пришвину, А. Васильеву, Д. Ив. Баласогло и учительницѣ В. А. Шалауровой. А записывали они сказки со словъ сказочниковъ и сказочницъ: сказочники—Григорій Ивановичъ Чупровъ, Иванъ Никитичъ Кисляковъ, Василій Дорофеевичъ Шишоловъ, Павелъ Григорьевичъ Марковъ, Алексѣй Ивановичъ Дитяевъ, Мануйло Петровъ, Наумъ Михайловъ, Василій съ Бѣлой Губы, Павелъ Михайловичъ Калининъ, „Гриша Шалай“—Григорій Петровичъ Кашинъ, Марковъ Илья Николаевичъ, Степанъ Петровичъ Корельскій, Яковъ Степановичъ Бородинъ и Филать Никаноровичъ Калѣндаревъ; сказочницы — Анна Семеновна Никитина, Лукерья Филимоновна Маркова, жена Севастьяна, старуха Анна Ивановна, старуха Медвѣдева, Михайловна, старуха Тараева, Прасковья Александровна, Марья Петровна, Ульяна Ивановна Базакова, Прасковья Степановна Воронихина и Марья Ивановна Баранова. А кто сказывалъ сказки этимъ сказочникамъ, про то ничего неизвѣстно, и только сказочникъ Илья Николаевичъ обмолвился, что свою сказку „слышалъ онъ отъ ненѣскаго мужика въ кузницѣ“.

Скажу и я про себя, откуда я слышалъ мою сказку московскую о Бармѣ: это печникъ Глухой ее мнѣ сказывалъ. Какой онъ былъ печникъ, я не знаю, я одно знаю, какъ, бывало, придетъ онъ къ намъ въ домъ, а приходилъ онъ къ намъ вечерами на Святкахъ да на Масленицѣ, и какъ, бывало, услышимъ отъ няньки, что Глухой пришелъ, и сейчасъ же всѣ мы, дѣти, кубаремъ на кухню, а ужъ Глухой, въ кухню представляетъ. Печникъ глухой былъ, ничего не слышалъ, да еще и полунѣмой какой-то, и что говорилъ онъ, понять трудно было, одно—смѣшно очень, и только про Барму явственно онъ рассказывалъ, и представлялъ чудно.

Помяну тутъ Глухого печника-сказочника, передавшаго мнѣ свою сказку, и поблагодарю его, помяну и другихъ незнаемыхъ сказочниковъ, со словъ которыхъ сказки я сказываю, и поблагодарю ихъ, помяну и тѣхъ, кто записалъ сказки—сохранилъ намъ этотъ даръ русскаго народа, и поблагодарю ихъ, и поклонюсь всему русскому народу за его доuku умственную и балагурье веселое.

	Годъ написа- нія.	Стр. книги.	№ Оичу- кова и друг. записи.	Годъ напеча- танія.	№
Барма	1905	147	Москва.	1905	Наша жизнь, пр. . . 23
Берестяный клубъ	1912	193	192	1912	Рѣчь 268
Братнина	1911	61	71	1911	Запросы жизни . . 11
Водяной.	1912	167	231	1913	Рус. Молва 203
Ворожея	1910	78	191	1913	Сѣвер. Записки . . . 2
Воръ Мамыка	1911	152	197	1912	Альм. Шиповникъ. 17
Воры	1908	117	Сольвы- чегодскъ.	1908	Рѣчь 318
Горе злосчастное	1912	225	249	1912	Рус. Молва 17
Господень звонъ	1911	200	195	1912	Завѣты 9
Догадливая	1912	87	205	1912	Новая Жизнь . . . 12
Жадень-пальцы	1912	255	280	1912	Огонекъ. 9
Жалостная	1909	25	104	1909	Новый день. 1
Желанная.	1909	16	96, 170	1909	Нов. журналъ для всѣхъ 14
Жулики.	1909	126	168, 169	1910	Весь Міръ 25
За овцу.	1911	195	292, 293	1912	Завѣты 9
Золотой кафтанъ	1911	203	188	1911	Огонекъ. 52
Красная сосенка.	1910	72	Грязовецъ.	1910	Пасхальный альм. . —
Кумушка	1911	75	285	1912	Завѣты 9
Левъ-звѣрь	1909	222	161	1909	Копѣйка 20
Летчикъ.	1910	245	199	1910	Альм. Огни —
Лигостай страшный	1911	174	40	1911	Рус. Слово. 297
Лихая	1909	56	95	1910	Нов. журналъ для всѣхъ. 16
Лѣшій	1912	165	227	1913	Рус. Молва 202
Медвѣдчикъ.	1912	260	Ж. С. 1911 г. № 1.	1913	Рус. Молва 181
Мертвецъ	1912	185	—, —	1912	Запросы Жизни. . . 51
Мужикъ-медвѣдь	1909	249	174	1909	Тропинка 7
Му́ты	1912	191	194	1912	Солнце Россіи. 112—113
Мышонокъ	1909	220	190	1909	Сборникъ Италіи . —

	Годъ написа- нія.	Стр. книги.	Ж Оичу- кова и друг. ваших.	Годъ напеча- танія.		№
Небо пало	1909	257	216	1909	Всемирн.панорама.	5
Обреченная	1912	21	147	1913	Огонекъ	13
Оклеветанная . . .	1911	35	80	1912	Завѣты	9
Ослиныя уши . . .	1909	218	185	1909	Нов. журналъ для всѣхъ	3
Отгадчица	1912	82	94	1913	Рус. Молва	123
Отчаянная	1912	47	294	1912	Новая Студія . . .	1
Пасхальный огонь	1910	212	113	1910	Солнце Россіи. . .	25
Песъ-богатырь . .	1912	239	Ж.С. 1911 г. № 1.	1912	Сѣвер. Записки . .	2
Подружки	1911	67	288	1912	Нов. Жизнь. . . .	12
Поперечная	1912	50	247	1913	Рус. Молва	123
Потерянная	1911	28	184	1912	Завѣты	9
Разбойники	1909	121	45	1909	Сатириконъ	35
Робкая	1911	32	289	1913	Сѣвер. Записки . .	2
Рыбовы головы. .	1911	215	72	1911	Запросы Жизни. .	11
Сердечная.	1912	80	286	1913	Рус. Молва	123
Скоморохъ.	1912	235	Ж.С. 1897 г. № 1.	1912	Солнце Россіи. . .	151
Собачій хвостъ . .	1909	139	14	1909	Всемирн. панорама	2
Суженая.	1910	13	120	1910	Скэтингъ-ринкъ. .	2
Хлоптунь	1911	180	87	1912	Нов. Жизнь. . . .	12
Царь Гороскатъ. .	1911	103	49	1912	Альм. Шиповникъ	17
Царь Соломонъ . .	1911	95	46	1911	Рус. Слово	297
Чаемый гость . . .	1910	209	115	1911	Скэтинкъ-ринкъ. .	1
Чужая вина	1911	206	189	1912	Солнце Россіи. . .	2
Чудесные башмачки	1908	251	56	1909	Слово.	751
Чортъ.	1912	170	229	1913	Рус. Молва	210

Сказки, вошедшія въ книгу Докука и балагурье (1905—1912 гг.), напечатаны были въ газетахъ, въ журналахъ и въ сборникахъ.

I. Газеты: „Наша Жизнь“ (приложенія), Спб. „Новый День“, Спб. „Русская Молва“, Спб. „Русское Слово“, М. „Рѣчь“, Спб. „Слово“, Спб.

II. Журналы: „Весь Міръ“, Спб. „Всемірная панорама“, Спб. „Завѣты“, Спб. „Запросы Жизни“, Спб. „Копѣйка“, Спб. „Новая Жизнь“, Спб. „Нов. Журн. для всѣхъ“, Спб. „Новая Студія“, Спб. „Огонекъ“, Спб. „Сатириконъ“, Спб. „Скэтингъ-ринкъ“, Спб. „Солнце Россіи“, Спб. „Сѣверныя записки“, Спб. „Тропинка“, Спб.

III. Сборники: „Италіи“, изд. Шиповникъ, Спб. „Огни“, изд. Нов. журн. для всѣхъ, Спб. „Пасхальный альманахъ“, изд. Новина, Спб. „Шиповникъ“, изд. Шиповникъ, Спб.

СОДЕРЖАНИЕ.

Русскія женщины:	СТР.
Суженая	13
Желанная	16
Обреченная	21
Жалостная	25
Потерянная	28
Робкая	32
Оклеветанная	35
Отчаянная	47
Поперечная	50
Лихая	56
Братнина	61
Подружки	67
Красная сосенка	72
Кумушка	75
Ворожея	78
Сердечная	80
Отгадчица	82
Догадливая	87
Царь Соломонъ и царь Гороскатъ:	
Царь Соломонъ	95
Царь Гороскатъ	103
Воры:	
Воры	117
Разбойники	121
Жулики	126
Собачій хвостъ	139
Барма	147
Воръ Мамыка	152
Хозяева:	
Лѣшій	165
Водяной	167

	стр.
Чортъ	170
Лигостай страшный	174
Хлоптунъ	180
Мертвецъ	185
Мірскія притчи:	
Муты	191
Берестяный клубъ	193
За овцу	195
Господенъ звонъ.	200
Золотой кафтанъ.	203
Чужая вина.	206
Чаемый гость	209
Пасхальный огонь	212
Рыбовы головы	215
Ослиныя уши	218
Мышонокъ	220
Левъ-звѣрь	222
Горе злосчастное	225
Глумы:	
Скоморохъ	235
Пѣсь-богатырь.	239
Летчикъ	245
Мужикъ-медвѣдь.	249
Чудесные башмачки	251
Жадень-пальцы	255
Небо пало	257
Медвѣдчикъ	260
Сказъ	267
Содержаніе	275

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

АЛЕКСѢЯ РЕМИЗОВА.

Въ 8 законченныхъ томахъ,
съ портретомъ автора и указателями: азбучнымъ и хронологическими.

Содержаніе томовъ:

- ТОМЪ 1. Неумный бубень, Царевна Мымра, Чортикъ, Судъ Божій, Жертва, Занофа, Слопенюкъ.
- ТОМЪ 2. Часы, Въ плѣну, Пожаръ.
- ТОМЪ 3. Крѣпость, Святой вечеръ, Безъ пяти минутъ баринъ, Придворный ювелиръ, Серебряныя ложки, Музыкантъ, Опера, Казенная дача, Эмаліоль, Новый годъ, Бебка, Бѣдовая доля.
- ТОМЪ 4. Прудъ.
- ТОМЪ 5. Крестовыя сестры, Чертыханецъ, Галстукъ, Мака.
- ТОМЪ 6. Посолонь, Къ Морю-Океану.
- ТОМЪ 7. Лимонарь, Паралипоменонъ.
- ТОМЪ 8. Бѣсовское дѣйство, Трагедія о Іудѣ принцѣ Искаріотскомъ, Дѣйство о Георгіи Храбромъ.

Цѣна каждаго тома 1 р.

ТОГО ЖЕ АВТОРА

ПОДОРОЖІЕ. Пѣтушокъ, Пятая язва, Покровенная, Бисеръ малый, Таинственный зайчикъ, Съ очей на очи. Спб. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

ДОКУКА И БАЛАГУРЬЕ. Народныя сказки. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 50 к.

Изд. Сиринъ.

200.00

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗД. „СИРИНЪ“

ЦѢНА 1 р. 25 к.